

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Мировое развитие. Выпуск 17

Азиатско-Тихоокеанский регион: новый центр мировой политики и экономики?

Ответственные редакторы:
К.Р. Вода, А.А. Невская, П.П. Тимофеев

Москва
ИМЭМО РАН
2017

УДК 327(5)
332.142(5)
ББК 66.4(5)
65.5(5)
Ази 355

Серия «Библиотека Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова»

*Редакционный совет продолжающегося издания «Мировое развитие»:
Ф.Г. Войтоловский, Н.И. Иванова, Л.Г. Истягин, Ю.Д. Квашин, А.В. Кузнецов,
И.С. Королев, Н.А. Косолапов, Э.Г. Соловьев, Н.В. Тоганова, Е.С. Хесин.*

Рецензенты:

доктор исторических наук А.Г. Володин
кандидат политических наук Е.В. Колдунова

Ази 355

Азиатско-Тихоокеанский регион: новый центр мировой политики и экономики?
(Мировое развитие. Выпуск 17) / Отв. ред.: К.Р. Вода, А.А. Невская, П.П. Тимофеев. –
М.: ИМЭМО РАН, 2017. – 195 с.

ISBN 978-5-9535-0499-7

DOI: 10.20542/978-5-9535-0499-7

Текущий выпуск издания «Мировое развитие» подготовлен на основе материалов Международной конференции молодых ученых, прошедшей 27 мая 2016 г. в ИМЭМО РАН. В конференции приняли участие сотрудники ИМЭМО, университетов и научных центров Москвы, Владивостока, Волгограда, Новосибирска, Санкт-Петербурга, а также зарубежные эксперты из Китая и Италии. В представленных статьях рассматриваются стратегии ведущих стран АТР по вопросам региональной политики и безопасности, основные тенденции экономического и технологического развития стран региона, актуальные аспекты сотрудничества России с АТР, а также место АТР во внешней политике ряда внерегиональных игроков. Издание предназначено для исследователей, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, а также всех интересующихся тенденциями мировой экономики и международными отношениями.

Asia-Pacific: a New Center of Global Politics and World Economy? (Global Development, iss. 17) / K.R. Voda, A.A. Nevskaya, P.P. Timofeyev, eds. – Moscow, IMEMO, 2017. – 195 p.

ISBN 978-5-9535-0499-7

DOI: 10.20542/978-5-9535-0499-7

The current issue of IMEMO's series "Global Development" is based on the agenda of the eponymous International conference of young scholars, which was held *at the Primakov Institute of World Economy and International Relations* (May 27, 2016). Among the participants were researchers from IMEMO, universities and think tanks from Moscow, Novosibirsk, St-Petersburg, Vladivostok, Volgograd, as well as experts from China and Italy. The articles in the collection examine different strategies of Asia-Pacific countries concerning policy and security, economics and technologies in the region, as well as various aspects of Russia's cooperation within Asia-Pacific and the place of the region in the foreign policy of non-regional actors. This edition is intended for researchers, political and economic analysts, high-school teachers, post-graduate students and all those interested in world economy and international relations.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0499-7

© ИМЭМО РАН, 2017
© Коллектив авторов, 2017

Оглавление

Стратегии ведущих стран АТР по вопросам региональной политики и безопасности	5
<i>Добринская О.А.</i> Ситуация в Южно-Китайском море и интересы Японии.....	5
<i>Милани М.</i> Роль Корейского полуострова в интеграционных процессах в Восточной Азии.....	18
<i>Ли Ф., Дэн Ц., Ли Д.</i> Отношения Китая с региональными интеграционными объединениями: двусторонняя или многосторонняя дипломатия?.....	31
<i>Захаров А.И.</i> Американско-индийское сотрудничество в АТР: проблемы и перспективы.....	41
<i>Сафронова И.А.</i> Влияние соперничества США и Китая на процессы многостороннего сотрудничества в АТР.....	48
Тенденции экономического и технологического развития стран АТР	51
<i>Невская А.А.</i> Страны Азии — новый центр развития креативных индустрий?.....	51
<i>Баронина Ю.А.</i> Производственные стратегии европейских автомобильных компаний в азиатских странах.....	59
<i>Болдырев В.Е.</i> Транстихоокеанское партнерство в стратегиях США и России в АТР.....	67
<i>Королев А.С.</i> Малайзия на пути к экономике знаний: планы, достижения, проблемы.....	80
<i>Шелухин А.А.</i> Инвестиции ТНК КНР в странах Африки в рамках концепции «Один пояс, Один путь».....	89
<i>Волынский А.И., Круглова М.С.</i> Как считают обновление основных фондов в Китае и Вьетнаме.....	96
Россия и АТР: актуальные аспекты сотрудничества	103
<i>Флегонтова Т.А.</i> Место России в интеграционной архитектуре АТР: возможности для межблокового взаимодействия.....	103
<i>Евтодьева М.Г.</i> Российская политика «поворота к Азии» в контексте проблем военно-технического сотрудничества.....	110
<i>Вода К. Р.</i> Японские «фабрики мысли»: влияние на внешнюю политику и российско-японские отношения.....	115
<i>Лю С.</i> АТР и формирование Большой Евразии: российско-китайское измерение.....	123
<i>Горбачева Н.В.</i> Мегарегион Сибирь и АТР: перспективы сотрудничества в энергетике.....	130
<i>Мамыркин Г.Д.</i> Российские компании в США: прямые иностранные инвестиции после 2000 г.....	137
<i>Полхова Е.В.</i> Особенности подхода федерации экономических организаций Кэйданрэн к диалогу с Россией.....	143

АТР во внешней политике стран мира	150
<i>Тимофеев П.П.</i> АТР во внешней политике современной Франции.....	150
<i>Прохоров Р.Е.</i> АТР в системе внешнеэкономических связей Пакистана	166
<i>Горячев Н.Н.</i> Особенности политического и экономического диалога Мексики и Перу с КНР (1970-е – 2010-е гг.)	174
<i>Шинкаренко А.А.</i> Тихоокеанский вектор внешней политики Перу: концептуальные и практические проблемы	182
<i>Abstracts</i>	190

Стратегии ведущих стран АТР по вопросам региональной политики и безопасности

Добринская О.А.*

Ситуация в Южно-Китайском море и интересы Японии

В статье автор рассматривает ситуацию вокруг Южно-Китайского моря и анализирует роль Японии в этом конфликте. Показано, что стабильность в Южно-Китайском море традиционно имеет большое значение для Японии, однако до недавнего времени Токио предпочитал держаться в стороне от территориальных споров. В последние годы Япония стала более активной в этом вопросе. Автор приходит к выводу, что для Японии сегодня важно сдерживание Китая и поддержка американской политики «ребалансирования».

Ключевые слова: Япония, Южно-Китайское море, Восточно-Китайское море, США, безопасность на море, силы самообороны, стратегия.

Рост военно-политической и экономической мощи Китая и попытки США сдерживать его региональное лидерство создают новые очаги напряженности, способные перерасти в конфликт. Одним из таких очагов становится Южно-Китайское море (ЮКМ). Обострение существующих десятилетиями акваториальных споров стало следствием наступательной политики Пекина, который претендует на 80% акватории ЮКМ. Усилившееся внимание со стороны Вашингтона превращает этот район в новую арену противостояния в Восточной Азии и борьбы за первенство в западной части Тихого океана.

Территориальные споры в ЮКМ возникли в результате послевоенного урегулирования в Азии: Япония отказалась от захваченных во время войны территорий, однако вопрос об их принадлежности не был решен. Парасельские острова и архипелаг Спратли и территория вокруг них оспариваются шестью государствами: Вьетнамом, Китаем, Тайванем, Малайзией, Филиппинами и Брунеем. Значимость этого района определяется тем, что в нем расположены наиболее оживленные морские торговые пути: через Малаккский пролив транспортируется около одной четверти всех мировых товаров¹. Здесь сосредоточены богатые запасы нефти и газа: по некоторым оценкам, 11 млрд баррелей нефти и 5,3 трлн куб. м природного газа².

Обострение территориальных споров в ЮКМ в 2010-х гг.

На протяжении нескольких десятилетий противостояние вокруг спорных территорий носило характер тлеющего конфликта, периоды острой конфронтации сменялись относительным затишьем. В последние годы наблюдается очередное

* Добринская Ольга Алексеевна — к.и.н., научный сотрудник Института востоковедения РАН, ст. преподаватель Дипломатической академии МИД России (doa_78@mail.ru). Статья поступила в редакцию 31.08.2016.

¹ 18 Maps that Explain Maritime Security in Asia // Asia Maritime Transparency Initiative. URL: <https://amti.csis.org/atlas> (дата обращения: 14.10.2016).

² South China Sea // US Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/beta/international/regions-topics.cfm?RegionTopicID=SCS> (дата обращения: 14.10.2016).

обострение конфликта из-за наступательной политики, проводимой Пекином. В 2009 г. КНР представила в ООН письмо, в котором заявила о существовании «линии девяти пунктов», очерчивающей якобы исторически принадлежавшее ей пространство, захватывающее почти всю акваторию ЮКМ и нарушающее исключительные экономические зоны (ИЭЗ) Филиппин, Вьетнама и Индонезии. С первой половины 2011 г. участились случаи вторжения военно-морских сил Китая в зоны контроля Филиппин и Вьетнама с тем, чтобы заставить их прекратить бурение нефтяных и газовых скважин в спорных районах. При этом обострялась конфронтация между военными и гражданскими судами.

1 января 2013 г. правительство КНР объявило о том, что полиция провинции Хайнань получила полномочия досматривать и брать под свой контроль иностранные суда, которые незаконно вошли в китайские воды ЮКМ. В 2014 г. Пекин начал бурение нефтяных и газовых скважин в ЮКМ. Одновременно Китай ведет работы по намыванию островов в районе архипелага Спратли, расширяя свою территорию и стремясь закрепить контроль над архипелагом. С 2014 г. на искусственных островах началось создание взлетно-посадочных полос и другой военной инфраструктуры.

Действия Китая вызывают резкий протест у других претендентов на острова и побуждают их добиваться интернационализации споров в ЮКМ. Так, после противостояния вокруг рифа Скарборо, фактически аннексированного Китаем, в январе 2013 г. Филиппины подали иск в Постоянную палату третейского суда в Гааге о правомерности китайских претензий на территории в рамках «линии девяти пунктов». По мнению экспертов, стратегия Манилы заключается в создании правовой основы для более активного подключения международного сообщества к решению территориального спора³. Одновременно Филиппины рассчитывают на поддержку со стороны США: в 2011 г. была подписана Манильская Декларация, а в апреле 2016 г. заключено соглашение, позволяющее американским войскам пользоваться базами на Филиппинах. Вьетнам также делает ставку на интернационализацию спора, активно задействуя экономические проекты для укрепления политических связей с внерегиональными партнерами (Россией, Индией, Японией, США) с тем, чтобы сделать их заинтересованными сторонами на случай обострения противоречий с Пекином⁴.

Споры в Южно-Китайском море, долгое время бывшие делом только их непосредственных участников, становятся предметом внимания не только региональных, но и глобальных игроков. Конфликт выходит за региональные рамки и превращается в противостояние более широкого масштаба. Рост напряженности вокруг спорных территорий провоцирует очередной виток гонки вооружений. По некоторым расчетам, затраты на оборону стран Азиатско-Тихоокеанского региона вырастут почти на 23% к концу нынешнего десятилетия⁵. Необходимость противостоять амбициям Китая вынуждает Филиппины и Вьетнам обращаться к США в поисках поддержки и средств сохранения баланса сил. Втягивание Вашингтона в конфликт еще больше обостряет его и расширяет его масштабы до уровня наиболее острых американско-китайских противоречий, которые давно уже приобрели глобальный характер⁶.

³ *Гарри М.* Конкурентные стратегии Пекина и малых стран АСЕАН в Южно-Китайском море // *Международные процессы.* 2015. Том 13. №1. С.85.

⁴ Там же. С.86.

⁵ Ситуация в Южно-Китайском море приведет к росту затрат на оборону // *ИА REGNUM.* 02.06.2016. URL: <http://regnum.ru/news/economy/2140187.html> (дата обращения: 14.10.2016).

⁶ *Мосяков Д.* На грани фола: политика Китая в Южно-Китайском море // *Индекс безопасности.* 2013. № 4 (107). Т.19. С.58–59.

Несмотря на то, что напряженность в ЮКМ прямо или косвенно затрагивает интересы многих стран региона, большинство из них предпочитает проводить политику невмешательства. Такого подхода до недавнего времени придерживалась и Япония, однако последние несколько лет ее стратегия в отношении споров в ЮКМ начала заметно трансформироваться. Токио не только обращает более пристальное внимание на ситуацию в этом районе, но и стремится организовать политическое давление на Пекин, наращивает темпы сближения со странами, противостоящими Китаю в ЮКМ, и увеличивает присутствие в сфере обеспечения безопасности стран Юго-Восточной Азии (ЮВА).

Эволюция японского подхода к проблемам ЮКМ

Стабильность в районе ЮКМ традиционно имеет ключевое значение для Японии. Через Малаккский пролив проходят жизненно важные каналы транспортировки товаров, в том числе по нему переправляется более 80% всей нефти, экспортируемой в Японию. В целях обеспечения своих национальных интересов в этом районе Япония с 1970-х гг. оказывала официальную помощь развитию (ОПР) прибрежным государствам, содействуя их экономическому развитию и стабильности. Однако роль Токио в обеспечении безопасности была достаточно скромной. Любое военное вовлечение Японии в дела региона было исключено, поскольку вызывало бы нежелательные ассоциации с ее участием в войне на Тихом океане. В конце 1990-х гг. стремление играть большую роль в региональных и глобальных делах отразилось и на политике в отношении ЮКМ. Токио стал активным участником борьбы с пиратством в регионе. Эскалация китайско-вьетнамских и китайско-филиппинских противоречий в 1990-е гг. не могла не привлечь внимание Японии, однако в то время они рассматривались только как один из дестабилизирующих факторов в регионе. До недавнего времени внимание Токио к ЮКМ было продиктовано не столько стратегическими соображениями сдерживания Китая, сколько стремлением обеспечить безопасность морских коммуникаций, а также играть международную роль, соответствующую статусу экономической сверхдержавы.

В 1990-х и начале 2000-х гг. ситуация в ЮКМ в целом не вызывала озабоченности в Токио, а обострение территориальных споров не воспринималось как угроза японским интересам. Япония стала по-иному воспринимать действия Китая в прилегающем морском пространстве по мере того как военная мощь последнего росла, а внешняя политика в Азии становилась более решительной⁷. Военно-стратегическая линия КНР изменилась от концепции «береговой обороны» к «активной прибрежной обороне» и далее — к «обороне в дальних водах». Реализация последней невозможна без обретения эффективного контроля над акваторией Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей⁸. Возросшая активность Китая не может не затрагивать японские интересы как с точки зрения стратегической значимости ЮКМ для Японии, так и с точки зрения защиты своих границ на юго-западном рубеже.

Напряженность в отношениях соседей нашла выражение в обострении спора вокруг островов Сэнкаку (Дяюйдао) в Восточно-Китайском море (ВКМ)⁹. Несмотря на

⁷ Storey J. Japan's Maritime Security Interests in Southeast Asia and the South China Sea Dispute // Political Science. 2013. 65(2). P.140.

⁸ Усов И. Интересы КНР в Южно-Китайском море // Проблемы национальной стратегии. 2014. №4. С.57.

⁹ Каждая из сторон заявляет о своих исторических правах на эти острова. По итогам Первой японо-китайской войны острова отошли к Японии, однако после Второй мировой войны Япония утратила права на завоеванные территории. Сэнкаку (Дяюйдао) перешли под юрисдикцию США, а в 1972 г. были переданы Японии вместе с островом Окинава. В 1978 г. после подписания японо-китайского

то, что противоречия между Токио и Пекином в ВКМ возникали и раньше, они не достигали такой интенсивности, как кризис, связанный с задержанием китайского рыболовного судна в районе этих островов в сентябре 2010 г. Китай резко отреагировал на действия Японии. Одной из мер стало временное эмбарго на экспорт в Японию жизненно важных для ее экономики редкоземельных металлов. Это событие стало поворотным пунктом, изменившим отношение Японии к ситуации в ЮКМ. После него Токио начал, с одной стороны, активней побуждать Китай к обсуждению вопросов морской безопасности в многостороннем формате, а с другой стороны — открыто выражать озабоченность наступательной политикой Пекина и проводить параллели между его конфликтами со странами ЮВА и противостоянием с Японией.

Дальнейшее развитие событий вокруг Сэнкаку (Дяоюйдао) свидетельствует о том, что значение территориального вопроса продолжит возрастать как в двусторонних отношениях Токио и Пекина, так и в национальной политике Японии¹⁰. Можно предположить, что Токио продолжит жесткую линию в отношении Китая и будет более решительно проводить политику сдерживания, ставя целью формирование антикитайского фронта. По словам японских чиновников, если утверждения Китая о том, что острова в ЮКМ находятся в его юрисдикции при отсутствии ясной международно-правовой базы, получают поддержку мирового сообщества, то это, безусловно, отразится на японской позиции в отношении островов Сэнкаку¹¹.

Как и Вашингтон, Токио не высказывается по вопросу принадлежности спорных территорий, предпочитая акцентировать внимание на мирном урегулировании ситуации. Япония выражает поддержку принятой в 2002 г. Декларации о поведении сторон в ЮКМ и призывает стороны подписать Кодекс поведения в ЮКМ. Несмотря на стремление проводить параллели между ЮКМ и ВКМ, правительство не называет ситуацию в ВКМ территориальным спором, поскольку исходит из принадлежности островов Сэнкаку (Дяоюйдао) Японии. Токио стремится противостоять попыткам Пекина изменить статус-кво в регионе, явным выражением которых Япония считает действия Китая в ЮКМ и ВКМ.

Рост военного потенциала Китая и его решимости расширять сферу интересов в прилегающем морском пространстве, включающем спорные территории, ведет к обострению восприятия Японией «китайской угрозы» и более тесному сближению Токио с Вашингтоном. Япония все более явно поддерживает американский курс на «ребалансирование» в Азии.

С 2009 г. администрация президента США Б. Обамы инициировала ряд шагов, призванных продемонстрировать возвращение США в Азию и, в частности, смещение фокуса внимания на Юго-Восточную Азию (ЮВА). Вашингтон воспринимает активность Пекина в ЮКМ как вызов своей гегемонии и демонстрирует готовность

Договора о мире, дружбе и сотрудничестве стороны заявили о замораживании спора по поводу принадлежности островов. В 1992 г. Стороны заявили о том, что решение спора откладывается на усмотрение будущих поколений.

¹⁰ Решение японского правительства в 2012 г. национализировать Сэнкаку вызвало массовые антияпонские протесты в Китае, а также сказалось на интересах японского бизнеса. Возросло число инцидентов с участием служб береговой охраны в спорном районе, а в январе 2013 г. китайский фрегат временно взял под боевой прицел японское патрульное судно. В ноябре 2013 г. Китай объявил о создании опознавательной зоны ПВО в ВКМ, включающей острова Сэнкаку. В марте 2016 г. Япония ввела в действие радар на островной базе Йонагуни, позволяющий осуществлять наблюдение за Сэнкаку, чем вызвала негативную реакцию Китая.

¹¹ *Midford P.* Japan's Approach to Maritime Security in the South China Sea // *Asian Survey*. 2015. Vol.55. No.3. P.538.

отстаивать собственные интересы в этой точке земного шара. В июле 2010 г. США заявили о своем интересе в ЮКМ, связанном с обеспечением свободы судоходства¹². Вашингтон настаивает на том, что в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву, в ИЭЗ прибрежных стран разрешена гражданская и военная навигация. Такая позиция вступает в конфликт с позицией Пекина, считающего незаконной изыскательную деятельность военных судов США в ИЭЗ Китая. Вашингтон не признает территориальные притязания Китая в ЮКМ и под предлогом обеспечения свободы судоходства нарушает провозглашенные Пекином территориальные воды в пределах 12 миль от искусственно созданных КНР островов в районе Спратли.

Курс администрации Б. Обамы пользуется поддержкой Японии. По словам премьер-министра С. Абэ, азиатская политика Японии включает обеспечение свободных и открытых для навигации морей как «общего блага» и поддержку американской политики «ребалансирования». Демонстрируя солидарность с США в отношении ЮКМ, Токио, в свою очередь, ожидает от Вашингтона ответной поддержки в случае обострения ситуации вокруг островов Сэнкаку (Дяоюйдао).

Проблематика ЮКМ вышла на первый план в риторике нынешнего японского правительства, сформированного победившей на выборах в 2012 г. Либерально-демократической партией во главе с С. Абэ. Однако поворот в стратегии на китайском направлении наметился еще в 2010 г., когда у власти в Японии находилась оппозиционная Демократическая партия. В определенной степени политика нынешнего правительства демонстрирует преемственность в отношении этого вопроса. Серьезный политический конфликт, связанный с задержанием китайского рыболовного траулера, заставил премьер-министра Н. Кан (июнь 2010 — август 2011 г.) свернуть курс на разворот в сторону Китая в ущерб японо-американскому альянсу, провозглашенный его предшественником Ю. Хатояма (сентябрь 2009 — июнь 2010 г.). Следующее правительство демократов, возглавляемое Е. Нода (август 2011 — декабрь 2012 г.), не акцентировало внимание на политике сдерживания Китая, хотя фактически действовало именно в этом направлении: тогда произошло сближение с Филиппинами (в сентябре 2011 г. было подписано соглашение о стратегическом партнерстве), а также стало уделяться особое внимание обсуждению вопросов морской безопасности на многосторонних форумах. Нынешний премьер-министр С. Абэ еще накануне выборов опубликовал статью «Стратегический ромб безопасности», в которой призывал не допустить милитаризации ЮКМ и превращения его в Пекинское озеро¹³. Неслучайно и первый визит нового премьер-министра состоялся именно в страны ЮВА — Индонезию, Вьетнам и Таиланд. За первый год пребывания у власти С. Абэ успел посетить все страны АСЕАН, задав тон активной дипломатии на этом направлении. Регулярные встречи на высшем уровне сопровождались установлением отношений стратегического партнерства (например, с Камбоджей, Малайзией), а также укреплением существующих партнерств (с Вьетнамом, Филиппинами, Индонезией).

¹² *Lin Cheng-yi*. The U.S. Rebalancing Policy and the East Asian Regional Security // 2015 Asia-Pacific Security Forum. Taiwan and the Asia-Pacific Security. Conference Manual. SOAS, University of London. P.21.

¹³ *Abe S.* Strategic Security Diamond // Project Syndicate.

URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/a-strategic-alliance-for-japan-and-india-by-shinzo-abe?barrier=accessreg> (дата обращения: 10.10.2016).

Многосторонняя дипломатия: ключевой инструмент реализации японской стратегии

Дипломатическая стратегия Японии в ЮКМ носит многоуровневый характер. Ее существенной составляющей является представительская работа на региональных площадках, таких как Асеановский региональный форум (АРФ), Восточноазиатское сообщество (ВАС), Совещание министров обороны АСЕАН плюс, а также Азиатский саммит по безопасности, известный как Диалог Шангри-Ла. Иницилируя обсуждение ситуации в ЮКМ, Япония исходит из того, что присутствие США в многосторонних региональных структурах позволяет предотвратить доминирование Китая. Об этом же свидетельствует и внимание к Диалогу Шангри-Ла, с трибуны которого в 2014 г. выступил сам С. Абэ. Важность для Японии этой дискуссионной площадки по вопросам безопасности определяется тем, что она включает не только страны региона, но и крупные европейские державы: Великобританию, Францию, Германию. Подобный формат позволяет Токио донести свою позицию до заинтересованных сторон, а также привлечь внимание внерегиональных игроков. За счет включения в повестку дня ситуации в ЮКМ Токио стремится поддерживать необходимый уровень интернационализации спорных вопросов, не допускать их обсуждения в двустороннем формате между Китаем и другими участниками споров. Тем самым Токио и Вашингтон стремятся предупредить возможность заключения Китаем двусторонних соглашений, которые шли бы вразрез с их интересами¹⁴.

С целью заручиться поддержкой ведущих мировых держав Токио лоббирует обсуждение вопросов ЮКМ и ВКМ в рамках глобальных механизмов. Результатом этих усилий стало включение соответствующих формулировок в заявление саммита Группы семи в июне 2015 г. в Германии. Западные лидеры выразили озабоченность трениями в ВКМ и ЮКМ, а также высказались против использования угроз, принуждения или использования силы и любых односторонних действий, направленных на изменение статус-кво. Вопросы ЮКМ вошли и в итоговый документ заседания Группы семи в Японии в мае 2016 г. Для Токио выгоден выход проблемы за рамки чисто регионального формата и объединение вопросов ВКМ и ЮКМ как наглядных свидетельств наступательной стратегии Пекина в регионе. Во-первых, это позволяет продемонстрировать Китаю влияние Японии в глобальных институтах. Во-вторых, задача интернационализации подобных региональных вопросов решается проще с привлечением европейских держав, в то время как страны АСЕАН не всегда охотно идут на включение проблем ЮКМ в итоговые документы.

Еще один аспект многосторонней стратегии Японии в отношении ЮКМ заключается в том, чтобы выдвигать собственные предложения, касающиеся укрепления морской безопасности. Начиная с 2000-х гг. Япония приобрела положительную репутацию в этой области за счет усилий по борьбе с пиратством, что позволяет ей на правах полноценного игрока добиваться выработки новых правил поведения на море. По предложению Японии и Индонезии в 2012 г. был расширен формат Асеановского морского форума за счет включения в него стран-партнеров АСЕАН. В 2012 г. на Диалоге Шангри-Ла замминистра обороны С. Ватанабэ в дополнение к принципам свободы навигации и мерам доверия предложил сторонам принять принцип «хорошей морской практики» (good seamanship) — поведения на море, учитывающего интересы других сторон. В 2014 г. там же С. Абэ озвучил «три принципа» поведения на море: государства должны выдвигать требования на основании международного права, стремиться решать споры мирными средствами, а

¹⁴ Sato Y. Japan and the South China Sea: a Stakeholders' Perspective // The South China Sea Dispute: Navigating Diplomatic and Strategic Tensions. / Ian Storey, Cheng Yi-Lin eds. ISEAS. Singapore. 2016. P.282.

также не применять оружие или силу для подкрепления своих требований. В 2015 г. министр обороны Г. Накатани выступил с инициативой по соблюдению транспарентности морской деятельности. Демонстрируя инициативный подход к обеспечению безопасности и стабильности в ЮКМ, Япония позиционирует себя как незаменимого игрока в этой части земного шара. Это в глазах японцев выглядит веским обоснованием их вовлечения в дела ЮКМ и повышенного внимания к происходящему в этом районе.

Япония — АСЕАН: попытки формирования единого антикитайского фронта

Дипломатия по линии международных институтов — важное, но не единственное направление, на котором Япония продвигает интересующую ее тематику. Большое значение она придает работе со странами АСЕАН, как по отдельности, так и в формате диалога АСЕАН плюс Япония. Сочетание многостороннего взаимодействия и двусторонних переговоров направлено на то, чтобы создать единый фронт для противостояния попыткам Китая расширить сферу влияния в Азии. Япония стремится к тому, чтобы проблематика ЮКМ или хотя бы вопросы безопасности на море и свободы навигации (с антикитайским подтекстом) присутствовали на переговорах и были закреплены документально. Упоминание о ситуации в ЮКМ в совместных документах выгодно Японии, поскольку демонстрирует Китаю единство позиций соседей относительно его поведения. Стремление к политическому сближению с государствами АСЕАН объясняется их значением для обеспечения поддержки и придания легитимности усилиям Японии, направленным на сдерживание Китая. Если не только Вьетнам и Филиппины, но и все страны АСЕАН будут публично выражать озабоченность активностью Китая на море, это станет дипломатическим достижением, способствующим укреплению стратегических интересов Токио и его влияния в регионе¹⁵.

В то же время, не все страны региона считают желательным вовлечение Японии в их дела и предпочитают не нагнетать ситуацию, избегая перехода от общих формулировок к конкретике и заострения внимания на вопросах ЮКМ. Например, если в совместном документе АСЕАН и Японии за 2014 г. было указание на необходимость мирного решения вопросов в ЮКМ и отказа от односторонних действий, то в заявлении АСЕАН и Японии от 2015 г. упоминание о ЮКМ отсутствовало¹⁶. Это свидетельствует о нежелании партнеров Токио демонстрировать согласованную антикитайскую позицию и тем самым провоцировать новый виток эскалации напряженности в Восточной Азии.

То же самое можно сказать об обсуждении вопросов ЮКМ в двустороннем формате, где эта тематика присутствует, однако формулировки, как правило, корректируются в зависимости от позиций азиатских партнеров. Члены АСЕАН неоднородны в своем отношении к политике Китая в акваториальных диспутах. Если Филиппины и Вьетнам охотно принимают политическую поддержку Японии, то, например, Камбоджа больше заинтересована в сохранении хороших отношений с Китаем. Приходится констатировать, что политическое влияние Токио не настолько велико, чтобы мобилизовать страны АСЕАН в противостоянии Китаю.

¹⁵ Nilsson-Wright J., Fujiwara K. Japan's Abe Administration. Steering a Course Between Pragmatism and Extremism. 09.2015. Chatham House. P.10.

¹⁶ ASEAN-Japan Leaders' Summit to Avoid Direct Mention of South China Sea // Mainichi Japan. 21.11.2015.

Сближение с Вьетнамом и Филиппинами: от ОПР к военному сотрудничеству

В складывающихся условиях Япония предпочитает делать ставку на сближение с активно противостоящими Китаю Филиппинами и Вьетнамом, а также с Индонезией как крупнейшим государством и лидером в АСЕАН. Стратегия Японии в отношении Филиппин и Вьетнама заключается не только в укреплении политического взаимодействия с ними, но и в увеличении объемов ОПР, оказании содействия береговой охране этих стран, а также в налаживании военного сотрудничества.

Официальная помощь развитию традиционно играет большую роль в осуществлении внешнеполитической стратегии Японии, поскольку направлена на создание благоприятных условий для продвижения ее национальных интересов. С 1970-х гг. Япония оказывала помощь экономическому развитию прибрежных государств с целью поддержания стабильности в районе ЮКМ и Малаккского пролива. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. программа помощи начала включать содействие в сфере безопасности, в частности, предоставление технической помощи, оборудования, а также обучение в сфере морской безопасности и борьбы с пиратством для представителей органов береговой охраны получателей японской помощи. Пересмотр Устава ОПР в феврале 2015 г. впервые сделал возможным оказание помощи вооруженным силам стран-реципиентов при условии, что она будет направлена на невоенные цели. Большинство наблюдателей сходится во мнении, что главными получателями такой помощи станут страны АСЕАН.

Используя механизм ОПР, Япония осуществила передачу оборудования для береговой охраны Филиппинам и Вьетнаму. В июне 2015 г. Япония подписала соглашение о продаже Филиппинам 10 патрульных кораблей на условиях низкопроцентного кредита в 150 млн долл. В феврале 2015 г. Вьетнаму был передан первый из шести патрульных кораблей, обещанных Токио с целью укрепления потенциала береговой охраны страны. Фактически Япония задействует существующие каналы и возможности взаимодействия с Филиппинами и Вьетнамом, созданные в целях борьбы с пиратством в районе ЮКМ, для того чтобы совместно противостоять территориальным амбициям Китая.

Оказывая помощь береговой охране, Япония содействует укреплению возможностей прибрежных стран по наблюдению, сбору информации и налаживанию связи. По мнению специалистов, японская помощь незначительно влияет на баланс сил в случае вооруженного конфликта, где преимущество будет на стороне Пекина, однако она сводит на нет вероятность незаметного захвата территорий Китаем, как это произошло в 1995 г. с рифом Мисчиф. Теперь подобная ситуация приведет к вооруженному столкновению, а эскалация конфликта повлечет за собой вмешательство со стороны США¹⁷. Содействие силам береговой охраны Филиппин и Вьетнама позволяет Японии укреплять их потенциал противодействия Китаю, способствуя таким образом реализации стратегии его сдерживания.

Новые возможности для сотрудничества Японии со странами ЮВА открывает пересмотр запрета на экспорт вооружений. Обновленные принципы, одобренные правительством С. Абэ в апреле 2014 г., разрешают японским компаниям поставки военной продукции союзникам Японии и дружественным государствам, а также упрощают порядок участия японских производителей в международных проектах, связанных с разработкой и производством вооружений. Это открывает дорогу для экспорта вооружений и передачи технологий странам ЮВА, имеющим противоречия

¹⁷ *Midford P.* Japan's Approach to Maritime Security in the South China Sea // *Asian Survey*. 2015. Vol.55. No.3. P. 541.

с Китаем. В ноябре 2015 г. была достигнута договоренность между Токио и Филиппинами о передаче военного оборудования. В марте 2015 г. подписан меморандум о военном сотрудничестве с Индонезией, ведутся переговоры с Малайзией и Индонезией о передаче им военного оборудования.

Наиболее динамично происходит сближение Японии с Филиппинами. В январе 2015 г. стороны подписали Меморандум о сотрудничестве в оборонной сфере, предусматривающий расширение военных обменов, работу по наращиванию возможностей, совместные учения, сотрудничество по обеспечению безопасности на море, передачу военных технологий. В стадии обсуждения находится соглашение, которое позволило бы Японии использовать военные объекты на Филиппинах, как это могут делать США и Австралия. Все более частые двусторонние и трехсторонние военные учения, заходы в порты стран ЮВА свидетельствуют о расширении японского присутствия в этой части земного шара. В мае 2015 г. были проведены первые японо-филиппинские морские учения в области безопасности на море, а в июне 2015 г. прошли двусторонние учения в сфере гуманитарного содействия и борьбы со стихийными бедствиями. В конце марта 2016 г. японский военный корабль зашел в порт Субик Бэй на Филиппинах.

В обозримой перспективе можно ожидать более тесное взаимодействие с Вьетнамом в сфере безопасности. Об этом свидетельствует договоренность между Токио и Ханоем о том, что корабли японских морских сил самообороны смогут заходить в порт в заливе Камрань во Вьетнаме, а также обсуждение перспектив совместных учений¹⁸. За период с 2015 г. японские воздушные суда дважды посетили Вьетнам, возвращаясь после выполнения миссии по борьбе с пиратством недалеко от Сомали¹⁹. В апреле 2016 г. Япония направила боевой вертолет через ЮКМ в Индонезию для участия в многосторонних морских учениях, посвященных миротворческим операциям, оказанию гуманитарной помощи, борьбе со стихийными бедствиями.

Сотрудничество с Филиппинами и Вьетнамом, а также сближение с Индонезией и Малайзией позволяет Японии закрепить свою новую роль в ЮВА, наполняет новым содержанием ее усилия по поддержанию безопасности в регионе, а также посылает сигнал Китаю о том, что Япония намерена наращивать свое присутствие в ЮКМ.

Перспективы присутствия сил самообороны в ЮКМ

Следует обратить внимание на обсуждение в политических и экспертных кругах перспективы отправки сил самообороны в ЮКМ. Американские официальные лица неоднократно высказывались о желательности участия Японии в патрулировании и сборе информации в районе ЮКМ (патрулях по обеспечению свободы навигации — *freedom of navigation patrols*). Заявления японских официальных лиц по этому поводу противоречивы. Создается впечатление, что в Токио предпочитают сохранять неопределенность вокруг этого чувствительного вопроса, камуфлируя ее расплывчатыми формулировками. Например, в феврале 2015 г. министр обороны Г. Накатани не исключил возможность присоединения японских кораблей к американскому патрулю в ЮКМ. В июле 2015 г. главнокомандующий совместным штабом сил самообороны К. Кавано заявил о том, что Япония может в будущем

¹⁸ *Pollman M.* Amid South China Sea Tensions, Japan Strengthens Ties with Philippines, Vietnam // *The Diplomat*. 2.12.2015. URL: <http://thediplomat.com/2015/12/amid-south-china-sea-tensions-japan-strengthens-ties-with-philippines-vietnam> (дата обращения: 15.10.2016).

¹⁹ *Satake T.* Japan and Australia Ramp Up Defence Engagement in the South China Sea. 26.04.2016. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2016/04/26/japan-and-australia-ramp-up-defence-engagement-in-the-south-china-sea> (дата обращения: 15.10.2016).

проводить патрулирование и сбор информации в районе ЮКМ²⁰. После осуществления американского патруля в октябре 2015 г. министр обороны Г. Накатани поспешил уточнить, что у Японии нет планов по отправке сил самообороны в ЮКМ. По словам источника в министерстве обороны, у Японии нет ни планов, ни возможностей, ни намерения осуществлять операции в ЮКМ²¹. Несмотря на это, на встрече с Б. Обамой в ноябре 2015 г. на полях саммита АТЭС в Маниле С. Абэ заявил, что Япония изучит вопрос об отправке сил самообороны в ЮКМ²².

Япония заинтересована в поддержании статус-кво в западной части Тихого океана, однако размер ее вклада будет определяться как состоянием отношений с Китаем и давлением со стороны США, так и позицией остальных региональных держав, прежде всего, союзников США. По мнению экспертов, нельзя исключать и того, что если Австралия примет решение участвовать в операциях в 12-мильной зоне от китайских искусственных островов, то и Токио может изменить свой подход к патрулированию²³. По мнению японского аналитика М. Нисихара, в политическом плане наиболее реальным был бы вариант участия Японии в многосторонних миссиях по сбору информации и наблюдению, включающих силы некоторых стран АСЕАН и Австралии²⁴.

До недавнего времени одним из сдерживающих факторов на пути участия в патрулировании являлся вопрос о юридическом статусе возведенных Китаем островов. Выступая в парламенте, министр обороны Ф. Кисида заявил, что правительство не имеет возможности дать ответ, являются ли они скалами, которые государство может заявлять как свои территории, или возвышениями, не являющимися частью территории. В июле 2016 г. Постоянная палата третейского суда ООН по морскому праву признала безосновательными притязания Китая в ЮКМ в пределах «линии девяти пунктиров». Япония незамедлительно поддержала судебный вердикт и выступила с призывом к Китаю соблюдать это решение. По мнению японского политолога Т. Котани, решение международного трибунала может открыть дорогу для совместного патрулирования в пределах 12 морских миль²⁵.

Представляется, что идея участия Японии в патрулировании на данном этапе вызвала бы отторжение со стороны электората, оппозиционных партий и партнера по правящей коалиции — партии «Комэйто». Принятие в сентябре 2015 г. нового законодательства по обеспечению мира и безопасности сопровождалось массовыми протестами, и на этом негативном фоне любые новые шаги, касающиеся отправки сил самообороны за рубеж, будут наталкиваться на резкое неприятие со стороны населения. Фактор общественного мнения нельзя не учитывать при рассмотрении перспектив участия японских военных в операциях за пределами своей территории.

Не следует забывать и о том, что военное присутствие Японии в ЮВА приветствуется далеко не всеми странами региона. Воспоминания о зверствах

²⁰ Japan May Conduct South China Sea Patrols, Says Military Chief // The Guardian. 17.07.2015.

URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/jul/17/japan-may-conduct-south-china-sea-patrols-says-military-chief> (дата обращения: 15.10.2016).

²¹ Japan Has 'No Plan' to Dispatch Ships // The Japan Times. 3.11.2015.

²² Japan May Send Military to South China Sea, Abe Says // Nikkei Asian Review. 20.11.2015.

²³ *Shreer B.* A Dangerous Game in the South China Sea: is Japan Ready to Set Sail? // National Interest. 30.10.2015. URL: <http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/dangerous-game-the-south-china-sea-japan-ready-set-sail-14211> (дата обращения: 15.10.2016).

²⁴ *Nishihara M.* Japan's Emerging Security Role in Southeast Asia // Regional Outlook Forum 2016. 12.01.2016. Shangri-La Hotel Singapore. Discussion paper. P.3.

²⁵ *Kotani T.* Can Japan Join U.S. Freedom of Navigation Operations in the South China Sea? // Asia Maritime Transparency Initiative. 2.11.2015. URL: <https://amti.csis.org/can-japan-join-u-s-freedom-of-navigation-operations-in-the-south-china-sea> (дата обращения: 15.10.2016).

японской армии во время войны на Тихом океане до сих пор не изжили себя в странах ЮВА, а антияпонская риторика Китая в связи с отношением к истории, ревизионистской повесткой дня С. Абэ и его реформами оборонной политики будет только подогревать алармистские настроения азиатских стран. Неслучайно Малайзия и Индонезия отреагировали настороженно, когда осенью 1999 г. Япония предложила осуществлять совместное патрулирование в целях борьбы с пиратством²⁶.

Сдержанное отношение Японии к идее отправки сил самообороны в ЮКМ объясняется и тем, что поддержка позиции США относительно допустимости военной разведывательной деятельности в ИЭЗ другого государства создает для Токио дилемму. В случае аналогичных действий Пекина в своей ИЭЗ Токио лишается оснований для протеста. Поэтому, хотя на деле Япония поддерживает деятельность США по сбору информации в упомянутом районе, эта поддержка не декларируется официально²⁷.

Другой сценарий возможного появления японских вооруженных сил в ЮКМ связан с возможностью применения права на коллективную самооборону в случае блокады Малаккского пролива, по которому проходят жизненно важные артерии транспортировки товаров в Японию. Принятое в сентябре 2015 г. «Законодательство по обеспечению мира и безопасности» предусматривает возможность осуществления коллективной самообороны в ситуациях, представляющих «угрозу существованию» страны. К таким ситуациям правительство относит и блокаду проливов, по которым в страну поступает основная доля энергоресурсов. При обсуждении законодательства об обеспечении мира и безопасности в верхней палате парламента в июле 2015 г. С. Абэ допустил возможность применения рассматриваемых законов в случае необходимости разминирования ЮКМ²⁸.

Несмотря на то, что такой сценарий представляется далеким от нынешних реалий, новое законодательство увеличивает возможности Японии по сдерживанию Китая, поскольку позволяет силам самообороны оказывать более существенную помощь США и другим государствам, действующим вдали от японских берегов. Принятые в апреле 2015 г. новые Руководящие принципы японо-американского сотрудничества предусматривают наращивание совместных усилий по обеспечению безопасности на море, свободы навигации, взаимодействие в осуществлении разведки, наблюдения и сбора информации, а также наращивания возможностей стран-партнеров.

Пристально наблюдая за развитием ситуации в ЮКМ, Токио действует максимально осторожно. Реализуя стратегию сдерживания Китая, Япония в то же время вряд ли пойдет на шаги, которые будут рассматриваться как вторжение в зону ответственности Пекина. Активность сил самообороны в регионе затормозит какой-либо прогресс на дипломатическом направлении и вызовет всплеск напряженности не только в ЮКМ, но и в ВКМ, провоцируя более частые недружеские действия со стороны Китая²⁹. Гораздо более выгодным для Японии представляется политическое маневрирование в условиях противоречий между Китаем и государствами ЮВА. В определенной степени напряженность в ЮКМ выгодна Токио, поскольку она представляет собой возможность вбить клин в отношения между Китаем и странами АСЕАН, препятствовать превращению Китая в бесспорного восточноазиатского лидера. Кроме того, для Японии это означает появление нового рынка передачи

²⁶ *Midford P.* Op. cit.

²⁷ *Sato Y.* Op. cit. P.283.

²⁸ *Government Maneuvers in Struggle for Support of Security Bills // Nikkei Asian Review.* 11.08.2015.

²⁹ *Satake T.* The New Guidelines for Japan-U.S. Defense Cooperation and an Expanding Japanese Security Role // *Asian Politics and Policy.* 2016. Vol.8. Issue 1. P.36.

военных технологий американским союзникам в регионе, что не только принесет выгоду ей самой, но и будет способствовать укреплению японо-американского союза.

Демонстрируя поддержку Филиппинам и Вьетнаму, Япония не только преследует свои интересы, но и содействует осуществлению стратегии Вашингтона по «ребалансированию» в Азии. Наращивание военного сотрудничества Японии со странами ЮВА, расширение круга региональных партнерств может обеспечить хоть и косвенную, но более существенную поддержку США, чем прямое военное вовлечение. Кроме того, по мнению некоторых экспертов, помощь Японии в наращивании возможностей стран АСЕАН, таких как Филиппины, может привести к трансформации двустороннего японо-американского альянса в многостороннюю и многослойную структуру, что затруднит возможность ухода США из Азии³⁰.

С другой стороны, сближение с Вьетнамом, Филиппинами, Индией, равно как и выстраивание «особых отношений» с Австралией, позволят Токио обеспечить благоприятный баланс сил в случае снижения интереса Вашингтона к азиатским делам. Токио стремится не только уравновесить мощь Китая за счет укрепления собственного военного потенциала и более тесного сотрудничества с США, но и подстраховаться на случай, если Вашингтон и Пекин договорятся о разделе сфер влияния в Восточной Азии за счет японских интересов. Используя «китайскую угрозу», Токио стремится выстраивать новые отношения в рамках региональной структуры безопасности.

Эволюция подхода Японии к проблемам ЮКМ непосредственно связана с ужесточением внешнеполитического курса в отношении Китая. Обострение борьбы за лидерство в регионе, кульминацией которого стала конфронтация двух стран в ВКМ в связи со спором о принадлежности островов Сэнкаку (Дяоюйдао), побуждает Японию проводить более активную политику сдерживания Китая, в том числе за счет сближения со странами, имеющими с ним территориальные споры. Япония видит в действиях Китая, направленных на установление контроля над большей частью акватории ЮКМ, вызов своим национальным интересам не только потому, что через него проходят торговые коммуникации, имеющие стратегическое значение для страны, но и потому, что если подобная деятельность останется без должного внимания и порицания со стороны мирового сообщества, то следующим объектом его наступательной политики станут острова Сэнкаку (Дяоюйдао). В этой связи Токио стремится привлечь всеобщее внимание к морской активности Китая, а также вовлечь максимальное число игроков в политическое противостояние с Пекином, для чего сочетает активную многостороннюю и двустороннюю дипломатию. С целью обуздания территориальных амбиций своего соседа Япония усиливает помощь береговой охране государств-участников территориальных споров в ЮКМ, налаживает военно-техническое сотрудничество с крупными государствами ЮВА, а также принимает все более активное участие в учениях.

Дипломатические усилия Японии направлены на то, чтобы добиться выработки со странами АСЕАН единой позиции по отношению к действиям Китая, проводя аналогии между его поведением в ЮКМ и ВКМ, и тем самым усилить давление на Пекин. На это же направлены усилия Токио по интернационализации территориальных споров в ЮКМ, а также по привлечению внимания внерегиональных держав к наступательной политике этого азиатского гиганта. Поддержка максимального числа государств АСЕАН продемонстрировала бы Пекину степень

³⁰ *Cheng-yi Lin. Op. cit.*

политического влияния Токио, а попытки интернационализировать рассмотрение спорных вопросов направлены на то, чтобы предотвратить возможность достижения двусторонних договоренностей, вступающих в противоречие с японскими интересами. Эффективность усилий Японии ограничена, поскольку Токио не является стороной в спорах и не может инициировать их обсуждение, а политическое влияние Японии не настолько велико, как влияние Китая и США.

Принятие законодательства по обеспечению мира и безопасности расширяет возможности участия сил самообороны Японии в различных операциях за пределами своей территории. Совокупность внутренних и внешних факторов, таких как общественное мнение, в целом негативно настроенное по отношению к идее отправки сил самообороны за рубеж, нежелание излишне обострять отношения с Китаем, сдержанное отношение стран ЮВА к военному присутствию Японии в районе ЮКМ не позволяет Токио оказать безоговорочную поддержку действиям американских ВС в районе ЮКМ. Можно предположить, что позиция американских союзников в Азии может повлиять на изменение отношения Японии к отправке сил самообороны для патрулирования или сбора информации в район ЮКМ, однако степень этого влияния оценить сложно. Участие сил самообороны в патрулировании или сборе информации в ЮКМ не только приведет к обострению отношений с Китаем, но и будет неоднозначно воспринято как внутри страны, так и странами ЮВА. Свою роль в обеспечении безопасности в ЮКМ Япония стремится закрепить с помощью выдвижения различных инициатив, касающихся свободы навигации и правил поведения на море. Этому способствует ее содействие в укреплении потенциала прибрежных стран в области безопасности, а также сближение с крупными странами АСЕАН в военной сфере. Это позволяет Японии поддерживать положительный образ среди государств региона и одновременно дает сигнал Китаю о том, что Токио намерен наращивать свое присутствие в районе ЮКМ.

Нынешняя стратегия Японии может иметь как позитивные, так и негативные последствия для дальнейшего развития ситуации в ЮВА. С одной стороны, ее предложения направлены на выработку новых правил и подходов, способствующих повышению безопасности судоходства и деятельности на море. Кроме того, японо-американский альянс создает действенный противовес Китаю, тем самым способствуя поддержанию основанной на балансе сил стабильности в регионе. С другой стороны, попытки Японии дипломатически воздействовать на страны региона рассматриваются Китаем как направленные на его сдерживание и вызывают резко негативную реакцию, заставляя разыгрывать «историческую карту» и акцентировать внимание на участии Японии в войне на Тихом океане. Давление со стороны Китая на страны АСЕАН, оспаривающие с ним территории в ЮКМ, приводит к тому, что они начинают больше тяготеть к США и Японии. Это приводит к углублению расхождений внутри АСЕАН, подрывает возможности этой структуры, а также подогревает опасения, провоцирующие гонку вооружений в Восточной Азии.

Роль Корейского полуострова в интеграционных процессах в Восточной Азии

В статье анализируется характер сотрудничества в Северо-Восточной Азии, в частности, на Корейском полуострове. Показано, что на протяжении многих лет корейская проблема создает напряженность в регионе, но в то же время генерирует возможности для взаимодействия между региональными акторами. В первой части статьи дан краткий обзор ситуации в Северо-Восточной Азии. Установлена важнейшая причина политических разногласий в этом регионе, мешающая сотрудничеству и интеграции. Вторая часть посвящена анализу межкорейских отношений в последние десятилетия. В третьей части рассматривается региональное измерение корейской проблемы и ее влияние на укрепление или ослабление регионального взаимодействия.

Ключевые слова: *Корейский полуостров, Северо-Восточная Азия, КНДР, ядерная проблема, сотрудничество, региональная интеграция.*

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) приобретает все большее значение в мировой экономике и международных отношениях. Согласно недавнему заявлению К. Кэмбэлла, бывшего заместителя госсекретаря США по вопросам Восточной Азии и Тихого океана, «большая часть истории XXI в. будет написана в Азии»¹. Мнение этого ученого и политика разделяют многие эксперты и аналитики во всем мире. Эпохальное смещение фокуса на Восток из Атлантики (ядром которой является ось США — Европа) в Тихий океан привело к изменению расстановки сил между ведущими глобальными державами, многие из которых географически расположены в этом регионе. Привлекает внимание концентрация ведущих и усиливающихся держав в Азии: прежде всего, США и Китая, но здесь находятся и Япония, Россия, Индия, а также растущие «средние державы», такие как Южная Корея и Индонезия.

Запуск в 2011 г. администрацией президента США Б. Обамы стратегии «разворота в Азию» (или перебалансировки), о котором объявила бывший госсекретарь Х. Клинтон в своей статье в журнале *Foreign policy*, свидетельствует о сильнейшем интересе к этому региону со стороны сохраняющей свое могущество сверхдержавы². Хотя события и конфликты на Ближнем Востоке в последние несколько лет отвлекали внимание США, АТР будет иметь приоритетное значение как для нынешней, так и для будущей американской администрации после выборов 2016 г. Но в регионе существует много акторов помимо США. Китай превращается в ведущего политического и военного игрока на региональном и глобальном уровне. Его все более напористая внешняя политика в сочетании с ростом военных расходов, направленных на модернизацию вооруженных сил, уже добавили сложности процессу формирования нового баланса сил, учитывающего Китай как нового глобального игрока. Россия пытается изменить свое положение в регионе, развивая дальневосточную часть страны и укрепляя экономические и политические отношения

* Милани Марко — Ph.D., преподаватель Факультета политологии Университета Болонья, Италия (marco.milani6@unibo.it). Статья поступила в редакцию 19.01.2016. Перевод с английского — К.Р. Вода.

¹ Campbell K. U.S. Defense Policy Issues Pertaining to the Asia-Pacific Theater. United States Senate Committee on Armed Services. Washington. 14.04.2015.

² Clinton H. America's Pacific Century // *Foreign Policy*. 11.10.2011.

с государствами Северо-Восточной Азии, в то время как ее отношения с западными соседями ухудшаются. В регионе находится и Япония, которая после избрания в 2012 г. премьер-министром С. Абэ стремится к восстановлению ведущей роли не только в экономике, но и в политике, а также к статусу «нормальной державы» в военном отношении. Южная Корея, в свою очередь, пытается проводить более активную и независимую внешнюю политику, используя все новые инструменты экономической, политической и мягкой силы, что соответствует новой роли страны как укрепляющейся «средней державы». Этот процесс начался при администрации Ли Мен Бака и получил дальнейший импульс при администрации Пак Гын Хе, которая проводит гиперактивную внешнюю политику. Дополняют эту и без того сложную картину, два государства, которые до сих пор угрожают региональной безопасности. Речь идет о Тайване, и в большей степени, о Северной Корее.

Сотрудничество, интеграция и «азиатский парадокс»

Необходимо отличать региональное сотрудничество от региональной интеграции. Сотрудничество можно определить как координацию интересов между акторами. Для решения общих проблем акторы координируют свои действия и взаимодействуют по тем или иным аспектам, используя разнообразные инструменты. В свою очередь, интеграция — это ситуация, при которой конфликтность между акторами находится на нулевом уровне, и приоритет отдается наднациональным интересам. Она может иметь рыночный характер и не предполагать наличия прямого соглашения между странами или быть политически мотивированной. Интенсивность региональной интеграции также может различаться. Говорить о полномасштабной экономической интеграции можно тогда, когда товары, услуги и факторы производства свободно перемещаются между государствами-участниками интеграционного проекта, а также когда их финансовые рынки объединены³. Политическая интеграция также может проходить различные этапы своего развития, но она всегда предполагает передачу государствами определенной части суверенитета надгосударственным институтам. Это более сложный процесс, требующий значительно более низкого уровня конфликтности и высокого уровня доверия между акторами.

Отношения в Восточной Азии сегодня характеризует так называемый азиатский парадокс: рост экономической интеграции между экономиками Восточной Азии не приводит к устранению глубокого стратегического недоверия. После того как термин «азиатский парадокс» был впервые введен в 1993 г. Р. Мэннингом, эта тенденция не только пережила все международные катаклизмы, но в некотором роде усилилась⁴. В субрегионе Северо-Восточной Азии расцвет торгово-экономических отношений между тремя ведущими игроками: Китаем, Японией и Республикой Корея — соседствует с ростом напряженности по проблемам политики и безопасности, особенно по вопросам, связанным с исторической памятью о японском колониальном периоде.

Проблема противоречивого исторического наследия — не единственная политическая проблема в регионе. Существует несколько источников напряженности, оказывающих влияние на отношения между ведущими акторами. Несмотря на то, что в последние годы спор между Китайской Народной Республикой и Китайской Республикой (Тайванем) утихает, он до сих пор является одним из главных поводов

³ *Lamberte M. B. An Overview of Economic Cooperation and Integration in Asia // Asian Economic Cooperation and Integration: Progress, Prospects and Challenges. Asian Development Bank. Manila, 2005. P. 3–40.*

⁴ *Manning R. The Asian Paradox: Toward a New Architecture // World Policy Journal. Vol. 10. No. 3. 1993. P. 55–64.*

для беспокойства ведущих региональных игроков с точки зрения безопасности и стабильности. Последний кризис в отношениях между странами, расположенными по разные стороны Тайваньского пролива, произошел в 1995–1996 гг. Тогда Пекин впервые отреагировал на визит президента Тайваня Ли Дэньхуэя в американский Корнеллский университет в 1995 г.⁵, а в следующем году попытался оказать влияние на президентские выборы на Тайване, произведя серию пусков ракет, упавших в территориальные воды Тайбэя. Кризис удалось погасить при помощи сдерживающего вмешательства ВМС США, но эти события побудили Китай ускорить военное строительство в последующие годы, а также продемонстрировали, как может обостриться этот вопрос в кратчайшие сроки. В последние годы отношения между Пекином и Тайбэем можно охарактеризовать как благоприятные, в основном благодаря позиции открытости, которую занял президент Тайваня Ма Инчжу. Тем не менее ситуация, когда у власти на Тайване находится правительство Демократической прогрессивной партии, выступающее за большую автономию от Пекина, представляется неоднозначной.

Тайваньский вопрос — не единственная территориальная проблема в регионе. Наиболее опасным (учитывая экономический вес участвующих в нем сторон) является спор между Японией и Китаем вокруг островов Дяюйдао/Сэнкаку, расположенных в Восточно-Китайском море. Все более напористая позиция Пекина, равно как и жесткие ответные действия японского правительства, создают риск опасной эскалации проблемы. Например, провозглашение Китаем в ноябре 2013 г. опознавательной зоны ПВО, включающей пространство над спорными островами, привело к резкому и немедленному обострению напряженности, а также к вмешательству американских сил для поддержки позиции Японии⁶. В дополнение к проблеме островов Дяюйдао/Сэнкаку у Японии существует также спор с Южной Кореей вокруг островов Токто/Такэсима в Восточном/Японском море. При этом Южная Корея отрицает существование спора. Острова находятся под защитой южнокорейской береговой охраны с 1954 г. и считаются частью Кореи с «периода трех царств», что доказывается рядом исторических документов. Японская оккупация этих островов в 1905 г. считается в Южной Корее незаконной, как и колонизация всего полуострова (1910–1945 гг.). Согласно позиции Токио, эта территория была незанята, когда Японская империя провозгласила ее своей. Несмотря на отсутствие у островов стратегической, географической и экономической значимости, спор стал очагом напряженности для растущих националистических сил в обеих странах и рассматривается в рамках более масштабной проблемы исторических разногласий между Южной Кореей и Японией⁷. Последний и наименее проблемный территориальный спор в Северо-Восточной Азии — спор между Россией и Японией вокруг суверенитета над Курильскими островами (или «северными территориями»). Эти территории находятся под контролем Москвы с конца Второй мировой войны, когда советские войска заняли все Курильские острова. Токио опровергает эту позицию, заявляя, что острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и группа островов Хабомаи, суверенитет которых оспаривает Япония, не являются частью Курильских островов, а также что Россия никогда не управляла этими островами раньше, следовательно, их нельзя рассматривать в качестве территорий, захваченных Японией в результате

⁵ *Chen Q.* The Taiwan Strait Crisis: its Crux and Solution // *Asian Survey*. Vol. 36. No. 11. 1996. P. 1055–1066.

⁶ *Wang Z.* China's Puzzling ADIZ Decision Making // *The Diplomat*. 18,12,2013.

⁷ *Park Dong-joon, Chubb D.* South Korea and Japan: Disputes Over the Dokdo/Takeshima Islands // *East Asia Forum*. 17.08.2011.

колониальной экспансии⁸. Хотя этот спор остается нерешенным многие годы, он не представляет потенциальной угрозы для региональной безопасности.

Исторические и территориальные споры можно считать частью более масштабных процессов роста соперничества в Северо-Восточной Азии. В последние годы правительства ведущих игроков в регионе стали делать ставку на националистические настроения в своих странах, которые часто используются как средства для достижения общенационального консенсуса. Правительства С. Абэ в Японии, Ли Мен Бака и в еще большей степени Пак Гын Хе в Южной Корее, а также китайское руководство используют национализм в качестве подспорья своей внутривластной легитимности или для формирования консенсуса в периоды избирательных кампаний. В этой связи утверждение суверенитета над спорными территориями или непримиримая позиция в отношении отдельных исторических разногласий, в большинстве случаев относящихся к периоду японского колониального правления, может рассматриваться как часть более серьезной проблемы возобновления соперничества между Японией, Китаем и Южной Кореей. Изменяющийся и зачастую нестабильный новый баланс сил создал «геополитический беспорядок», предоставив каждому региональному актору новые возможности. В этих условиях страны стали базировать свои новые активные позиции в большей степени на эгоистических национальных интересах, нежели на конструктивных отношениях и создании сетей взаимодействия.

Помимо вышеозначенных проблем формирования баланса сил, существует вопрос, который многие годы считается критически важным с точки зрения стабильности и безопасности Северо-Восточной Азии. Речь идет о проблеме межкорейского урегулирования. Еще в 1993 г. Р. Мэннинг, вводя термин «азиатский парадокс», считал эту проблему важнейшим политическим препятствием для дальнейшего развития сотрудничества и интеграции в Северо-Восточной Азии. В течение нескольких десятилетий после крушения биполярного миропорядка корейская проблема является источником напряженности в регионе, прежде всего, по причине развития северокорейской ядерной программы. В то же время, она представляет собой «точку соприкосновения», способствующую развитию сотрудничества между региональными акторами. Несмотря на значительные разногласия, все участники переговоров (за исключением самой Северной Кореи) рассматривают мирное урегулирование северокорейского ядерного кризиса, а также полную денуклеаризацию Корейского полуострова как благоприятный исход. Отношения между Сеулом и Пхеньяном также представляют собой важный пример сотрудничества в периоды кризисов между акторами, находящимися в состоянии откровенной вражды или, по меньшей мере, стратегического соперничества.

Сотрудничество и интеграция на Корейском полуострове

В истории межкорейских отношений было несколько примеров сотрудничества и интеграции в ограниченных масштабах. Следует выделить три важнейших примера: Совместное заявление 1972 г., Базовое соглашение между Севером и Югом 1992 г., которое стало главным достижением так называемой «северной политики», и межкорейский саммит, состоявшийся в июне 2000 г. в рамках «политики солнечного света».

Возможность применить при урегулировании межкорейских отношений подход, основанный на мирном сосуществовании, и наладить сотрудничество в различных

⁸ *Williams B. Federal–Regional Relations in Russia and the Northern Territories Dispute: the Rise and Demise of the 'Sakhalin Factor' // The Pacific Review. 2006. Vol. 19. No. 3. P. 263–285.*

сферах появилась в начале 1970-х гг. Первые попытки в этом направлении были очень мягкими и были связаны с изменениями международной обстановки, в частности с разрядкой между двумя блоками и американо-китайским сближением, а также с тактическими изменениями во внутренней политике корейских государств.

Первые подобные контакты между Сеулом и Пхеньяном на политическом и дипломатическом уровне после подписания перемирия в Пханмунчжоне произошли в 1971–1972 гг. Окно возможностей, открывшееся благодаря американо-китайскому сближению, дало плоды в форме Совместного заявления Севера и Юга 4 июля 1972 г., подписанного в один и тот же день представителями двух корейских государств. Публикация совместного заявления стала невиданным до сих пор событием в отношениях двух стран. Заявление не имело юридической силы и не упоминало официальные названия двух стран, чтобы избежать даже скрытого намека на взаимное признание. Тем не менее по сравнению с предыдущей ситуацией, изменения были колоссальными: было положено начало будущему сотрудничеству. Провозглашались такие цели: снизить недопонимание и взаимное недоверие, ослабить напряженность, ускорить процесс объединения. Раскрывались три принципа объединения:

1. Независимость от внешнего влияния;
2. Мир как важнейшее средство достижения объединения;
3. Национальное единство, стоящее выше идеологий, идеалов, символов.

В последующих пунктах заявления приводился список действий, способствующих реализации трех принципов. Важнейшие из них: прекратить взаимную клевету и оскорбления; воздерживаться от действий, которые могут привести к несчастным случаям с участием вооруженных сил; предпринимать позитивные шаги для предотвращения военных столкновений; проводить обмены в различных областях; завершить переговоры, начатые Красным крестом по воссоединению семей; наладить прямую линию связи между Сеулом и Пхеньяном; и, в конечном итоге, учредить постоянный комитет, отвечающий за координацию отношений между Севером и Югом⁹.

Несмотря на то, что до конца не ясно, какая сторона выступила инициатором переговоров, важнейшим моментом можно считать выступление Пак Чжон Хи по случаю дня независимости в 1970 г.¹⁰, в котором южнокорейский президент предложил «исторические и реалистичные меры» по снятию барьеров между Северной и Южной Кореей в обмен на прекращение любых враждебных попыток Пхеньяна, направленных на устранение силой правительства в Сеуле. Также Пак призвал Пхеньян к проведению «мирного соревнования в области развития» для определения того, какой режим наилучшим образом подходит для обеспечения наиболее высоких стандартов жизни населения¹¹.

Заявление имело безусловную ценность для утверждения нового подхода к ведению переговоров, основанного на взаимных обменах в политической и неполитической сфере, усилении независимости и сотрудничества, и как следствие, интеграции. Старая формула «отсутствия диалога» была заменена на новую: «объединение посредством диалога»¹². Но также очевиден и другой аспект вопроса: такая открытость со стороны Пака была продиктована в большей степени

⁹ *Koh Byung-chul*. The Inter-Korean Agreements of 1972 and 1992 // *Korea and World affairs*. Vol. 16. No. 3. 1992. P. 473.

¹⁰ Перевод на англ.яз. *Major Speeches by Korea's Park Chung-hee*. Hollym Corp. Seoul. 1971.

¹¹ *A White Paper on South-North Dialogue in Korea*. National Unification Board. 1988. P. 34.

¹² *Park Young-ho*. South Korea's Unification Policy: Past, Present and Future // Kwak Tae-hwan ed., *The Four Powers and Korean Unification Strategies*. Kyungnam University Press. Seoul. 1997. P. 87–108.

международными обстоятельствами и его собственным политическим оппортунизмом, нежели искренним желанием примирения с Пхеньяном. Несколько условий, которые были выдвинуты в первой речи 1970 г., не могли быть немедленно приняты Северной Кореей и не могли считаться реальным путем к укреплению сотрудничества и интеграции¹³.

После почти 20-летнего отсутствия реального сотрудничества на полуострове второе окно возможностей открылось в конце 1980-х гг. после распада социалистического блока и окончания холодной войны. Неожиданный крах биполярного миропорядка стал встряской для всей международной системы и подготовил почву для разрешения нескольких региональных и локальных конфликтов, которые до сих пор были неразрывно связаны с биполярной системой международных отношений. Наиболее ярким примером стало объединение Германии. Несмотря на ожидания многих экспертов и политиков, Северная Корея продемонстрировала небывалую устойчивость к этому историческому изменению, которое режим преодолел и пережил. Очевидно, потеря главного поставщика экономической и военной помощи, равно как и охлаждение отношений с Китаем, стало угрозой для Пхеньяна и привело к возникновению серьезного кризиса, который окончился трагическим голодом, продолжавшимся в течение всех 1990-х гг. Несмотря на то, что эти перемены не стали реальной возможностью для объединения, они создали условия для нового курса в межкорейских отношениях. Южнокорейское правительство президента Ро Дэ У (1988–1993 гг.) оказалось готовым воспользоваться этим шансом.

Подход Ро Дэ У к Северной Корее и внешней политике был обозначен термином «северная политика» (Nordpolitik)¹⁴, по аналогии с термином «восточная политика» (Ostpolitik), который ввел премьер-министр Германии В. Брандт в начале 1970-х гг. Основная идея подхода заключалась в том, чтобы поддерживать добрососедские отношения с Советским Союзом (затем с Россией) и Китаем, ставя перед собой двойную задачу: подготовить почву для улучшения отношений между двумя корейскими государствами и повысить экономический и дипломатический статус страны¹⁵. В то же время южнокорейское правительство продвигало инициативу по созданию новых каналов для ведения диалога на высшем уровне на полуострове. Межправительственные переговоры, которые были проведены с 1989 по 1991 гг., привели к подписанию важнейшего документа: Соглашения о примирении, ненападении, обменах и сотрудничестве между Югом и Севером, также известного как Базовое соглашение между Югом и Севером, вступившее в силу 19 февраля 1992 г. В тот же день были ратифицированы два важных документа: Совместное заявление о денуклеаризации полуострова и Соглашение о создании подкомиссии для проведения переговоров на высшем уровне между Севером и Югом¹⁶.

Основное внимание в Соглашении о примирении уделялось предотвращению провокаций и вмешательства во внутренние дела (исчезла идея, согласно которой Южная Корея рассматривалась в качестве колонии США). Было заявлено, что стороны должны превратить перемирие 1953 г. в настоящий мирный договор и

¹³ Koh Byung-chul. Op. cit. P. 468–469.

¹⁴ Также используется термин «северная дипломатия».

¹⁵ Park Sang-seek. Northern Diplomacy and Inter-Korean Relations // Cotton J. ed. Korea Under Roh Tae-woo: Democratization, Northern Policy and Inter-Korean Relations. Allen and Unwin Pty, St. Leonard. 1993. P. 219.

¹⁶ Lim Dong-won. Inter-Korean Relations Oriented Toward Reconciliation and Cooperation // Cotton J. ed., Korea Under Roh Tae-woo: Democratization, Northern Policy and Inter-Korean Relations. Allen and Unwin Pty, St. Leonard. 1993. P. 267.

соблюдать его до достижения окончательной цели объединения¹⁷. Очевидно, положения третьей главы, посвященной сотрудничеству и обменам, могли быть воплощены в жизнь наиболее быстро и легко. Произошло улучшение ситуации с воссоединением семей, объем торговли вырос к середине 1990-х гг. до 300 млн долл¹⁸. Другая судьба ждала «Совместную декларацию о денуклеаризации полуострова»¹⁹, которая представляла собой короткий документ, состоящий лишь из шести пунктов, призывавший к использованию ядерной энергии на полуострове исключительно в мирных целях, а также к созданию механизмов взаимного контроля. Декларация носила характер заявления и никогда не была воплощена в жизнь.

Прогресс, достигнутый правительством Ро Дэ У, привел к значительному улучшению отношений между двумя корейскими государствами, в особенности в сфере экономического сотрудничества. Кроме того, временное разрешение первого северокорейского ядерного кризиса путем заключения рамочного соглашения, подписанного Пхеньяном и Вашингтоном в 1994 г., способствовало снижению напряженности на полуострове. Следующий южнокорейский президент Ким Ён Сам (1993–1998 гг.) занимал менее решительную позицию в отношении Северной Кореи, характеризовавшуюся чередованием периодов открытости и закрытости в ответ на провокации стороны Пхеньяна. Тем не менее политический капитал, созданный «северной политикой», не был полностью исчерпан.

Наивысшая точка в межкорейском сотрудничестве была достигнута в годы проведения «политики солнечного света» во время пребывания у власти прогрессивных южнокорейских президентов Ким Дэ Чжуна (1998–2003 гг.) и Но Му Хена (2003–2008 гг.). Первого можно считать настоящим архитектором нового конструктивного подхода к Северной Корее, основанного на нескольких принципах: нет терпимости к военным провокациям со стороны Северной Кореи; нет объединения посредством поглощения; активный поиск путей для примирения и сотрудничества. Такой подход был основан на концепции «гибкого дуализма», который можно определить как разделение политики и экономики. Согласно позиции Кима, сотрудничество и обмены нельзя связывать с политическими и военными проблемами, поскольку в таком случае, каждый шаг, сделанный в направлении улучшения межкорейских отношений, может быть подорван из-за роста военной напряженности на приграничной территории, или из-за продвижения в развитии северокорейской ядерной программы. Новый подход с самого начала своего претворения в жизнь начал приносить плоды. Произошел расцвет межкорейских экономических и торговых обменов, резко снизилась военная конфронтация, произошло создание нескольких очень важных совместных проектов: например, туристический проект на горе Куманган и промышленный комплекс Кэсон.

Наиболее важным примером этой волны позитивных отношений между двумя корейскими государствами как в символическом, так и в политическом плане стал межкорейский саммит, состоявшийся в Пхеньяне 13–15 июня 2000 г. Главной целью встречи было ускорение нормализации и институционализация межкорейских отношений по трем основным направлениям: официальная смена подхода от конфронтации к сотрудничеству; нормализация отношений между двумя правительствами; начало демонтажа структур холодной войны на полуострове²⁰. Атмосфера вокруг саммита была несколько сверхъестественной, если судить по тому

¹⁷ Ibidem. P. 270–272.

¹⁸ Park Young-ho. Op. cit. P. 94.

¹⁹ См. полный текст декларации на англ.яз. в Cotton J. 1993, Korea Under Roh Tae-woo. P. 341–342.

²⁰ Kihl, Young-whan. Overcoming the Cold War Legacy in Korea? The Inter-Korean Summit One Year Later // International Journal of Korean Studies. 2001. Vol. 5. No. 2. P. 9.

радушию, с которым была принята южнокорейская делегация, и по близким отношениям, которые демонстрировали лидеры двух стран, до сих пор находящихся в состоянии войны друг с другом²¹. Все следы десятилетий враждебности и взаимных подозрений, казалось, исчезли на эти несколько дней, а мир был ближе, чем когда-либо²². Безусловно, красочный прием Ким Дэ Чжуна в Пхеньяне был устроен правительством Северной Кореи для того, чтобы продемонстрировать всему миру, как сильна власть Ким Чен Ира в его стране, но в то же время несколько сгладить полностью негативный образ, которым он обладал в других странах, показав «новое лицо»: доброе, приветливое, харизматичное и рациональное²³. В то же время, президент Ким Дэ Чжун также сумел использовать театральность, разыгранную вокруг саммита для своих собственных политических целей, повысив свою популярность на родине. Опросы общественного мнения, проведенные министерством объединения в течение нескольких недель после саммита, демонстрировали, что более 90% респондентов позитивно относились к встрече и положительно оценивали ее значение для улучшения межкорейских отношений, примерно такое же число опрошенных благоприятно оценивали возможность визита Ким Чен Ира в Сеул, и более 70% поддерживали «политику солнечного света» и президента Ким Дэ Чжуна²⁴.

Наиболее важным результатом саммита, помимо его символического значения, стало принятие совместной декларации, подписанной лидерами двух стран 15 июня 2000 г. Этот документ можно поставить в один ряд с Совместным заявлением 1972 г. и Базовым соглашением 1992 г.²⁵ Пять пунктов декларации резюмировали заявления, зафиксированные в предыдущих совместных документах: важность объединения, независимого от внешнего влияния, посредством совместных усилий обеих стран, составляющих единую нацию; признание сходств предложенных формул для достижения объединения, которые можно считать жизнеспособной основой будущих действий; разрешение гуманитарных проблем, прежде всего, воссоединение семей. В этой связи лидеры двух государств объявили, что разделенным семьям будет предоставлена возможность встречи 15 августа 2000 г. — в годовщину освобождения полуострова от японского колониального правления. Два последних пункта касались важности обменов в различных сферах (культурной, социальной, спортивной, защиты окружающей среды, здравоохранения) в качестве инструмента для укрепления доверия, достижения сбалансированного развития посредством экономического сотрудничества и создания постоянного диалога между руководством двух стран для имплементации соглашения. В декларации неоднократно используется слово «нация», когда речь идет об усилиях, необходимых для объединения, а также о сотрудничестве и развитии. Важно отметить, что саммит был организован без посредничества третьих сторон, только посредством контактов двух корейских государств. Это стало радикальным изменением для Северной Кореи, которая долгое время отказывалась иметь официальные контакты с правительством в Сеуле²⁶.

²¹ *Moon Chung-in*. Two Days on the Other Side // *Time*. 26.06.2000.

²² *Moon Chung-in*. The Sunshine Policy and the Korean Summit: Assessment and Prospect // *East Asian Review*. 2000. Vol. 12. No. 4. P. 22.

²³ *Lee Dong-bok*. Inter-Korean Summity: Another Indian Game of Elephant Versus Blind People? // *Korea and world affairs*. 2000. Vol. 24. No. 2. P. 210.

²⁴ *Kirk D.* Kim Dae-jung and Sunshine: Polls, Popularity and Politics // *Korea Observer*. Vol. 32. No. 3. 2001. P. 409–429.

²⁵ См. полный текст заявления: South-North Joint Declaration (15.06.2000) // United States Institute of Peace. URL: www.usip.org/files/file/resources/collections/peace_agreements/n_skorea06152000.pdf. (дата обращения: 23.11.2015).

²⁶ *Moon Chung-in*. *Op. cit.* P. 22–29.

Одной из наиболее важных проблем, которые предстояло решить сторонам, было воссоединение семей, разделенных корейской войной. Первые переговоры представителей организаций Красного креста двух государств прошли уже через несколько недель после саммита на горе Куманган 27–30 июня 2000 г. Их целью стало уточнение деталей запланированной встречи разделенных семей и определение подходящего места для репатриации узников войны, которые до сих пор находились в Южной Корее. Вторым шагом в развитии диалога стало проведение регулярных переговоров на министерском уровне в течение всего 2000 г., в ходе которых был определен ряд практических мер, направленных на углубление сотрудничества между странами (сотрудничество в рыболовстве, встречи между двумя организациями тхэквондо). Среди этих мер выделялось создание совместного комитета по развитию межкорейского экономического сотрудничества, которому поручалось начать обсуждение строительства индустриального комплекса «Кэсон» в ближайшие годы²⁷. Последний должен был стать одним из наиболее ярких примеров экономического сотрудничества двух корейских государств.

Во всех трех описанных эпизодах очевидна взаимозависимость между балансом сил в регионе, и даже в мире, и проблемой межкорейских отношений. В первых двух случаях сближение Сеула и Пхеньяна произошло вследствие изменения отношений между ведущими державами: Совместное заявление 1972 г. было подписано после начала нового курса в отношениях Китая и США; проведение «северной политики» стало возможным благодаря окончанию холодной войны и распаду Советского Союза. В случае «политики солнечного света» наблюдалась обратная связь между отношениями на Корейском полуострове и региональной обстановкой. Улучшение отношений между Сеулом и Пхеньяном положительно повлияло на региональную ситуацию — в частности, на отношения Вашингтона, Токио и Пхеньяна. Кроме того, правительство Ким Дэ Чжуна решило придерживаться предыдущего курса открытости и поддержания добрососедских отношений с Китаем и Россией.

Межкорейский конфликт и сотрудничество в Северо-Восточной Азии

Риски для регионального баланса сил, исходящие от неразрешенного конфликта между Северной и Южной Кореей, и в еще большей степени от северокорейской ядерной программы, побудили всех ведущих региональных акторов искать способы координации и сотрудничества, необходимые для решения проблем на полуострове. Кризисы, возникавшие в течение последних двух десятилетий, также предоставляли возможность для развития сотрудничества между странами Северо-Восточной Азии.

Одним из наиболее значимых примеров является попытка найти выход, по крайней мере временный, из первого ядерного кризиса на корейском полуострове 1993 г. Тогда Пхеньян отверг запрос Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) на проведение инспекции объекта в Йонбене, расценив это как неприемлемое вмешательство во внутренние дела. Кроме того, КНДР выступила с угрозами выйти из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), к которому она присоединилась в 1985 г. После первого раунда контактов между Пхеньяном и Вашингтоном, который был твердо намерен предотвратить любую возможность неконтролируемого распространения ядерного оружия, Северная Корея

²⁷ The Fourth Round of Ministerial Talks // Korean Unification Bulletin. Vol. 26. Ministry of Unification. Seoul. 2000.

решила приостановить выход из ДНЯО. В следующем году Пхеньян достиг всеобъемлющего соглашения с Вашингтоном, известного как Рамочное соглашение США и КНДР. Среди важнейших положений соглашения были: заморозка северокорейской ядерной программы; новая серия инспекций МАГАТЭ, включая запланированные инспекции и инспекции по требованию; участие в ДНЯО; выполнение Совместного заявления о денуклеаризации Корейского полуострова 1992 г. В обмен правительство США обязалось предоставить формальные гарантии целостности Северной Кореи, поставить нефть для электричества и отопления (500 тыс. т тяжелой нефти в год) и построить два ядерных реактора на легкой воде для замены существующих графитовых реакторов, которые могли бы быть использованы для производства плутония, используемого для разработки ядерного оружия. Последний пункт имел большое значение для регионального сотрудничества. В 1995 г. была создана Организация по развитию энергетики на Корейском полуострове (КЕДО) для выполнения положений рамочного соглашения и строительства реакторов на легкой воде²⁸. Основателями организации стали США, Южная Корея и Япония. В 1995–2000 гг. к организации присоединились другие акторы, в том числе некоторые государства Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Австралию, Новую Зеландию, Индонезию²⁹.

Соглашение и создание организации столкнулись с оппозицией со стороны республиканского большинства в Конгрессе США, которое рассматривало это решение как способ умиротворения КНДР. Во многом из-за этого строительство началось после долгой отсрочки, что вызвало раздражение КНДР. Вскоре стало ясно, что несмотря на добрую волю некоторых акторов, в первую очередь, Японии и Южной Кореи, у проекта КЕДО нет больших шансов для успеха. В особенности это стало очевидно после избрания на пост президента США Дж. Буша-мл. Несмотря на это, создание организации продемонстрировало новые возможности для регионального сотрудничества не только в сфере экономики, но и в области безопасности.

Второй ядерный кризис конца 2002 — начала 2003 гг. поставил точку в действии рамочного соглашения, но в то же время стал причиной появления нового проекта регионального сотрудничества, на этот раз более масштабного и инклюзивного. Предположения о возможности Северной Кореи обогащать уран привели в октябре 2002 г. к быстрой эскалации напряженности и стали причиной формального выхода Пхеньяна из ДНЯО. Враждебность, продемонстрированная республиканской администрацией в Вашингтоне, в особенности, отнесение Северной Кореи к т.н. «оси зла» в обращении Дж. Буша-мл. к нации в январе 2002 г. способствовали быстрому ухудшению отношений двух стран.

Решение было найдено в виде создания многостороннего формата для урегулирования кризиса. Начало шестисторонних переговоров, по крайней мере в теории, было замечательным результатом, поскольку удалось собрать вместе все стороны, заинтересованные в урегулировании северокорейской ядерной проблемы: Китай, Россию, КНДР, Республику Корею, США и Японию, которые также являются ведущими акторами в Северо-Восточной Азии. Форум стал реальной возможностью конструктивно рассмотреть проблему и достичь всеобъемлющего решения. В частности, Китай и Республика Корея, придерживающаяся при администрации президента Но Му Хена подхода, основанного на диалоге и переговорах, тесно сотрудничали для подписания нового соглашения между двумя главными сторонами

²⁸ *Kihl Young-whan. US–DPRK Nuclear Accord and KEDO // Asian Perspective. Vol. 21. No. 2. 1997. P. 99–117.*

²⁹ *Annual Report KEDO, 2005. URL: www.kedo.org/pdfs/KEDO_AR_2005.pdf. (дата обращения 02.11.2015).*

кризиса — США и КНДР. Четвертый раунд шестисторонних переговоров (26 июля – 7 августа, 13–19 сентября 2005 г.) закончился достижением ощутимых результатов. 19 сентября было опубликовано совместное заявление, в котором Северная Корея давала полное согласие на отказ от ядерной программы и возврат в МАГАТЭ и ДНЯО, а также обязывалась выполнять положения декларации о денуклеаризации полуострова 1992 г. В обмен на это все стороны соглашались начать повторные обсуждения вопроса о строительстве реакторов на легкой воде, а США обязывались уважать суверенитет КНДР, устранить любые враждебные намерения, в частности, воздерживаться от любого рода нападений, начать процесс нормализации отношений. Все стороны обязывались принять участие в восстановлении экономики Северной Кореи, сотрудничать в сферах торговли, экономики и энергетики, а также взаимодействовать в целях заключения окончательного соглашения и достижения мира на Корейском полуострове³⁰.

Декларация не была претворена в жизнь, т.к. произошла новая эскалация напряженности. К концу 2005 г. правительство США решило заморозить 25 млн долл. на счету в банке «Банко Дельта Азия» в Макао, поскольку данный счет был замечен в операциях по отмыванию денег и других незаконных операциях, совершаемых руководством КНДР. Несмотря на протесты Пхеньяна и угрозы бойкота будущих заседаний шестисторонних переговоров, США не изменили своего решения и, более того, продолжали критиковать правительство КНДР за нарушения прав человека, а также обвинять Северную Корею в вовлеченности в контрабанду наркотиков и в связях с международными преступными организациями³¹. Реакция Северной Кореи на этот новый виток напряженности достигла своего пика в октябре 2006 г., когда Пхеньян провел первое подземное ядерное испытание.

Несмотря на конфронтационную обстановку, в декабре 2006 г. стороны вернулись за стол переговоров и в следующем году заключили соглашение, в котором ставилась цель выполнить принципы предыдущего совместного заявления. Было сделано несколько важных шагов для ослабления напряженности, например, демонтаж Пхеньяном охлаждающей башни ядерного реактора в Йонбене и исключение Вашингтоном КНДР из Закона о торговле с враждебными государствами, а также из списка стран, поддерживающих терроризм. Но на первый план выступили другие факторы, препятствующие достижению реального прорыва на переговорах. Избрание в Южной Корее консервативного президента Ли Мен Бака (2008–2013 гг.), который выступал за полный отказ от примирительного подхода, проводимого его предшественниками, способствовало ухудшению ситуации. В то же время отсутствие договоренностей между Пхеньяном и Вашингтоном по срокам и процедурам верификации и свертывания северокорейской ядерной программы привели к остановке выполнения соглашения в 2007 г. Второе подземное ядерное испытание, проведенное в 2009 г., положило конец любой возможности переговоров и самому шестистороннему формату.

Несмотря на неспособность достичь окончательного решения северокорейской ядерной проблемы, два кризиса предоставили важную возможность для сотрудничества в области безопасности. Это в особенности касается второго кризиса, в результате которого был создан масштабный региональный форум, который предоставил возможность для диалога как с КНДР, так и между самими региональными акторами. Вероятно, одним из наиболее серьезных ограничений

³⁰ Koh Yu-hwan. Roh Moo-hyun Administration's North Korea Policy and Nuclear Crisis Management // Korea and World Affairs. Vol. 29. No. 1. 2006. P. 13–16.

³¹ Asher D. The North Korea Criminal State, its Ties to Organized Crime and the Possibility of WMD Proliferation. Woodrow Wilson Center. Washington D.C. October 21, 2005.

шестисторонних переговоров стала узость их целей. По сути, их единственной целью было урегулирование северокорейской ядерной проблемы, тогда как на задний план были отодвинуты важнейшие проблемы полуострова и региона, такие как отсутствие мирного договора в конце корейской войны.

Попытка восполнить этот пробел была предпринята действующим президентом Республики Корея Пак Гын Хе (избрана в 2012 г.), которая выступила с Инициативой мира и сотрудничества в Северо-Восточной Азии. В рамках новой инициативы должны быть рассмотрены важнейшие вопросы: северокорейская проблема; трехсторонние отношения Южной Кореи, Китая и Японии, в особенности, связанные с нерешенными историческими разногласиями; риск роста военной напряженности между Пекином и Вашингтоном. Не случайно, что первую речь, в которой Пак дала подробное объяснение своей инициативы, она произнесла на совместном заседании конгресса США в мае 2013 г.³².

Это предложение — не первая попытка Южной Кореи институционализировать и нарастить сотрудничество между ведущими игроками в Северо-Восточной Азии. «Северная политика» президента Ро Дэ У была направлена на снижение напряженности с Северной Кореей, но также на налаживание дружественных отношений с соседними странами, в особенности, с Россией и Китаем. Несмотря на достигнутые успехи, эта политика не способствовала созданию реальных механизмов институционализированного и постоянного сотрудничества. Ким Дэ Чжун и Но Му Хен действовали в том же направлении. Первый выдвинул проект создания «Группы видения будущего Восточной Азии», второй предлагал проект превращения Кореи в связующий хаб в Северо-Восточной Азии. В обоих случаях не было достигнуто сколько-нибудь заметных результатов. Первая успешная попытка институционализации сотрудничества была сделана администрацией Ли Мен Бака, когда был учрежден секретариат трехстороннего сотрудничества с центром в Сеуле, в рамках которого за стол переговоров сели Китай, Южная Корея и Япония³³. Но в новом формате были достигнуты лишь скромные практические результаты, на его работу влиял нестабильный характер отношений между тремя странами, в особенности, между Китаем и Южной Кореей, с одной стороны, и Японией, с другой.

Инициатива Пак Гын Хе должна была дать старт многостороннему сотрудничеству, которое в настоящее время отсутствует в регионе. В то же время ставилась задача укрепить роль Южной Кореи в качестве «средней державы» и использовать преимущества дружественных отношений со всеми региональными акторами для занятия лидирующих позиций в регионе. В отличие от инициативы развития трехстороннего сотрудничества, инициатива Пак должна была дополнить стратегический альянс США и Южной Кореи, который рассматривался в качестве ключевого элемента для достижения региональной стабильности. С этой точки зрения инициатива не может рассматриваться в отрыве от новой стратегии США в Азии, учитывая ту роль, которую отводит Сеул США в регионе, а также состояние отношений между Вашингтоном и Пекином³⁴.

Инициатива Пак Гын Хе ставила задачу отталкиваться от незначительных с точки зрения безопасности вещей (таких как защита окружающей среды, энергетическая безопасность, борьба с пандемиями, защита прав интеллектуальной

³² Full Text of Park's Speech at U.S. Congress // Yonhap News Agency. 8.05.2013. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2013/05/08/4/0301000000AEN20130508010800315F.HTML> (дата обращения: 15.03.2016).

³³ Snyder S., *Woo Jung-yeop*. The U.S. Rebalance and the Seoul Process: How to Align U.S. and ROK Visions for Cooperation in East Asia. Council on Foreign Relations. Working Paper. 01.2015. P. 3.

³⁴ Ibidem. P. 4.

собственности, финансовые вопросы) и затем переходить к сложным проблемам политического характера. Однако данная инициатива так и осталась декларацией о намерениях и не привела к сколько-нибудь заметному улучшению межкорейских отношений.

В статье мы постарались продемонстрировать, насколько запутанным и трудным может быть реальный процесс налаживания сотрудничества в Северо-Восточной Азии, особенно в области политики и безопасности. Также мы показали, какое влияние оказывает Северная Корея на развитие регионального сотрудничества. Изменения регионального баланса сил, а также рост национализма в некоторых странах региона способствует тому, что возможности интеграции и сотрудничества сегодня невелики. И хотя речь пока не идет о реальном кризисе — за исключением отдельных случаев, — уровень напряженности в Северо-Восточной Азии сегодня достиг наивысшей точки со времени окончания холодной войны. Однако, как показывает опыт, именно в таких ситуациях страны АТР могут создавать новые площадки и находить новые возможности для развития регионального сотрудничества.

Отношения Китая с региональными интеграционными объединениями: двусторонняя или многосторонняя дипломатия?

В статье прослеживается эволюция дипломатических механизмов, используемых Китаем при взаимодействии с ЕС, странами Центральной и Восточной Европы и АСЕАН. Рассмотрена роль многосторонних форматов, которые Китай использует, отстаивая свои интересы в отношениях с ключевыми партнерами — региональными интеграционными группировками. Показано, что по мере возрастания экономической и политической мощи Китая на международной арене меняются и его дипломатические инструменты. Авторы подчеркивают, что это не отменяет использования традиционных двусторонних форматов, а также их комбинаций с многосторонними площадками.

Ключевые слова: Китай, ЕС, ЦВЕ, АСЕАН, многосторонняя дипломатия, региональные интеграционные группы, диалоговый механизм.

После мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. в мировой расстановке сил произошли значительные изменения. Одно из них — стремительное возвышение Китая с точки зрения абсолютной и относительной мощи. Это привлекло внимание академических и политических кругов. В их дискуссиях акцент нередко делался на взаимоотношения Китая с соседями и великими державами, но взаимоотношения КНР с региональными экономическими интеграционными организациями почти не обсуждались. Именно этому аспекту будет посвящена настоящая статья.

Во внешней политике Китай уделяет особое внимание двусторонней дипломатии как наиболее традиционному способу взаимодействия на международной арене. С момента провозглашения Китайской народной Республики (КНР) в 1949 г. и до 1971 г., когда КНР добилась своего места в Организации объединенных наций, страна в основном прибегала к двусторонней дипломатии, в том числе потому, что возможности многостороннего сотрудничества были ограничены. Однако по мере того как Китай становился все более значимой и могущественной державой, в его внешней политике росла роль многосторонней дипломатии.

С. Зиннинь указывает, что характерная черта новой стратегии китайской политики добрососедства — переход от традиционного подхода к внешней политике, когда двухсторонние отношения дополняются отношениями внутри региональных группировок («двусторонние + региональные»), к новой парадигме. В ее рамках основным становится уже регионально-многосторонний формат, сочетающийся с традиционными двусторонними отношениями («регионально-многосторонние + двусторонние»)¹.

* Ли Фуцзянь, Дэн Цзиньша, Ли Дун И — сотрудники Института международных отношений КНР. Статья поступила в редакцию 26.08.2016.

¹ Song X. China and Regional Integration: From Bilateralism to Regional-Multilateralism // IUP Journal of International Relations. 2010. Vol. 4. No. 1/2. P. 51.

Можно выделить три подхода, объясняющие интерес КНР к использованию многосторонней дипломатии². Первый заключается в том, что, прибегая к многосторонней дипломатии, Китай социализировался и изучал широко принятые в международном сообществе стандарты, то есть адаптировался к существовавшим «правилам игры». Сторонники второго подхода подчеркивают, что Китай прагматично использует многостороннюю дипломатию как политический инструмент влияния, преследуя свои национальные интересы. Например, развивая отношения с региональными экономическими интеграционными организациями, Китай выступает адвокатом многополярного мира с целью уравновесить могущество США. Адепты третьего подхода считают, что Китаю будет трудно полноценно интегрироваться в систему многосторонних международных отношений. Поэтому он будет стремиться изменить саму существующую систему и ее ценности, в том числе, возможно, прибегая к стратегии «разделяй и властвуй» при выстраивании отношений с региональными организациями. Наличие трех подходов демонстрирует разногласия, существующие в интерпретации природы многосторонней дипломатии Китая, и указывает на то, что последняя нуждается в дополнительном изучении.

Становление современной модели дипломатии Китая

Развитие дипломатии Китая (особенно многосторонней) по отношению к региональным экономическим организациям можно условно разделить на три этапа. Первый охватывает период от становления КНР до окончания холодной войны (1950-е – конец 1980-х гг.), когда отношения Китая с региональными экономическими интеграционными организациями лишь зарождались. Условно назовем этот период «*установлением контактов*». Китай выстраивал многосторонние связи только на глобальном уровне (к примеру, с ООН), но был скептически настроен в отношении многостороннего взаимодействия на региональном уровне, полагаясь на двустороннюю дипломатию с государствами Европы и Юго-Восточной Азии.

Второй этап пришелся на период между окончанием холодной войны и началом мирового экономического кризиса 2008–2009 гг.: это можно назвать временем «*интеграции*» многостороннего трека во внешнюю политику КНР. Китай начал присоединяться к различным международным и региональным форматам и применять на практике многостороннюю дипломатию. Вступление Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2001 г. стало полезным опытом. На региональном уровне Китай активно участвовал в рамочных соглашениях о сотрудничестве в Восточной Азии, особое внимание уделялось АСЕАН. Выстраивая отношения с ЕС, Китай в равной степени опирался на двустороннюю и многостороннюю дипломатию, однако оба этих трека не были взаимодополняющими. Ключевой особенностью китайской дипломатии в отношении ЕС и АСЕАН оставалась избирательность, что объяснялось порой отсутствием политической воли и ограниченными возможностями.

С началом мирового финансового кризиса 2008 г. и особенно после прихода к власти нового правительства дипломатия Китая в отношении региональных экономических интеграционных организаций вступила в третий этап, который можно назвать периодом «*становления*». Китай начал активно и со знанием дела применять многостороннюю дипломатию, используя ее в национальных интересах и преследуя заложенные в национальных стратегиях цели.

² Li M. Rising from Within: China's Search for a Multilateral World and its Implications for Sino-US Relations // Global Governance. 2011. Vol. 17. No. 3. P. 331–333.

Хотя «установление контактов», «интеграция» и «становление» — это основные характерные черты выделенных нами этапов, в рамках какого-либо отдельно взятого этапа могут проявляться и другие. Чуть ниже мы подробнее рассмотрим третий этап — становление многосторонней дипломатии.

Особенность внешнеполитической стратегии Китая современный период состоит в том, что в его взаимоотношениях с региональными экономическими интеграционными организациями двусторонняя и многосторонняя дипломатия дополняют друг друга. КНР развивает новые формы дипломатии, такие как многосторонняя экономическая дипломатия, многосторонняя культурная дипломатия и т.п. Эти процессы свидетельствуют о переходе Китая от интеграции в международное сообщество и принятия международных правил к изобретению новаторских международных механизмов взаимодействия и активному формированию благоприятных внешних условий для достижения своих целей.

Рассматривая трансформацию китайской дипломатии в отношении двух крупнейших региональных экономических интеграционных организаций (ЕС и АСЕАН), важно подчеркнуть изменение характера китайской дипломатии в целом. Если ранее Китай осторожно относился к многостороннему взаимодействию, то сегодня многосторонний трек полностью интегрирован во внешнюю политику страны благодаря полученным знаниям о том, как многосторонние инструменты дипломатии позволяют активно взаимоотношения и преобразовывать их.

Эволюция политики Китая в отношении ЕС

Сегодня Европейский союз — один из главных источников распространения модели многосторонней дипломатии в мире. В рамках Европейской политики соседства, запущенной в 2003–2006 гг., ЕС стремится экспортировать успешный опыт многостороннего сотрудничества и регионализма. Принимая активное участие в налаживании диалога с другими региональными экономическими организациями, ЕС проводит успешную внешнюю экономическую политику, опираясь на свои очевидные преимущества: выход любой страны на единый рынок ЕС регулируется единым внешним тарифом³.

КНР и Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) установили дипломатические отношения еще в 1975 г., однако в Пекине тогда не понимали «надгосударственного» характера ЕЭС и не учитывали его должным образом. В то время Китай был больше заинтересован в налаживании связей с государствами Западной Европы в мире и в развитии отношений с двумя сверхдержавами. Внешняя политика Китая в отношении ЕЭС была в первую очередь сосредоточена на двусторонней дипломатии в отношении каждой из стран-членов Сообщества.

В 1990-е гг. отношения между Китаем и Европейским союзом получили импульс для развития. ЕС начал делать шаги в сторону сотрудничества с КНР. Так, с 1995 по 2008 гг. ЕС издал шесть документов по внешней политике, которые затрагивали отношения с Китаем. Объемы торгово-экономических и отношений сторон стали быстро возрастать. ЕС начал координировать с Китаем свои шаги в рамках ООН, активно выступал в поддержку вступления Китая в ВТО, осознавая, что присоединение Китая — шанс для дальнейшего развития этой организации. Чтобы выстроить сбалансированные торговые отношения с ЕС, Китай начал изучать нормы ЕС, в которых многостороннему подходу — в том числе, в области дипломатии — отводилась центральная роль.

³ Woolcock St. EU Economic Diplomacy: The Factors Shaping Common Action // Hague Journal of Diplomacy. 2011. Vol. 6, No. 1/2. P. 89.

На протяжении этого периода (2000-е гг.) китайское правительство, научные круги и предприниматели общались с ЕС в соответствии с этими нормами. Так, в 2004 г. вслед за расширением ЕС на восток министерство иностранных дел Китая переименовало Департамент Западной Европы в Департамент европейского региона. В 2008 г., после того как Лиссабонский договор закрепил за ЕС правосубъектность в международных отношениях, Китай направил первого посла в «обновленный» ЕС. В китайских академических кругах резко возросла популярность такого направления как «европеистика» (изучение европейской интеграции): оно помогало глубже изучить основы и механизмы региональной интеграции.

Тем не менее позиция Китая в политико-экономическом диалоге с ЕС в этот период еще носила пассивный характер. Это определялось асимметричной взаимозависимостью Китая и ЕС. В торговых войнах между Китаем и ЕС китайские компании всегда оказывались в худшем положении, поскольку Китаю не доставало понимания правил и предписаний ЕС — а значит, их сложно было соблюдать. Недостаток опыта многосторонней дипломатии у Китая сказывался и в решении политических вопросов. Например, в 2004 г. Китай обратился к ЕС с просьбой отменить эмбарго на поставку вооружений, но та не была услышана. Позиция ЕС в этом вопросе обуславливалась давлением США, а КНР в тот момент не хватало понимания особенностей принятия решений в ЕС в сфере политики и безопасности. Характер дипломатии Китая в отношении ЕС часто подвергался критике со стороны государств Запада. Китай даже обвиняли в том, что тот пользуется возможностями, вытекающими из характера институтов Европейского союза, с целью разобщить и дезинтегрировать ЕС⁴.

Финансовый кризис 2008–2009 гг. спровоцировал волну долговых кризисов в странах ЕС и в целом пошатнул как его экономические позиции, так и внутреннюю устойчивость. Ухудшение экономической ситуации в ЕС повлияло на его отношения с Китаем. Китай, напротив, успешно справился с кризисом и стал второй по величине экономикой в мире. С 2013 г. сражающийся с долговым кризисом еврозоны ЕС уже не является крупнейшим торговым партнером Китая, в то время как объем прямых китайских инвестиций в ЕС продолжает стремительно расти. Параллельно с этими изменениями, а также усвоив уроки прошлого дипломатического опыта, Китай начал активно выстраивать новые отношения с ЕС, стремясь добиться большего учета Брюсселем интересов КНР.

Для этого Китай разработал политику «двойного укрепления» в отношении ЕС. В ней учитывалась важная роль Лиссабонского договора в интеграции внешней политики стран-членов ЕС и в налаживании отношений Пекина уже с институтами ЕС. В 2011 г. китайское правительство принимало Председателя Европейского Совета Х. ван Ромпея. В 2014 г. президент КНР Си Цзиньпин стал первым китайским главой правительства, посетившим штаб-квартиру ЕС. В этом же году правительство КНР обнародовало второй стратегический документ о внешней политике в отношении ЕС: «Стратегия Китая в отношении ЕС». Она предполагала усиление комплексного стратегического партнерства между Китаем и ЕС в интересах взаимовыгодного сотрудничества».

В то же время для достижения своих целей Китай продолжает выстраивать двусторонние отношения с ключевыми странами-членами ЕС: Германией, Францией и Великобританией. Особенно активно во время экономического кризиса развивались

⁴ См.: *Fox J., Godement Fr. A Power Audit of EU-China Relations*. London: The European Council on Foreign Relations, 2009. P. 1–2. URL: www.ecfr.eu/page/-/ECFR12_-_A_POWER_AUDIT_OF_EU-CHINA_RELATIONS.pdf (дата обращения: 10.09.2015).

китайско-германские отношения: вырос объем их двусторонней торговли, а лидеры обоих государств регулярно посещали страны друг друга. На 2014 г. пришелся пятидесятилетний юбилей установления дипломатических отношений между Китаем и Францией, именно в том году Си Цзиньпин впервые посетил Францию в качестве президента Китая. Тогда же премьер-министр КНР Ли Кэцян посетил Великобританию и подписал десятки соглашений о сотрудничестве.

Во время долгового кризиса еврозоны Китай оказал финансовую помощь странам Южной Европы (Греции, Испании, Португалии и Италии), а также Исландии, что существенно улучшило его двусторонние дипломатические отношения с указанными государствами.

Анализ китайской политики «двойного укрепления» после европейского долгового кризиса показывает, что Китай активно использует многостороннюю дипломатию, но при этом не забывает о преимуществах традиционной двусторонней дипломатии. Укрепление двусторонних отношений со странами-членами ЕС — не только инструмент укрепления отношений Китая с ЕС в целом, но и наглядный пример того, что Китай прибегает к более прагматичной и гибкой форме многосторонней дипломатии в отношении региональных организаций.

Отношения Китая и стран Центральной и Восточной Европы

После европейского долгового кризиса государства Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) перестали полагаться исключительно на страны-члены ЕС и обратили внимание на другие располагающие ресурсами центры силы, проводя политику «открытости на восток». Одновременно Китай активно искал новые возможности для вложения своих огромных валютных резервов. Совпадение интересов стран ЦВЕ и КНР способствовало активизации их диалога. В 2012 г. Китай и ЦВЕ стали сотрудничать друг с другом на основе диалогового механизма «16+1»: в сотрудничестве участвовали 16 стран ЦВЕ, 11 из которых сегодня являются членами ЕС: Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Черногория, Румыния, Болгария, Албания, Македония, Эстония, Литва и Латвия. Это второй пример того, как Китай начал работать над форматированием отношений со странами Европы.

В июне 2011 г. венгерское Национальное агентство развития (National Development Agency, NDA) организовало первый Экономический и торговый форум Китая и стран ЦВЕ, который посетили премьер-министр Китая Вэнь Цзябао и лидеры 16 стран ЦВЕ⁵. Второй форум прошел 25 апреля 2012 г. в Варшаве и положил начало ежегодным встречам представителей Китая и стран ЦВЕ. Во время встречи Вэнь Цзябао озвучил четыре принципа развития дальнейших отношений: усиление прагматичного экономического сотрудничества; создание и совершенствование механизмов взаимодействия; реализация инициатив (так называемые «двенадцать мер») для достижения значительных результатов сотрудничества в скором будущем; поддержка взаимодействия в таких сферах как институциональное строительство, торговля и финансы, создание инфраструктуры, культура, образование, туризм, научные исследования, международный обмен и т.д.⁶

Некоторые из объявленных Китаем «двенадцати мер» уже запущены: спецпроект по предоставлению займов (общий бюджет 10 млрд долл.) и Инвестиционный фонд сотрудничества Китая и ЦВЕ (бюджет 500 млн долл.). В 2012 г.

⁵ Wen Jiabao Attended the China — Central and Eastern European Countries Economic and Trade Forum and Delivered a Speech // The Central Government of P.R.C. website. 25.06.2011.
URL: www.gov.cn/ldhd/2011-06/25/content_1892855.htm (дата обращения: 09.09.2014).

⁶ China — Central and Eastern European Countries Ushered in the Spring // Zhejiang Daily. 28.04.2012. P. 7.

министерство иностранных дел Китая инициировало открытие Секретариата по сотрудничеству между КНР и странами ЦВЕ в Пекине⁷. В Европе аналогичный механизм пока не создан. В целом, заметна асимметрия сотрудничества Китая со странами ЦВЕ, в котором Китай играет доминирующую роль.

Заявления должностных лиц или документы не подтверждают однозначно, что именно Китай — инициатор сотрудничества со странами ЦВЕ, но в пользу этой точки зрения можно привести ряд аргументов.

Во-первых, Китай сильно заинтересован в развитии отношений с ЦВЕ. Объем торговли между Китаем и ЕС упал из-за кризиса государственного долга, в то время как объемы взаимных инвестиций и торговли между Китаем и ЦВЕ в 2013 и 2014 гг. росли и достигали рекордных отметок. С точки зрения китайского правительства, в сотрудничестве с ЦВЕ заложен огромный потенциал⁸. В то же время абсолютный объем торговли Китая с ЦВЕ все еще составляет лишь 1/10 его торговли с ЕС, а доля инвестиций и того ниже.

Во-вторых, Китай играет активную роль в этих многосторонних отношениях. Так, именно китайское правительство сформулировало четыре принципа взаимодействия и разработало «двенадцать мер» для развития отношений Китая с ЦВЕ, а также позаботилось об успешной реализации запланированного. Инициативы Китая стали основой для развития механизмов сотрудничества. Различия в экономической мощи между Китаем и 16 странами ЦВЕ не позволяют последним выстраивать отношения на равных. Также между странами ЦВЕ существуют разногласия относительно их политических и экономических целей, разнятся и их взгляды на вопросы безопасности, поэтому им сложно консолидировать свою позицию в переговорах с Китаем и взять на себя роль лидера. Это укрепляет доминирующую позицию Китая в диалоге с ЦВЕ.

В-третьих, китайское правительство использует имеющиеся в его распоряжении разнообразные механизмы и развивает сотрудничество с ЦВЕ как на правительственном, так и на региональном уровнях. Инициатива «Один пояс, Один путь», которая отражает китайское видение европейско-азиатского сотрудничества, также призвана развивать отношения между Китаем и ЦВЕ.

Тем не менее, будучи вынужденным считаться с позицией ЕС, Китай должен занимать сдержанную и прагматичную позицию в вопросах сотрудничества со странами ЦВЕ. Европейская комиссия и некоторые влиятельные страны ЕС склонны полагать, что Китай стремится разобщить Евросоюз и сформировать отдельную интеграционную группу с государствами ЦВЕ. Китай воспринимает эту критику без удивления — он к ней вполне готов — и берет курс на укрепление экономического и торгового сотрудничества с ЦВЕ, избегая вовлечения в политическую сферу и сферу безопасности. Даже в случае с коммерческим сотрудничеством Китай тщательно изучает и анализирует политические факторы экономических взаимоотношений. К примеру, в качестве своего главного партнера среди стран ЦВЕ Китай выбрал не

⁷ Сегодня в Секретариат входят: Министерство иностранных дел, Департамент по международным связям центрального комитета Коммунистической партии Китая, Министерство образования, Министерство науки и технологий, Министерство финансов, Министерство транспорта, Министерство сельского хозяйства, Министерство коммерции, Министерство культуры, Народный китайский банк, Государственная администрация прессы и издательского дела, Национальное туристическое бюро, Железнодорожное бюро, Бюро гражданской авиации, Центральный комитет молодежной коммунистической лиги Китая, Национальный банк развития, Экспортно-импортный банк Китая и Железнодорожная корпорация Китая.

⁸ Li K. Make the Mutually Beneficial and Double Win Road More and More Road — the Speech on the Third China — CEEC Economic and Trade Forum // The Central Government of P.R.C. website. 28.11.2013. URL: www.gov.cn/ldhd/2013-11/28/content_2536743.htm (дата обращения: 10.09.2015).

Венгрию, а Польшу, хотя с Венгрией у Китая более тесные отношения. Дело в том, что отношения нынешнего правительства Венгрии с ЕС оставляют желать лучшего, и этот фактор не позволяет Китаю развивать тесные экономические и торговые связи с ней. Одновременно Китай неоднократно заявлял, что с точки зрения китайского правительства сотрудничество с ЦВЕ следует воспринимать исключительно как продолжение и дополнение взаимоотношений Китая с Евросоюзом.

Изменения политики Китая в отношении АСЕАН

Взаимоотношения Китая со странами АСЕАН представляют собой типичный пример китайской многосторонней дипломатии. Созданная с целью региональной экономической интеграции развивающихся стран, АСЕАН имеет ряд специфических черт и демонстрирует характеристики, которые легли в основу понятия «путь АСЕАН». Оно подразумевает осторожное отношение к формальной институционализации, принцип инклюзивности (вовлечения), особое применение принципа консенсуса и невмешательство во внутренние дела стран-членов⁹. В этих принципах можно увидеть противоречия, но развитие АСЕАН доказало, что «путь АСЕАН» — это тот многосторонний механизм, который лучше всего подходит для условий Юго-Восточной Азии¹⁰.

Отношения между АСЕАН и ее региональными партнерами демонстрируют эффект социализации. Многосторонние механизмы, созданные при поддержке АСЕАН, — такие как Региональный форум АСЕАН, Восточноазиатский саммит, «АСЕАН плюс три» и другие — с успехом вовлекают великие державы в процессы регионального сотрудничества. Например, Китай приобщился к многосторонней дипломатии в процессе разрешения вопросов в Восточной Азии, принимая участие в вышеупомянутых многосторонних механизмах.

В отношениях между собой Китай и АСЕАН всегда соблюдали принципы многостороннего взаимодействия. Перемены в характере отношений между Китаем и АСЕАН отражают преобразование китайской многосторонней дипломатии.

Первоосновой задачей основания АСЕАН была стабилизация ситуации на внутренних рынках и экономический рост¹¹. Болезненный опыт становления национальной независимости объясняет сильную неприязнь, которую и по сей день испытывают страны АСЕАН к внешнему вмешательству¹². Особенно это проявилось на этапе становления АСЕАН в 1960-х–1970-х гг., когда существовала так называемая «коммунистическая угроза». В этот период, пока внутренняя координация Ассоциации еще не была сформирована, АСЕАН не развивала дипломатических отношений с третьими странами или объединениями. В то же время взаимоотношения между Китаем и некоторыми странами АСЕАН прошли через трудности и нередко становились напряженными.

Первый раз Китаю и АСЕАН пришлось искать точки соприкосновения в ходе вьетнамско-камбоджийского конфликта в 1978 г. Для противостояния вторжению Вьетнама в Камбоджу министры иностранных дел Китая и стран АСЕАН начали координировать свои действия на площадке АСЕАН¹³.

⁹ *Capie D., Evans P.* The “ASEAN Way” / *Siddique Sh., Kumar S.* (ed.) The 2nd ASEAN Reader. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies. 2003. P. 45–51.

¹⁰ *Emmers R.* Cooperative Security and the Balance of Power in ASEAN and the ARF. New York: Routledge Curzon. 2003. P. 27–29.

¹¹ *Laurence H.* The ASEAN Way and Community Integration: Two Different Models of Regionalism // *European Law Journal*. 2007. Vol. 13. No 6. P. 858–859.

¹² *Nagi R.* ASEAN, 20 Years: A Comprehensive Documentation. New Delhi: Lancers Books, 1989. P. 41–47.

¹³ *Severino R.C.* Southeast Asia in Search of an ASEAN Community: Insights from the Former ASEAN Secretary-general. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2006.

В период завершения холодной войны отношения Китая со странами АСЕАН вступили в новую стадию. Государствам-членам Ассоциации требовалось преодолеть внутренние трудности, тектонические политические и экономические изменения в мире вынуждали их ставить новые задачи в политике в экономике. Тогда же многостороннее сотрудничество стало необходимым элементом внешней политики Китая. С 1991 г. Китай начал принимать участие в многосторонних механизмах АСЕАН, в частности, его представители присутствовали на министерских встречах организации и принимали активное участие в обсуждениях. Китай стал членом Регионального форума АСЕАН.

Финансовый и экономический кризис 1997 г. в Азии способствовал расширению многосторонних механизмов КНР — АСЕАН. С учетом своего экономического и политического потенциала Китай быстро стал важным участником региональных многосторонних механизмов Восточной Азии (например, АСЕАН плюс три).

Соглашение о зоне свободной торговли

Соглашение о свободной торговле между Китаем и АСЕАН было подписано в 2002 г., полностью в силу оно вступило в 2010 г. В результате КНР и АСЕАН образовали самую крупную в мире зону свободной торговли среди развивающихся стран. Этот многосторонний торговый механизм принес Китаю и странам АСЕАН ряд преимуществ: он повлек за собой не только изменения в региональный производственных цепочках, но и региональный инвестиционный бум¹⁴. С развитием зоны свободной торговли Китая и АСЕАН взаимоотношения сторон также улучшились, что способствовало реализации стратегии «мирного подъема» Китая¹⁵. Таким образом, Китай глубоко заинтересован в дальнейшем развитии этого соглашения.

В 2013 г. во время Десятой выставки-ярмарки «Китай — АСЕАН» премьер-министр Китая Ли Кэцян предложил пересмотреть имеющееся соглашение о свободной торговле между сторонами в направлении «дальнейшего снижения тарифов, ликвидации нетарифных барьеров, активизации переговоров в сфере торговли услугами, открытия новых направлений для инвестиций»¹⁶. В рамках инициативы по обновлению и совершенствованию соглашения о свободной торговле его участники уделяют особое внимание укреплению торговых механизмов взаимодействия и оптимизации структуры торговли¹⁷.

Как отмечает Э. Гох, «в последнее десятилетие подход Китая к построению отношений со странами Юго-Восточной Азии отличается сознательной деэскалацией региональных споров, готовностью принимать участие в многостороннем диалоге и институтах, стремлением к добрососедству и взаимной выгоде»¹⁸.

¹⁴ *Tong S.Y., Chong C., Keng S.* China – ASEAN Free Trade Area in 2010: A Regional Perspective // EAI Background Brief. 12.04.2010. No 519.

¹⁵ *Khan S., Yu L.* Evolving China – ASEAN Relations and CAFTA: Chinese Perspectives on China's Initiatives in Relation to ASEAN plus 1 // European Journal of East Asian Studies. 2013. No 12. P. 81–107.

¹⁶ *Li K.* Put Forward Five Proposals on Strengthening Cooperation Between China and ASEAN // Xinhua News Agency. 03.09.2013. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2013-09/03/c_117214202.htm (дата обращения: 12.09.2014).

¹⁷ *Jialin J., Li C.* Analysis of Trade Development Between China and Association of Southeast Asian Nations // Journal of Behavioral Economics, Finance, Entrepreneurship, Accounting and Transport. 2013. Vol. 1, No 1. P. 15–20.

¹⁸ *Goh E.* China and Southeast Asia. 12.12.2006. URL: http://fpif.org/china_and_southeast_asia (дата обращения: 10.09.2015).

Декларация и кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море

Декларация поведения сторон в Южно-Китайском море (далее — Декларация), подписанная в 2002 г., стала новым механизмом многостороннего взаимодействия, разработанным Китаем и АСЕАН. Но из-за недостаточной эффективности инструментов по реализации заложены в Декларации 2002 г.¹⁹, надежды на то, что страны будут следовать прописанным в ней самоограничениям, остались нереализованными²⁰. Разработка Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море (далее — Кодекс) серьезно повлияла на который содержал бы в себе ограничительные статьи, стала важным фактором развития отношений Китая со странами АСЕАН.

По итогам переговоров и консультаций 14–15 сентября 2013 г. в г. Сучжоу состоялась встреча старших должностных лиц комитета «Китай — АСЕАН» по вопросам Кодекса. Хотя для достижения удовлетворительных результатов потребуется больше времени, уже сегодня можно отметить существенный прогресс²¹. В переговорах по Кодексу Китай также использует многосторонний подход²², однако двусторонние механизмы продолжают играть существенную роль. Китай укрепляет двусторонние отношения со странами АСЕАН (особенно теми, кто не имеет отношения к разногласиям по проблеме Южно-Китайского моря): например, через всеобъемлющие стратегические партнерства с Индонезией и Малайзией, а также выстраивая более доверительные отношения с Таиландом.

Таким образом, в сфере политики и национальной безопасности многосторонний механизм «Китай — АСЕАН» постепенно становится все более значимым и успешно сочетается с двусторонними механизмами взаимодействия.

Азиатский банк инфраструктурных инвестиций

В октябре 2013 г. во время визита в Индонезию и Малайзию президент Си Цзиньпин предложил создать Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), который бы предоставлял средства для инфраструктурных проектов развивающимся странам региона. Многие азиатские страны — особенно страны АСЕАН — поддержали данную инициативу, а некоторые пожелали стать соучредителями²³. Согласно официальной позиции Китая, предложенный механизм отражает «межправительственную природу институтов регионального многостороннего развития Азии, [...] и его основная цель — поддерживать развитие инфраструктуры и инвестиционные проекты в других областях, способствовать экономическому развитию в азиатском регионе и региональному экономическому сотрудничеству»²⁴.

¹⁹ *Nguyen Hong Thao*. The 2002 Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea: a Note // *Ocean Development & International Law*. 2003. Vol. 34. No 279–285. P. 281.

²⁰ *Storey I.* The Institutionalization of ASEAN – China Relations: Managing the South China Sea Dispute // *Emmers R.* (ed.) *ASEAN and the Institutionalization of East Asia*. Abingdon, Oxon: Routledge, 2012. P. 145–146.

²¹ *Severino R.* How Much Can ASEAN Do for a South China Sea Code of Conduct? // *East Asia Forum*. 30.10.2013. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2013/10/30/how-much-can-asean-do-for-a-south-china-sea-code-of-conduct> (дата обращения: 29.09.2015).

²² *Thayer C.A.* ASEAN, China and the Code of Conduct in the South China Sea // *SAIS Review of International Affairs*. 2013. Vo. 33, No 2. P. 82–83.

²³ Например, см.: 'Joint Statement of the 16th ASEAN – China Summit on Commemoration of the 10th Anniversary of the ASEAN–China Strategic Partnership', 'Joint Statement Between the People's Republic of China and Brunei Darussalam', 'the Vision on the Development of China–Thailand Relations', 'Joint Statement on Deepening Vietnam–China Comprehensive Strategic Cooperation in the New Era'.

²⁴ Lou Jiwei Answered Reporters on the Asian Infrastructure Investment Bank. The Ministry of Finance, People's Republic of China, 07.03.2014.

Инициатива по созданию АБИИ — это важный новаторский шаг для многосторонней дипломатии Китая. Согласно оценкам Азиатского банка развития, в период с 2010 по 2020 гг. странам Азии необходимо ежегодно тратить 750 млрд долл. на инфраструктурные проекты для поддержания текущих темпов экономического развития²⁵. Для стран АСЕАН и других развивающихся государств азиатского региона подобный банк станет подспорьем для местных инфраструктурных фондов, а также поможет укрепить отношения между странами Азии — в первую очередь, между Китаем и его соседями.

Эту инициативу также можно рассматривать как попытку Китая подорвать монополию многосторонних финансовых институтов Запада²⁶ и обрести большее влияние на конфигурацию мировой финансовой инфраструктуры.

Эволюция взаимоотношений Китая с ЕС, ЦВЕ и АСЕАН отражает постепенное изменение подхода Китая к многосторонней дипломатии и демонстрирует, как КНР адаптировала соответствующие практики. В данный момент у Китая есть ресурсы и возможности для проведения активной внешней политики. Страны-соседи рассчитывают, что Китай будет играть более существенную роль в отношениях с ними и сможет генерировать больше «общественных благ» в регионе посредством многосторонних механизмов.

Приверженность многосторонней дипломатии имеет для Китая несомненные преимущества. Многосторонний трек может облегчить положение Китая в условиях международного давления, поможет Пекину активнее на международную политику и повысит конкурентоспособность страны. Переход Китая к третьему этапу формирования своей многосторонней дипломатии — это открытие новых возможностей и для его международных партнеров, поскольку этот этап может способствовать формированию взаимного доверия, расширению международного сотрудничества и нахождению решений общих проблем.

Сегодня Китай активно продвигает многостороннюю дипломатию в отношениях с региональными экономическими интеграционными организациями. Однако это не означает, что он игнорирует традиции и преимущества наработанной веками двусторонней дипломатии. Фактически двусторонняя и многосторонняя дипломатия дополняют друг друга. В XXI в. китайская дипломатия стала более гибкой, прагматичной и вариативной.

URL: www.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/caizhengxinwen/201403/t20140307_1053025.html (дата обращения: 16.09.2015).

²⁵ ADB/ADB, Infrastructure for a Seamless Asia. Tokyo: Asian Development Bank Institute, 2009.

²⁶ Keck Z. China's Growing Hegemonic Bent // The Diplomat. 26.06.2014.

URL: <http://thediplomat.com/2014/06/chinas-growing-hegemonic-bent> (дата обращения: 20.09.2015).

Американо-индийское сотрудничество в АТР: проблемы и перспективы

В статье анализируются экономические и военно-политические аспекты американо-индийского сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Автор рассматривает противоречия стран в области торгово-экономического взаимодействия, в частности — причины отсутствия Индии в проекте Транстихоокеанского партнерства. Проанализирован политический диалог стран, определена роль китайского фактора в политике США и Индии в регионе. Исследованы военно-технические аспекты сотрудничества США и Индии. Автор делает вывод об общем укреплении американо-индийского взаимодействия в АТР и Индийском океане, но отмечает, что в силу многовекторности внешней политики Индии партнерство двух государств будет носить ситуативный характер.

Ключевые слова: американо-индийские отношения, Индо-Тихоокеанский регион, Китай, АСЕАН, Россия.

За последние годы американо-индийские отношения получили серьезное развитие и достигли исторических высот. Взаимодействие двух стран, которое с начала XXI в. приобрело характер стратегического диалога, охватывает различные сферы: экономику, политику, военно-техническое сотрудничество, мирную ядерную энергетику, освоение космоса, науку и образование. Несмотря на значительные подвижки в ядерной проблематике (см., например, Соглашение о сотрудничестве в области мирного использования ядерной энергии 2006 г.), особый интерес для нас представляют первые три области, поскольку именно они являются локомотивами крепнущего двустороннего сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Индийском океане. В 2016 г. в Вашингтоне заявили о том, что стратегия США по «перебалансировке» в Азию и политика Индии «действуй на Востоке» дополняют и усиливают друг друга, принося безопасность и процветание в т.н. «Индо-Тихоокеанский регион»¹. Тем не менее ближайшее рассмотрение взаимодействия США и Индии показывает: несмотря на значительные шаги, сделанные Вашингтоном и Нью-Дели навстречу друг другу, говорить о превращении «стратегического диалога» в «стратегическое партнерство», а тем более в союзнические отношения рано. В статье мы постараемся проанализировать три основных направления в американо-индийских отношениях в АТР (экономика, политика, военно-техническое сотрудничество) и рассмотреть факторы, вынуждающие стороны сохранять некоторую дистанцию и воздерживаться от слишком сильного сближения.

Экономическое направление

В последние годы торгово-экономическое сотрудничество стран стабильно развивается, являясь одним из приоритетных направлений двусторонних отношений. По состоянию на конец 2015 г. объем торговли товарами и услугами между США и

* Захаров Алексей Игоревич — аспирант Волгоградского государственного университета (aleksei.zakharof@yandex.ru). Статья поступила в редакцию 31.08.2016.

¹ Biswal N. Statement before the Senate Foreign Relations Committee. U.S. — India Relations: Balancing Progress and Managing Expectations // U.S. Department of State. 24.05.2016.

URL: <http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2016/257665.htm> (дата обращения: 09.06.2016).

Индией составил более 100 млрд долл. С сентября 2015 г. между странами действует «Стратегический и коммерческий диалог» — форум на уровне глав внешнеполитических ведомств, призванный содействовать укреплению экономических связей государств. На открытии диалога государственный секретарь США Дж. Керри заявил о масштабном плане сторон по увеличению товарооборота в 5 раз — до 500 млрд долл².

Несмотря на развитие торгового взаимодействия, в данном вопросе у стран имеются серьезные разногласия. Прежде всего, это обоюдные упреки в применении протекционистских мер, которые привели к противостоянию между государствами во Всемирной торговой организации (ВТО). В 2015–2016 гг. США и Индия направили ряд исков друг против друга в комиссию по разрешению торговых споров организации, и не исключено, что разбирательства между странами растянутся на ближайшие годы. Именно торговые разногласия стали одной из важнейших причин того, что Индия воздержалась от участия в проекте Транстихоокеанского партнерства (ТТП), который продвигала администрация Б. Обамы. Другой причиной этого стали претензии США, связанные с защитой интеллектуальных прав, прав рабочих и защитой окружающей среды, которые трудновыполнимы для Нью-Дели и остаются предметом двусторонних разногласий.

Несмотря на то, что в январе 2015 г. Б. Обама, прибыв с визитом в Индию, высказал свою поддержку интереса Индии к вступлению в Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), по данному направлению не было достигнуто никакого прогресса. С ноября 2011 г. Индия по приглашению Соединенных Штатов является наблюдателем в организации. С марта 2016 г. индо-американское лобби в Конгрессе США пытается продвинуть резолюцию о начале разработки стратегии по принятию Индии в АТЭС в качестве полноправного члена. В резолюции содержится призыв к другим государствам-членам организации поддержать вступление Индии³. На данном этапе законопроект не пользуется поддержкой достаточного числа конгрессменов.

Ограничивающую роль для дальнейшего экономического сближения играло и отсутствие Индии в крупных региональных проектах, которые разрабатывались США (например, Транстихоокеанского партнерства и Соглашения о торговле услугами). В целом, перечисленные разногласия по торгово-экономической тематике становятся определенным раздражителем для двустороннего сотрудничества⁴. США, являясь первым торговым партнером Индии, главным поставщиком технологий, источником 20–25% прямых инвестиций в Индию, всячески заинтересованы в дальнейшей либерализации и полной открытости индийской экономики для американского бизнеса. Однако индийское руководство не спешит следовать этим рекомендациям по внутренним причинам, что вызывает недовольство в Вашингтоне⁵.

² Remarks at the Joint Strategic and Commercial Dialogue Opening Plenary. September 22, 2015/ 2009-2017 Archive for the U.S. Department of State.

URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2015/09/247154.htm> (дата обращения: 01.02.2016).
Идея о существовании «индо-тихоокеанского региона», то есть, общего пространства от Америки до Индостана, была предложена госсекретарем США Х. Клинтон в 2011 г.

³ H.R. 4830: To Direct the Secretary of State to Develop a Strategy to Obtain Membership Status for India in the Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC), and for Other Purposes. 114th Congress, 2nd Session. Washington, D.C.: GPO. 2016. P. 3.

⁴ *Meltzer J.* Economic and Trade Relations. // *India – U.S.: Relations in Transition*. 06.2016. New Delhi: Brookings India. P. 13.

⁵ См.: *Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект пресс, 2017. С.251.*

Политическое направление

Индия занимает важное место в планах Вашингтона по усилению влияния в регионе: США стремятся укрепить связи с демократическими партнерами, создав тем самым демократическую коалицию. Еще с 2011 г. администрация Б. Обамы осуществляла попытки включения Индии в стратегию «распространения демократии». Тогда один из сторонников американской политики разворота к Азии — госсекретарь Х. Клинтон — отмечала, что по мере возрастания роли Индии в АТР она несет дополнительную ответственность, включающую необходимость откровенно высказывать свою позицию против нарушений универсальных прав человека. Х. Клинтон, в частности, призвала Индию подталкивать правительство Мьянмы к диалогу с лидером оппозиции Аун Сан Су Чжи и к освобождению политических заключенных, а также к участию в демократизации Шри-Ланки, заявив, что «индийская демократическая система, в которой люди всех религий и социальных слоев участвуют в равной степени, может служить моделью для этой страны»⁶.

В январе 2015 г. Б. Обама посетил Нью-Дели и принял участие в качестве почетного гостя на торжественном параде, посвященном 65-й годовщине Республики Индия. В ходе визита американский президент особо подчеркнул растущую роль Индии в АТР. Внимание экспертов привлекло Совместное заявление Н. Моди и Б. Обамы о стратегическом видении АТР и Индийского океана. В нем «крупнейшая» и «старейшая» демократии выразили поддержку развитию региональной экономической интеграции и обеспечению свободы навигации (особенно в Южно-Китайском море (ЮКМ)). В частности, в нем содержался призыв ко всем участникам спора «избегать угроз или использования силы и продолжать разрешение территориальных и морских споров мирными средствами в соответствии с общепризнанными принципами международного права, включая Конвенцию ООН по морскому праву»⁷.

Многие обозреватели увидели в данном заявлении антикитайский контекст: дело в том, что именно китайский фактор объединяет сегодня политические линии США и Индии в АТР и Индийском океане. Вашингтон, с тревогой наблюдая за экономическим ростом Китая и модернизацией его военной программы, рассматривает Индию в качестве желаемого демократического партнера в регионе в противовес КНР и призывает индийскую сторону играть более активную роль не только в Индийском, но и в Тихом океане, поскольку действия КНР меняют региональный баланс сил. В том же заявлении лидеров стран содержатся слова о стремлении «совместно работать ради продвижения мира, процветания и стабильности, чему должна способствовать общая приверженность стран Всеобщей декларации прав человека»⁸.

Усиление китайских позиций в Индийском океане вызывает настороженность Нью-Дели и заставляет укреплять обороноспособность страны, в том числе за счет сотрудничества с Вашингтоном. В Индии также с настороженностью наблюдают за инициативой Китая по реализации «Экономического пояса Шелкового пути», считая, что он в большей степени будет служить геополитическим целям Пекина.

⁶ Clinton H. Remarks on India and the United States: A Vision for the 21st Century // Scoop. 07.20.2011. URL: <http://www.scoop.co.nz/stories/WO1107/S00450/remarks-on-india-and-the-united-statesvision-for-the-21st-c.htm> (дата обращения: 01.03.2016).

⁷ U.S. – India Joint Strategic Vision for the Asia-Pacific and Indian Ocean Region // The White House. 25.12.2015. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/01/25/us-india-joint-strategic-vision-asia-pacific-and-indian-ocean-region> (дата обращения: 03.06.2016).

⁸ U.S. – India Joint Strategic Vision. Op. cit.

Наибольшим раздражителем служит проект китайско-пакистанского экономического коридора, который должен связать Синьцзян с помощью автомобильных и железных дорог с пакистанским портом Гвадар. Недовольство индийской стороны вызывает факт прохождения коридора через управляемую Пакистаном территорию Кашмира, которую в Нью-Дели рассматривают как принадлежащую Индии. Таким образом, и Индия и США заинтересованы в том, чтобы подать четкий сигнал Пекину о необходимости учитывать их интересы в АТР.

Политика «перебалансировки» США в Азию подразумевает, прежде всего, военно-политическую составляющую: укрепление альянсов Вашингтона с региональными партнерами (Японией, Республикой Корея, Австралией, Филиппинами), а также расширение военного присутствия в Юго-Восточной Азии⁹. В этом отношении следует обратить внимание на взаимодействие государств в рамках трехстороннего диалога США — Индия — Япония. На встрече министров иностранных дел трех стран в сентябре 2015 г. стороны подчеркнули растущее сходство их интересов в Индо-Тихоокеанском регионе и отметили важность соблюдения принципов международного права, мирного разрешения споров, свободы навигации в Южно-Китайском море.

Несмотря на географическую отдаленность от спорных территорий в ЮКМ, Индия сильно заинтересована в обеспечении стабильности и безопасности данного района.

Во-первых, территориальный спор угрожает проведению политики правительства Н. Моди «действуй на Востоке», ключевыми элементами которой являются развитие торговых отношений со странами АСЕАН и расширение географии сотрудничества за счет укрепления двусторонних связей Индии с Японией, Австралией, островными государствами Тихого океана, Южной Кореей и Монголией. В этом смысле напряженность вокруг спорных островов рассматривается в Нью-Дели как барьер на пути развития региональной торговли.

Во-вторых, ряд индийских аналитиков проводят взаимосвязь между «агрессивными действиями» КНР в ЮКМ и растущей мобилизацией сил КНР в регионе Индийского океана, высказывая подозрения о том, что Пекин может использовать свои базы в Южно-Китайском море как плацдарм для активной демонстрации силы «на заднем дворе Индии»¹⁰. Неудивительно, что в середине июня 2016 г. у берегов острова Окинава прошли учения с участием ВМС Индии, США и Японии. По выражению газеты *Wall Street Journal*, совместные учения отразили «видение Вашингтоном нового порядка в области морской безопасности в Азии, который объединяет демократические силы для противостояния более агрессивному и хорошо вооруженному Китаю»¹¹.

В то же время, ни одна из сторон на данный момент не желает открытой конфронтации с Китаем. Это в особенности касается Индии, у которой с соседней страной очень много не только противоречий: от территориальных споров до разногласий на глобальном уровне, — но и общих интересов (в первую очередь, заинтересованность в многополярном мире и противодействие мусульманскому экстремизму). КНР для Индии, равно как и для США, — важнейший торгово-

⁹ Американская стратегия «перебалансировки» сил в АТР и интересы национальной безопасности России // Проблемы национальной стратегии. 2015. №4 (31). С. 9-43.

¹⁰ *Singh A.* What New Delhi needs to Raise with Wang Yi about South China Sea // *Daily O.* 13.08.2016. URL: <http://www.dailyo.in/politics/south-china-sea-wang-yi-india-visit-narendra-modi-act-east-policy/story/1/12346.html> (дата обращения: 28.08.2016).

¹¹ *Fairclough G.* U.S., India, Japan Begin to Shape New Order on Asia's High Seas // *The Wall Street Journal.* 15.06.2016.

экономический партнер, что обуславливает особое внимание Нью-Дели к ключевым аспектам индо-китайских отношений.

Стараясь сохранить свою «стратегическую автономность», Нью-Дели избегает вовлечения со стороны Вашингтона в противостояние с Пекином. В частности, в феврале 2016 г. Индия решительно отказалась от совместного с США патрулирования акватории Южно-Китайского моря. Вместе с тем, официальное заявление министерства иностранных дел Индии в связи с решением международного трибунала ООН по вопросу ЮКМ, в котором говорится о необходимости «бесприкословного уважения» Конвенции ООН по морскому праву, может быть расценено как недвусмысленная критика намерений Китая¹². Это подтверждает и визит главы внешнеполитического ведомства КНР в Индию (12–14 августа 2016 г.), призванный, по сообщениям печати, прояснить и смягчить позицию Нью-Дели по спорным островам в преддверии саммита G-20 в Ханчжоу.

Таким образом, усиление Китая, которое в США и Индии рассматривается с позиции собственных национальных интересов, подталкивает Вашингтон и Нью-Дели к региональному взаимодействию на политическом уровне. Во многом именно этот фактор стимулировал согласие правительства Н. Модии на усиление сотрудничества с Соединенными Штатами в военной сфере.

Военное сотрудничество

Одним из достижений заключительного периода нахождения у власти в США администрации Б. Обамы стало укрепление военно-технического сотрудничества (ВТС) с Индией. Долгое время между странами обсуждались три договора в сфере ВТС: соглашение о логистической поддержке (сначала в формате LSA, затем — LEMOA¹³), меморандум о взаимопонимании в области взаимодействия и безопасности коммуникаций (Communication Interoperability and Security Memorandum Agreement, CISMOA) и соглашение по базовому обмену [картографической информацией и услугами — А.3.] и сотрудничеству (Basic Exchange and Cooperation Agreement, BECA). Это фундаментальные соглашения, которые США подписывают со своими близкими военными партнерами¹⁴. Первое из них — наиболее резонансное — подразумевает предоставление индийских военных баз американской авиации и флоту для логистических целей (ремонта и дозаправки) и обсуждается сторонами с 2004 г. С одной стороны, соглашение носит в большей степени символический характер, поскольку у стран уже был опыт логистического взаимодействия (во время войны в Персидском заливе в 1991 г. и операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане в 2001–2014 гг.). С другой стороны, оно является четким сигналом Пекину о том, что к числу американских союзников в регионе способна присоединиться Индия. Однако некоторые индийские эксперты обращают внимание на то, что, подписывая договоренности и развивая сотрудничество, Индии в большей степени необходимо опасаться не вовлечения в противостояние с Китаем, а участия в военных операциях США на Ближнем Востоке. В ходе визита министра обороны США Э. Картера в Индию в середине апреля 2016 г. было объявлено о достижении

¹² Statement on Award of Arbitral Tribunal on South China Sea Under Annexure VII of UNCLOS // Ministry of External Affairs. 12.07.2016. URL: http://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/27019/Statement_on_Award_of_Arbitral_Tribunal_on_South_China_Sea_Under_Annexure_VII_of UNCLOS (дата обращения: 02.08.2016).

¹³ LSA — Logistics Supply Agreement (соглашение о логистической поддержке); LEMOA — Logistics Exchange Memorandum of Agreement (меморандум о договоренности по логистическим обменам).

¹⁴ *Peri D.* What is LEMOA // The Hindu. 30.08.2016. URL: <http://www.thehindu.com/news/national/an-explainer-on-lemoa/article9051141.ece> (дата обращения: 19.09.2016).

«принципиальной договоренности», а уже в ходе поездки премьер-министра Н. Моди в США в июне — о согласовании деталей текста договора. В результате 29 августа 2016 г. представители военных ведомств стран подписали соглашение о логистической поддержке (LEMOA).

Соглашение о логистической поддержке подвергается в Индии ожесточенной критике со стороны оппозиционных сил, в частности, представителей Коммунистической партии Индии и Индийского национального конгресса. Они отмечают, что такое соглашение в обязательном порядке будет означать присутствие на индийских базах американского вспомогательного военного персонала и станет первым шагом на пути к оформлению военного союза с США. По мнению ряда политиков, это может иметь негативные последствия для внешней политики страны, поскольку неизбежно вызовет недовольство России и Китая. Наконец, оно не соответствует «проверенной временем политике стратегического военного нейтралитета» и «подрывает суверенитет Индии»¹⁵.

Второе соглашение (CISMOA), по мнению ряда индийских экспертов, способно «привязать» Индию к американскому рынку оборонных технологий. У страны могут возникнуть три основных озабоченности: кто будет внедрять коммуникационные системы в поставляемое Индии оборудование, будет ли обеспечена надежная защита представляющих государственную важность данных и где они будут храниться¹⁶. CISMOA также подвергается критике со стороны индийской оппозиции, поскольку, используя его, США могут получить доступ ко всей коммуникационной сети вооруженных сил Индии, включая авиацию и флот, что способно подрвать их боеготовность. Третье соглашение (BECA) вызывает ряд вопросов относительно сбора картографической информации частными компаниями, предоставляющими поддержку вооруженным силам США. Однако оно представляет для Индии интерес, поскольку Нью-Дели надеется на развитие индийскими государственными и частными компаниями возможностей в этом направлении¹⁷.

Развитие военного сотрудничества выгодно обеим странам. США очень заинтересованы в увеличении своей доли на объемном индийском рынке вооружений, первое место на котором на данный момент принадлежит России¹⁸. Москва продолжает оставаться главным партнером Нью-Дели в области ВТС: у стран действует ряд программ совместных разработок и производства вооружений. В частности, это истребители пятого поколения Т-50 (в Индии его называют FGFA — Fifth Generation Fighter Aircraft), легкие вертолеты Ка-226, сверхзвуковые ракеты «БраМос». После визита Н. Моди в Россию в конце декабря 2015 г. в средствах массовой информации появились сообщения о достижении предварительных договоренностей о продаже Индии российских зенитно-ракетных систем С-400. Очевидно, что подобные соглашения подчеркивают важный статус оборонного сотрудничества между странами.

Вместе с тем, в последние годы наметилось снижение российской доли на индийском рынке вооружений. По мнению аналитиков из американского агентства Stratfor, это связано с разногласиями, которые окружают многие совместные проекты

¹⁵ India, US Sign Key Defence Pact to Use Each Other's Bases for Repair, Supplies // The Indian Express. 31.08.2016. URL: <http://indianexpress.com/article/india/india-news-india/manohar-parrikar-signs-key-logistics-defence-pact-with-us-3004581/> (дата обращения: 22.09.2016).

¹⁶ The India — US Defence Partnership is Not Out of the Political Woods Yet // The Wire. 14.04.2016. URL: <https://thewire.in/29632/the-india-us-defence-partnership-is-not-out-of-the-political-woods-yet> (дата обращения: 20.05.2016).

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Россия и страны Востока в постбиполярный период: учебное пособие/ Под ред. Д.В.Стрельцова. М.: Аспект пресс, 2014. С. 193.

России и Индии, что открывает путь для альтернативных поставщиков оружия. С 2013 г. возросла доля таких партнеров Индии, как США, Израиль, Франция и Япония¹⁹. Диверсификация импорта вооружений обусловлена как стремлением Индии получить самые современные и технологичные образцы, так и с активной политикой конкурентов РФ (США, Израиль, Франция, Великобритания и др.) на рынке вооружений. Ряд соглашений в области ВТС (например, о поставке французских самолетов-истребителей «Рафаль») стали результатом активного лоббирования со стороны заинтересованных сторон.

Несмотря на достижение успехов по ряду направлений взаимодействия, за годы нахождения у власти администрации Б. Обамы не удалось превратить Индию в полноценного союзника США в Индо-Тихоокеанском регионе. Правительство Н. Моди придерживается многовекторной внешней политики, которая позволяет стране развивать широкий спектр экономических связей, которые не будут скованы политическими обстоятельствами. Нью-Дели готов к партнерству с Вашингтоном лишь пока это соответствует его национальным интересам. Ввиду указанных выше разногласий с США Индия оказалась за бортом экономических региональных проектов, прорабатывавшихся Вашингтоном. Подобный расклад вынуждает Нью-Дели не полагаться исключительно на перспективы двустороннего сотрудничества с США, а уделять значительное внимание налаживанию связей с Россией, Китаем и странами Центральной Азии в рамках БРИКС и ШОС, а также развивать отношения с другими крупными игроками АТР, такими как Япония, Австралия, Южная Корея и страны АСЕАН.

¹⁹ How Losing India's Business Could Ruin Russia's Defense Industry // Stratfor. 27.01.2016.
URL: <https://www.stratfor.com/analysis/how-losing-indias-business-could-ruin-russias-defense-industry> (дата обращения: 26.09.2016).

Влияние соперничества США и Китая на процессы многостороннего сотрудничества в АТР

В статье автор сравнивает подходы США и Китая к многостороннему взаимодействию в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Показано место АСЕАН в процессах регионального сотрудничества. Делается вывод о том, что усиление соперничества США и Китая в регионе повышает значимость активной политики АСЕАН в области экономики и безопасности в АТР.

Ключевые слова: многостороннее сотрудничество, АТР, АСЕАН, Китай, США, экономическая интеграция, региональная безопасность.

Современная международно-политическая ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) характеризуется усилением конкуренции между США и Китаем за экономическое и политическое лидерство. Неопределенность, связанная с формированием нового международного порядка и изменением баланса сил в АТР, усугубляется ростом угроз безопасности. Инструменты многостороннего сотрудничества, призванные способствовать решению проблем безопасности, остаются незадействованными во многом из-за отсутствия согласия между Вашингтоном и Пекином по поводу параметров их участия в существующих региональных форматах. Поскольку ведущую роль в процессах многостороннего взаимодействия в АТР играет АСЕАН, выстраивание отношений с этой группировкой имеет первостепенное значение для США и Китая с точки зрения сохранения их внешнеполитического влияния в регионе.

Подходы США и КНР к многостороннему взаимодействию в области безопасности в АТР

Дипломатические и военно-политические усилия США в АТР направлены на сохранение системы своих военно-политических альянсов. В последние годы США стремятся привлечь новых азиатских партнеров. США значительно расширили диалог по линии оборонных ведомств с Филиппинами, Сингапуром и Вьетнамом. Кроме того, США провели ряд мероприятий, направленных на усиление взаимодействия с традиционными союзниками — Южной Кореей и Японией. Поощряя взаимодействие между региональными союзниками, США стремятся замкнуть американоцентричную зонтичную систему в АТР (так называемую “hub-and-spokes” system).

Стратегия США в АТР при администрации президента Б. Обамы исходит из того, региональные институты содержат в себе определенный потенциал для развития многостороннего сотрудничества, несмотря на то, что они еще молоды и недостаточно развиты. Например, США рассматривают формат Восточноазиатских саммитов (ВАС), к которому они присоединились в 2011 г., как перспективный инструмент для решения военно-политических проблем: морской безопасности и распространения ядерного оружия. В свою очередь, для стран АСЕАН ВАС имеет значение скорее как площадка для обсуждения и разработки новых программ и инициатив взаимодействия. Тем не менее, представители администрации Б. Обамы на регулярной основе принимали участие в работе асеаноцентричных форматов в АТР: ВАС и Азиатского регионального

* Сафронова Ирина Алексеевна — аспирантка Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (isafronova@hse.ru). Статья поступила в редакцию 01.09.2016.

форума по безопасности (АРФ), а министерство обороны США присоединилось в 2010 г. к Совещанию министров обороны «АСЕАН Плюс».

В свою очередь, Китай расценивал стратегию администрации Б. Обамы в АТР как направленную на его сдерживание. Китай не считает, что наращивание взаимодействия в рамках военно-политических альянсов США гарантирует безопасность в XXI в., воспринимая альянсы как пережиток времен холодной войны. Кроме того, для КНР лидерство США в многосторонних форматах в АТР таит в себе угрозу, поскольку подразумевает объединение региональных держав против потенциального противника, которым, по мнению США, является Китай.

Основным мотивом участия Пекина в многосторонних форматах в АТР было стремление обеспечить благоприятную и стабильную среду для своего мирного возвышения, постепенно наращивая военное влияние и экономическую взаимозависимость со странами региона. Другой мотив состоял в необходимости снизить притязания других игроков на роль лидера в АТР не только в военно-политической сфере, но и в экономике. При этом Пекин отдает предпочтение налаживанию двусторонних связей, постепенно придавая им статус стратегического партнерства¹.

Многостороннее сотрудничество в сфере экономики в АТР

Многостороннее экономическое взаимодействие — наиболее динамично развивающаяся сфера в АТР. В настоящее время идет процесс объединения многочисленных двусторонних торговых соглашений в многосторонние форматы. При этом можно выделить два вектора развития региональной экономической интеграции: американский проект «Транстихоокеанское партнерство» (ТТП) и китайский — «Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство» (РВЭП).

С точки зрения администрации Б. Обамы ТТП — это площадка для строительства новой архитектуры экономического взаимодействия в АТР. ТТП охватывает около 800 млн населения АТР и 40% мировой торговли. Помимо задач по либерализации торговли и принятия новых стандартов в области производства и распространения продукции, ТТП имеет важную стратегическую цель, которую Б. Обама выразил в известном высказывании: «Если Америка не напишет новые правила мировой торговли, за нее это сделает Китай, что крайне негативно отразится на американской экономике и создании рабочих мест» в самих США². Кроме того, переговоры о создании ТТП проходили параллельно с переговорами о заключении Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) между США и ЕС, а также переговорами о создании зоны свободной торговли между ЕС и Японией — членом ТТП. В случае заключения данных соглашений можно говорить о формировании группы государств, торговля между которыми будет проходить по совершенно новым правилам, в обход ВТО. Несмотря на заявления Б. Обамы о готовности принять в ТТП Китай в обозримом будущем, данное заявление, на наш взгляд, носит исключительно декларативный характер, и не отражает реальных намерений США.

Переговорный процесс по заключению РВЭП, начавшийся в 2012 г., столкнулся с рядом препятствий. Во-первых, усилилось соперничество между Китаем и Японией за лидерство в инвестиционной и финансовой сферах. Во-вторых, проявились опасения

¹ *Feng Zhongping, Huang Jing. China's Strategic Partnership Diplomacy: Engaging with a Changing World // European Strategic Partnerships Observatory. Working Paper № 8.06.2014. P. 8.*

² *President Obama: The TPP Would Let America, not China, Lead the Way on Global Trade // The Washington Post. 02.05.2016. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/president-obama-the-tpp-would-let-america-not-china-lead-the-way-on-global-trade/2016/05/02/680540e4-0fd0-11e6-93ae-50921721165d_story.html?utm_term=.99d07517cc08 (дата обращения: 19.08.2016).*

ряда стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) по поводу наращивания экономического доминирования Китая после заключения РВЭП. В-третьих, сам Китай в этот период уделял все больше внимания реализации собственных экономических проектов, таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, созданный в середине 2015 г. Кроме того, завершение переговоров по заключению ТТП в октябре 2015 г. поставило перед некоторыми его участниками вопрос о соотношении указанного формата с другими региональными многосторонними инициативами, в том числе РВЭП. В то же время, ратификация ТТП остается нерешенным вопросом вследствие изменений внутриполитической ситуации в странах-участницах соглашения³.

Роль АСЕАН в процессах многостороннего взаимодействия

Позицию АСЕАН по вопросам политики и безопасности в АТР определяют принципы невмешательства, консенсуса, консультации, доверия, терпимости и учета индивидуальных особенностей и интересов каждого участника, что составляет суть так называемого «пути АСЕАН». Данные принципы восходят к позиции коллективного нейтралитета, которого АСЕАН придерживалась во время холодной войны.

Несмотря на то, что позиция АСЕАН как единого актора нередко подвергается критике, организации удалось стать неотъемлемой частью архитектуры безопасности в АТР наряду с системой военно-политических альянсов США. АСЕАН — единственный субъект, который после окончания холодной войны оказался способен выстраивать новую архитектуру региональной безопасности через создание многостороннего формата: Регионального форума АСЕАН (1993 г.).

В настоящее время в АСЕАН усиливается тенденция к углублению связей между членами организации по вопросам политики и безопасности, растут оборонные расходы стран-членов АСЕАН темпами, превышающими среднемировые⁴. Однако обострение проблем в области морской безопасности в АТР во втором десятилетии XXI в. обнажило слабые стороны АСЕАН как регионального актора. Например, обращение Филиппин в 2015 г. в Международный трибунал ООН по морскому праву в связи со спором вокруг территорий и акваторий в Южно-Китайском море (ЮКМ) продемонстрировало неготовность АСЕАН отстаивать интересы своих членов. Причина заключается не только в отсутствии необходимых практик в АСЕАН, но и в нежелании самой организации портить отношения с Китаем, который является активным участником споров в ЮКМ.

Экономическое и военно-политическое возвышение Китая, сопровождающееся обострением ситуации в области безопасности в АТР, в последние годы повысило для некоторых стран региона актуальность американского военного присутствия. Однако излишнее доминирование США в АТР также вызывает опасения. В результате растет значимость активной политики АСЕАН в области экономики и безопасности в регионе. Опора на собственные ресурсы и возможности, дистанцирование от военно-политических блоков и альянсов — залог того, что АСЕАН сможет оставаться институтом, гарантирующим стабильность международно-политической обстановки в АТР.

³ *Neumann F.* Asia's New Economic Order // *Nikkei Asian Review*. 21.04.2015.

URL: <http://asia.nikkei.com/Viewpoints/Economeister/Asia-s-new-economic-order> (дата обращения: 15.08.2016).

⁴ *Kodaki M.* China's Territorial Ambitions Driving up Asia's Defense Spending // *Nikkei Asian Review*, 10.02.2016. URL: <http://asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/China-s-territorial-ambitions-driving-up-Asia-s-defense-spending> (дата обращения: 20.08.2016).

Тенденции экономического и технологического развития стран АТР

Невская А.А.*

Страны Азии — новый центр развития креативных индустрий?

В статье анализируется состояние креативных отраслей в странах Азиатского региона. Показано, что благодаря ряду факторов — таких как бурный рост среднего класса, урбанизация, частичная деиндустриализация и целенаправленная политика властей, — страны Азии стали одним из мировых центров развития креативных индустрий, обогнав по многим показателям такие традиционные центры как США и ЕС. На примере Китая автор выявляет основные проблемы и слабые места в развитии креативных индустрий в регионе, а также обозначает возможные перспективы их дальнейшей эволюции.

Ключевые слова: креативные индустрии, Азия, Китай, мягкая сила, средний класс, урбанизация, интеллектуальная собственность.

В ряде азиатских стран сегодня наблюдаются серьезные сдвиги в источниках и качестве экономического роста. Если для наиболее развитых стран региона с высоким доходом на душу населения (Малайзия, Сингапур, Южная Корея и др.) это было характерно в течение последних нескольких десятилетий, то в таких государствах как Китай и ряд стран АСЕАН это явление только начинает набирать силу. Мощное промышленное производство Китая находится под угрозой из-за ряда факторов, включая снижение государственных инвестиций, падение спроса на экспортных рынках и ухудшение внешнеэкономической конъюнктуры в целом. Рост затрат на заработную плату и других издержек происходит на фоне снижения оплаты труда в соседних странах Юго-Восточной Азии, что негативно отражается на конкурентоспособности национального производства в КНР. При этом происходит частичное замещение промышленного производства индустриями, основанными на творчестве и инновациях. В этой связи можно говорить о зарождении в ряде стран региона тенденции перехода от экстенсивной модели экономического роста, обусловленной использованием природных ресурсов или избыточной дешевой рабочей силы, к источникам роста, связанным с творческой, инновационной деятельностью, знаниями и ноу-хау. Эффективность креативных индустрий как источника экономического роста показана в ряде исследований¹. Одновременно их развитие позволяет решить ряд социальных проблем (в частности, уменьшить уровень безработицы), не прибегая к значительным государственным финансовым вливаниям.

* Невская Анастасия Алексеевна — к.э.н., научный сотрудник НИ ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН (a.nevskaya@hotmail.com). Статья поступила в редакцию 17.08.2016.

¹ См., например, Creative Industries Boost Economies and Development, Shows UN Report // UNESCOPRESS. 14.11.2013.

URL: <http://www.unesco.org/new/en/media-services/in-focus-articles/creative-industries-boost-economies-and-development-shows-un-report> (дата обращения: 10.07.2016).

Креативные индустрии: границы понятия и подходы к изучению

Основным методологическим ориентиром при изучении креативных индустрий выступает ЮНЕСКО: это специализированное учреждение ООН регулярно проводит мониторинг и анализ развития этой сферы мировой экономики. По предлагаемой ЮНЕСКО классификации, к креативным индустриям относится производство товаров и услуг, при создании которых применяется значительная творческая или культурная составляющая. Также к этой категории относят рекламу, исследования различного характера и информационные технологии.

Согласно наиболее универсальной классификации, предложенной британским ученым Д. Тросби, креативные индустрии следует подразделять на несколько уровней в зависимости от степени интенсивности креативного начала в создании продукта или услуги. Так, по его мнению², можно выделить четыре подгруппы креативных индустрий: *индустрии, связанные с культурным самовыражением* (литература, музыка, исполнительские и визуальные искусства); *другие креативные индустрии* (киноиндустрия, галерейный бизнес, фотография); *смежные отрасли* (реклама, архитектура, дизайн, мода); *креативные индустрии в более широком смысле* (работы по сохранению культурного наследия, издательское дело, телевидение и радио, звукозаписывающая индустрия, компьютерные игры).

По классификации ЮНЕСКО, креативные индустрии также подразделяются на «базовые» и «сопутствующие». Первые производят непосредственно творческий продукт, а вторые (среди которых также выделяется несколько подуровней) обслуживают первые, например, занимаются выводом креативной продукции на рынок. К первым относятся дизайн, киноиндустрия, телевидение, издательское дело, фотография, галерейный бизнес, сценические искусства, традиционные ремесла, проведение фестивалей и др. Ко вторым — производство программного обеспечения, печатного оборудования, аудио-видео и звукозаписывающего оборудования, музыкальных инструментов; архитектура, реклама и др.

Базу для современного научного дискурса по проблемам развития креативных индустрий создали в начале 2000-х гг. Дж. Хоукинс с его теорией «креативной экономики»³, Р. Флорида, разработавший понятие «креативного класса»⁴, и С. Лондри, автор теории «креативных городов»⁵. Несмотря на наличие устоявшихся терминов «креативные индустрии» и «креативная экономика», обозначающих совокупность отраслей, в большинстве исследований на эту тему рассматриваются отдельные виды деятельности, зачастую в региональном разрезе⁶. Дефицит комплексных исследований можно отчасти связать с недостатком и крайне разрозненным характером статистических данных об этой сфере экономической деятельности. Национальная статистика разных стран, как правило, не выделяет эти индустрии в отдельную категорию (исключение составляет Великобритания, которая и ввела в экспертный и политический дискурс понятие «креативных индустрий»), поэтому анализ информации из национальных источников может основываться на несопоставимых данных как по товарным группам, так и во временном и географическом плане. В качестве базовой информации целесообразно обращаться

² *Throsby D. Modeling the Cultural Industries // International Journal of Cultural Policy, 2008. Vol. 14(3). P. 217–232.*

³ *Howkins J. The Creative Economy: How People Make Money from Ideas. London: Penguin Global, 2002.*

⁴ *Florida R. The Rise of the Creative Class. New York: Basic Books, 2002.*

⁵ *Laundry C. The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators. London: Earthscan, 2002.*

⁶ См., например: *Yusuf Sh., Nabeshima K. Creative Industries in East Asia // Cities. 2005. Vol. 22. No. 2. P. 109–122; Brown J., Nadler R., Meczynski M. Working on the Edge? Creative Jobs in Birmingham, Leipzig and Poznan. Making Competitive Cities. Chichester, UK: Wiley-Blackwell, 2010. P. 208–231.*

к данным ЮНКТАД, которая дает более или менее целостную картину мирового рынка креативных товаров и услуг. Однако необходимо иметь в виду, что эти данные часто публикуются со значительным опозданием.

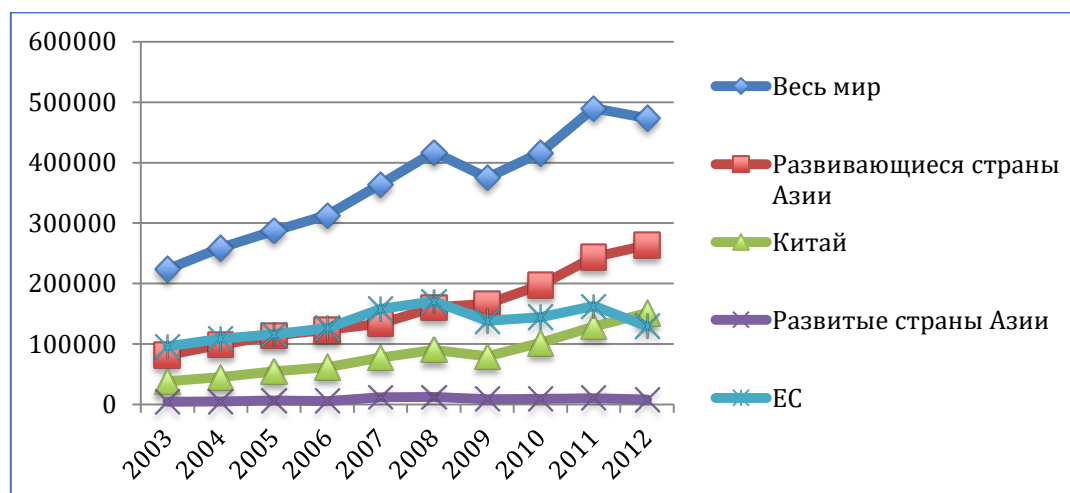
Среди комплексных исследований мирового рынка креативных индустрий следует отметить отчеты ЮНЕСКО⁷, корпоративные обзоры (например, компании EY⁸), доклады правительственных органов⁹.

Страны Азии на мировом рынке креативных индустрий: бурный рост отрасли и его причины

По данным исследования компании EY¹⁰, выручка креативных индустрий по всему миру составляет 2,2 трлн долл. (данные на 2013 г.). Они создают порядка 29,5 млн рабочих мест, что соответствует около 1% всего трудоспособного населения Земли¹¹. Мировая торговля продуктами и услугами креативных индустрий демонстрирует устойчивую тенденцию к росту в последнее десятилетие: с 2003 по 2012 гг. ее объем вырос вдвое (см. рис. 1). Статистические данные свидетельствуют о постепенном переносе «центра тяжести» мирового рынка креативных индустрий из США и ЕС в страны Азии, в первую очередь в Китай (см. рис.1).

Рисунок 1.

Экспорт товаров и услуг креативных индустрий, млн долл. США

Источник: UnctadStat, Values and shares of creative goods, exports, annual, 2003–2012.

Так, если в 2003 г. доля ЕС в мировом экспорте креативных индустрий составляла 43%, а доля Китая — 17%, то в 2012 г. эти доли составляли 27 и 35%

⁷ Creative Economy: a Feasible Development Option // UNCTAD. 04.12.2010. URL: http://unctad.org/en/Docs/ditctab20103_en.pdf (дата обращения: 18.05.2016).

⁸ Cultural Times. The First Global Map of Cultural and Creative Industries // EY. 12.2015. URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-cultural-times-2015/\\$FILE/ey-cultural-times-2015.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-cultural-times-2015/$FILE/ey-cultural-times-2015.pdf) (дата обращения: 18.05.2016).

⁹ EY (до 2013 г. носила название Ernst & Young) — британская компания, проводящая аудит и консалтинг. Входит в «большую четверку» крупнейших аудиторских компаний мира).

¹⁰ Creative Industries: 2016 Focus on // Department for Culture, Media & Sport, UK Government. 09.06.2016. URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/creative-industries-2016-focus-on> (дата обращения: 07.07.2016).

¹¹ Cultural Times. The first global map of cultural and creative industries // EY. 12.2015. URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-cultural-times-2015/\\$FILE/ey-cultural-times-2015.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-cultural-times-2015/$FILE/ey-cultural-times-2015.pdf) (дата обращения: 18.05.2016).

соответственно. Как показано на рис. 1, экспорт из Китая резко ускорил рост после кризиса 2009 г. и превысил соответствующий показатель ЕС в 2011 г. При этом бросается в глаза разница между динамикой развития экспорта креативных индустрий из развитых и развивающихся стран Азии.

Как свидетельствуют данные ЕУ, в 2013 г. на азиатский регион приходилось 33% общемировых продаж в сфере креативных индустрий (743 млрд долл.), и 43% всех рабочих мест в этой сфере (12 млн занятых). По данным ЮНЕСКО, вклад креативных индустрий в региональный ВВП стран Азии составляет 3%. Эта доля равна европейской¹², чуть уступает американской (3,3%) и значительно превосходит латиноамериканскую и африканскую (2,2 и 1,1% соответственно). Отраслевая структура креативных индустрий в некоторых крупнейших странах региона показана в табл. 1.

*Таблица 1.
Доминирующие креативные отрасли
в некоторых крупнейших странах Азии*

Китай	Кино, сценическое искусство, архитектура (рост до 20% в год)
Япония	Архитектура, издательское дело, видеоигры
Индия	Кино, издательское дело
Южная Корея	Музыка, телевидение, видеоигры

Источник: Forum D'Avignon.

Развитию креативных отраслей на азиатском рынке способствуют особенности прироста населения и социально-экономического развития ряда стран Азии: так, несмотря на падение темпов прироста, именно в этом регионе (наряду с Африкой) наблюдается самый высокий процент молодых людей¹³. Важнейшую роль играет рост прослойки среднего класса, предъявляющего спрос на продукцию индустрии досуга и развлечений. На сегодня, по данным ЮНЕСКО, в Азии насчитывается более чем 525 млн представителей среднего класса, а к 2020 г. доля потребления азиатского среднего класса в общемировом объеме потребления среднего класса составит 40%¹⁴.

Характер потребления креативной продукции — с целью демонстрации своих недавно обретенных экономических возможностей — сближает ее с «товарами Веблена»¹⁵. Культурные знания и потребление креативной продукции стали средствами приобретения социального статуса. Так, потребители в азиатских странах предъявляют больший спрос на как газеты и видеоигры, чем население остальных регионов мира: по данным ЮНЕСКО, в 2014 г. на азиатский регион приходилось 47,5% выручки и 85% роста мирового рынка компьютерных игр. В Индии стремительно возрастающие продажи газет стали индикатором социальных и экономических

¹² Доля России на мировом рынке креативной продукции пока сравнима со статистической погрешностью: в период с 2003 г. она колебалась в пределах 0,3-0,4% от общемирового показателя.

¹³ По прогнозам ООН, в Азии будет проживать больше населения в возрасте от 15 до 24 лет, чем в любом другом регионе мира, вплоть до 2080 г. Подробнее см. Youth Population Trends and Sustainable Development // United Nations Department of Economic and Social Affairs // 05.2015.

URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/popfacts/PopFacts_2015-1.pdf (дата обращения: 10.08.2016)

¹⁴ *Kharas H.* The Emerging Middle Class in Developing Countries // Brookings. 31.01.2010.
URL: <https://www.brookings.edu/research/the-emerging-middle-class-in-developing-countries/> (дата обращения: 10.08.2016)

¹⁵ Этим термином обычно обозначают товары, спрос на которые прямо пропорционален их цене, а потребление связано с демонстрационным эффектом. Например, к товарам Веблена можно отнести автомобили класса люкс, дорогие ювелирные украшения, произведения искусства и т.п.

перемен и новых потребностей общества¹⁶. Успех среди китайского среднего класса европейских брендов роскоши и Европы как туристического направления демонстрирует растущую жажду Китая к новому качеству потребляемых товаров и услуг.

Другой, не менее важной предпосылкой бурного роста креативных индустрий в Азии стало резкое возрастание урбанизации в регионе в последние несколько десятилетий. Города способствуют высокой концентрации людей с различными потребностями в культурной жизни и развлечениях, что, в свою очередь, формирует креативную экономику с огромным числом направлений, способствует процветанию культурного многообразия. Возрастающая урбанизация (по данным ООН, только на Китай, Индию и Нигерию вместе взятые будет приходиться 37% мирового роста урбанизации в период с 2014 по 2050 гг.¹⁷) и спрос на развлечения привели к резкому увеличению инвестиций в строительство и недвижимость (строительство крупнейших в мире тематических парков развлечений, кинотеатров и т.д.). Особенно этот фактор сказывается в наиболее развитых крупнейших городах региона, таких как Сингапур, Гонконг, Сеул, Тайбэй и ряд городов Китая. Именно они являются базами для роста креативных индустрий в регионе. Эти индустрии, по мнению экспертов, станут в перспективе ведущими отраслями экономик соответствующих городов и целых государств, будут источником наиболее высокооплачиваемых рабочих мест и точкой притяжения инвестиций, с последующими перетоками части средств в другие отрасли. Эта тенденция начала набирать обороты несколько десятилетий назад¹⁸ и не ослабевает по сей день. Статистические данные показывают стабильный рост как объема креативной продукции в упомянутых городах (в среднем на 2-3% в год)¹⁹, так и ее доли в общем объеме выпуска, а также стабильно сохраняющийся спрос на архитектурные услуги, инфраструктурные решения и продукцию других отраслей, сопутствующих развитию креативных индустрий.

Благодатную почву для развития креативных индустрий с кадровой точки зрения создают процессы деиндустриализации, особенно быстро идущие в последнее десятилетие в «новых индустриальных странах» Азии (Южная Корея, Малайзия, Сингапур, Индонезия, Таиланд).²⁰ При этом очень важен характер деиндустриализации. Так, снижение доли промышленного производства в ВВП не всегда означает приток рабочей силы и других ресурсов в третичный сектор (случай, характерный для многих стран Латинской Америки). В странах Азии же важная особенность процессов деиндустриализации состоит в том, что, хотя доля промышленного производства в ВВП не уменьшается и даже растет в ряде случаев, рынок труда претерпевает большие перемены. За счет быстрого роста эффективности, производительности труда и автоматизации производства доля занятых в промышленном производстве становится все меньше, высвобождается все больше рабочей силы для сферы услуг, в том числе творческих индустрий.

¹⁶ Indian Media and Entertainment Industry Report 2015 // KPMG. 2015.

URL: https://www.kpmg.com/IN/en/IssuesAndInsights/ArticlesPublications/Documents/FICCI-KPMG_2015.pdf (дата обращения: 10.08.2016).

¹⁷ World Urbanization Prospects: The 2014 Revision, Highlights, 2014 // United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. 2014. URL:

<https://esa.un.org/unpd/wup/Publications/Files/WUP2014-Highlights.pdf> (дата обращения: 04.08.2016).

¹⁸ Yusuf Sh., Nabeshima K. Creative Industries in East Asia // Cities. 2005. Vol. 22. No. 2. P. 109–122.

¹⁹ The Cultural and Creative Industries in Hong Kong // Hong Kong Monthly Digest of Statistics. 06.2016. URL: <http://www.statistics.gov.hk/pub/B71606FB2016XXXXB0100.pdf> (дата обращения: 01.08.2016).

²⁰ Подробнее об этом см. Deindustrialization, Structural Change and Sustainable Economic Growth // UNIDO (United Nations Industrial Development Organization), Working Paper 2. 2015.

URL: http://www.unido.org/fileadmin/user_media/Services/PSD/WP_2015_02_v2.pdf (дата обращения: 12.08.2016).

Особенности и проблемы развития креативных индустрий на рынках Азии: пример Китая

Одной из основных характеристик развития креативных отраслей в Китае в последнее десятилетие можно назвать стремление выйти со своей продукцией на мировые рынки и занять на них определенную нишу. С этим связан бурный рост экспорта продукции креативных индустрий из Китая (см. выше рис. 1). Так, если в 2003 г. доля китайских креативных товаров и услуг на мировом рынке была более чем скромной, то в 2013 г. она превзошла показатели таких признанных лидеров рынка креативных индустрий как США и ЕС (причем показатель США был превышен более чем в два раза). О международных амбициях китайских изобретателей и представителей творческих профессий говорит и количество поданных в стране патентных заявок (в 2013 г. 32% от общемирового объема заявок приходилось на эту страну²¹).

Среди проблем развития креативных индустрий в странах Азии — характер распространения среднего класса в обществе. Например, в Китае элементы образа жизни среднего класса проникают в отдельные сегменты общества отнюдь не равномерно. На сегодня представители этого класса проживают в ограниченных, в основном городских анклавах, в которых сосуществуют «первый» и «третий» мир, а креативные товары и услуги в значительной мере остаются статусными вещами и не могут широко распространяться в потребительской среде, не теряя своей ценности²².

Одной из главных проблем развития креативных индустрий в Китае стал их самобытный характер, отдаляющий конечный продукт от потребителей на зарубежных рынках. Это наглядно демонстрирует отраслевая структура китайского экспорта продукции креативных отраслей. Так, если в целом среди национальных производителей доминируют исполнительские искусства и аудиовизуальная продукция (включая фильмы и телепередачи), то на внешних рынках их доля ничтожно мала (см. рис. 2). В 2012 г. основной статьей экспорта были товары и услуги, связанные с дизайном, — они составляли 70% экспорта креативных индустрий. Далее следовали художественные промыслы и новые медиа.

Основными потребителями креативной продукции в мире сегодня по-прежнему остаются представители среднего класса развитых стран, и проблема маркетинга своей креативной продукции на развитых рынках, а также адаптации к потребностям западных потребителей стоит в Китае весьма остро. Ярким примером можно считать кинематограф: будучи одной из крупнейших в мире индустрий по объему производимой продукции²³, китайское кинопроизводство практически не представлено за рубежом, так как не находит адекватного спроса. По имеющимся данным проката художественных фильмов за 2010 г. среди наиболее успешных фильмов был только один и китайским участием (*The Karate Kid*, 17-е место из 30, совместное производство США и Китая), за 2011 г. — фильм из Лаоса на лаосском языке (*Lao Wedding*, 27-е место из 30)²⁴.

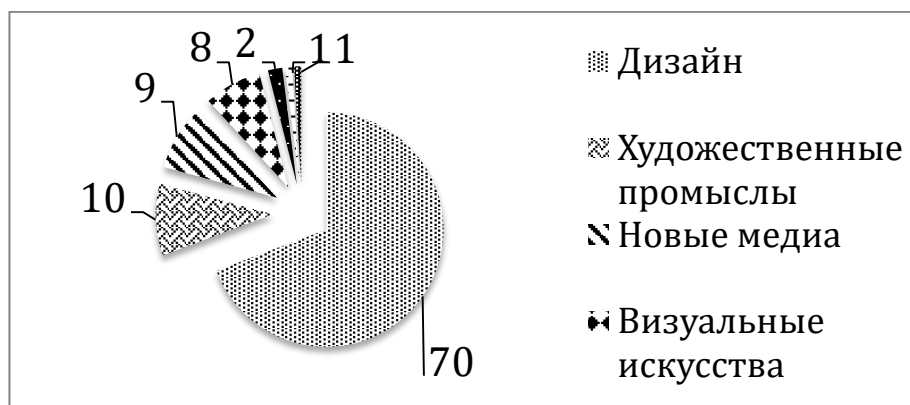
²¹ Моросанова А.А., Паршина Е.М. Экономическое развитие стран и защита прав на результаты интеллектуальной деятельности // Научные исследования экономического факультета. 2015. Т.7. №1. С. 32–51.

²² Здесь имеет место так называемый «эффект сноба», когда определенный круг потребителей отказывается от покупки товара, если он становится слишком популярным на рынке и слишком большое число людей обладает им.

²³ Так, уже в 2011 г. Китай вышел на третье место в мире по числу созданных фильмов, рост в период с 2005 по 2011 гг. составил 124%.

²⁴ Emerging Markets and the Digitalization of the Film Industry. An analysis of the 2012 UIS International Survey of Feature Film Statistics // UNESCO. 2013.

Рисунок 2.
Отраслевая структура экспорта продукции креативных индустрий из Китая
в 2012 г., %

Источник: UnctadStat, Values and shares of creative goods, exports, annual, 2003–2012.

Большая проблема для развития креативных индустрий в Китае и других развивающихся странах Азии — наличие существенного пласта теневой экономики и слабая защищенность авторских прав. Эти два фактора во многом взаимосвязаны. Например, по данным EY, в 2013 г. в Азии 25,2 млрд долл. продаж и 670 тыс. рабочих мест²⁵ в креативных отраслях приходились на теневую экономику²⁶. Вне зависимости от уровня ВВП, развивающиеся страны зачастую вынуждены сталкиваться с асимметричными условиями мирового рынка интеллектуальной собственности, которые работают прежде всего на развитые страны²⁷. Креативный сектор в Китае расплачивается за годы самоустранения в вопросе интеллектуальной собственности, которая является одним из основных инструментов для реализации бизнес-операций в творческой сфере. Представители культурных и креативных индустрий сегодня активно лоббируют усиление защиты авторских прав.

Ощущается нехватка традиции индивидуального предпринимательства, которое является основой развития креативных индустрий в развитых странах²⁸. Местные индивидуальные производители испытывают проблемы с монетизацией своих товаров и услуг, не имея адекватной правовой базы для своей деятельности: отсутствуют типовые договоры, процедуры тендерных закупок непрозрачны и т.д.

Тем не менее развитие культурных и креативных индустрий в Китае является одним из приоритетов государственной политики на самом высоком политическом уровне. В ходе реализации текущего курса «открытых дверей» и экономических реформ Китая защите интеллектуальной собственности начало уделяться серьезное внимание.

URL: <http://www.uis.unesco.org/Library/Documents/ip14-emerging-markets-digitalization-film-industry-culture-2013-en.pdf> (дата обращения: 01.09.2016).

²⁵ Соответственно, 4 и 5% от общего показателя, однако по отдельным странам эта доля значительно выше.

²⁶ Cultural Times. The First Global Map of Cultural and Creative Industries // EY. 12.2015.

URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-cultural-times-2015/\\$FILE/ey-cultural-times-2015.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-cultural-times-2015/$FILE/ey-cultural-times-2015.pdf) (дата обращения: 18.05.2016).

²⁷ Rutenberg I. Faking It: Time to Rethink Intellectual Property in Developing Countries? // The Guardian. 29.10.2013. URL: <https://www.theguardian.com/global-development-professionals-network/2013/oct/29/intellectual-property-rights-google> (дата обращения: 16.08.2016).

²⁸ Ордынская Ю.В., Козыренко Н.Е. Дизайн и архитектура как приоритетные направления модернизации Китая // Новые идеи нового века: материалы международной научной конференции ФАД ТОГУ. 2012. Т. 1. С. 533–537.

В очередном пятилетнем плане (2016–2020 гг.) креативные индустрии упоминаются как один из столпов экономического роста страны, а экспорт их продукции — как важное средство распространения «мягкой силы» Китая. Важным инструментом реализации этой стратегии стали экспортные субсидии производителям креативной продукции. Роль одного из системообразующих элементов экспорта китайской культуры и языка играет Институт Конфуция, имеющий сегодня около 500 подразделений по всему миру, включая Россию.

Вопрос преодоления «культурной пропасти» между Китаем и западными потребителями частично решается благодаря сотрудничеству с развитыми странами. Особенно четко это прослеживается в киноиндустрии, которая в Китае по своим размерам приближается к американской и на которую власти страны делают значительную ставку при распространении в мире своей «мягкой силы»²⁹. Так, китайские киностудии активно сотрудничают с производителями из США, Франции и других развитых стран. В январе 2016 г. было подписано соглашение о стратегическом взаимодействии между российской «Газпром Медиа» и Shanghai Media Group, предполагающее сотрудничество в области производства и распространения телевизионного и медиа-контента³⁰.

Одной из потенциальных «точек роста» экспорта креативной продукции из Китая и ряда других стран Азии сегодня можно назвать компьютерные игры. Особенно возрос потенциал этой отрасли в Китае, когда в июне 2016 г. китайская интернет-компания Tencent приобрела финского производителя компьютерных игр Supercell за 8,6 млрд долл., став тем самым одним из доминирующих игроков и заявив о своих амбициях вне китайского рынка³¹. Некоторые эксперты отмечают, что экспортный потенциал этого вида продукции связан также с тем, что она минимально подвержена цензуре³².

Мировой рынок креативных индустрий потерпел серьезные изменения за последние 15 лет. Развивающиеся страны Азии заявили о себе как об эффективном производителе креативных товаров и услуг. Объективные (рост числа среднего класса, урбанизация, деиндустриализация) и субъективные (политика властей по распространению «мягкой силы») причины заставили развивать эти отрасли опережающими темпами, а также встраиваться в международные цепочки добавленной стоимости. Ряд проблем — таких как слабая обеспеченность прав интеллектуальной собственности, неравномерное развитие среднего класса в ряде стран, недостаточное маркетинговое сопровождение и др. — не дают странам Азии окончательно потеснить конкурентов и наладить стабильный экспорт соответствующей продукции в развитые страны. Однако планомерная работа по их решению уже дает свои результаты, и в будущем Азия имеет все шансы стать бесспорным лидером на мировом рынке креативных индустрий.

²⁹ *Funnel A.* China Pushes to Expand Its Soft Power Through Cultural Exports // RN. 06.05.2015. URL: <http://www.abc.net.au/radionational/programs/futuretense/soft-power-with-chinese-characteristics/6446990> (дата обращения: 05.07.2016).

³⁰ Gazprom media and Shanghai Media Group Agreed on Strategic Cooperation // Gazprom Media Press Release. 22.01.2016. URL: <http://www.gazprom-media.com/en/press-release/show?id=974> (дата обращения: 10.07.2016).

³¹ *Osawa J., Needleman S.* Tencent Seals Deal to Buy 'Clash of Clans' Developer Supercell for \$8.6 Billion // Wall Street Journal. 21.06.2016. URL: <http://www.wsj.com/articles/tencent-agrees-to-acquire-clash-of-clans-maker-supercell-1466493612> (дата обращения: 10.07.2016).

³² *Minter A.* Video Games Might Become China's Best Cultural Export // The Japan Times. 10.07.2016. URL: <http://www.japantimes.co.jp/life/2016/07/06/digital/video-games-may-become-chinas-best-cultural-export/#.V3-oiyOLRhA> (дата обращения: 10.07.2016).

Производственные стратегии европейских автомобильных компаний в азиатских странах

В статье проанализирована динамика выпуска автомобилей с начала XXI в. по странам и регионам мира. Показано, что структура производства и потребления в мировом автомобилестроении серьезно меняется. В то время как насыщенный европейский рынок характеризуется замедлением спроса, страны Азии выступают основным полюсом роста. Этот процесс вынуждает европейские компании кардинально менять свои производственные стратегии и приводит к смещению акцента на освоение нового рынка. Автором рассмотрены особенности развития отрасли в крупнейших странах Азии и выделены характерные черты стратегий европейских автомобильных компаний в этом регионе.

Ключевые слова: автомобильная промышленность, Азия, европейские автомобильные компании, интернационализация бизнеса, производственные стратегии.

Автомобильная промышленность представляет собой значимый объект для изучения, так как состояние этой отрасли способно особенно быстро и точно отражать процессы, происходящие в мировой экономике. Учитывая последние сдвиги в производстве и потреблении, внимание экспертов привлекает именно Азиатский регион. В своих статьях эту проблему освещают как российские (В. Кондратьев, Л. Синцеров, Д. Трофимов, С. Афанасьев, И. Александров и др.) так и зарубежные ученые (Д. Хамфри, М. Фетчерин, Т. Стержн и др.). Однако их работы посвящены развитию автомобильной промышленности стран региона в целом и не охватывают особенностей выхода на азиатский рынок отдельных компаний отрасли¹². Наша же задача — рассмотреть, в каких странах Азии и на каких условиях европейские компании преимущественно налаживают выпуск легковых автомобилей, а также выделить общие черты их производственных стратегий в регионе.

Основные сдвиги в территориальной структуре автомобильного производства

В последние годы для многих отраслей промышленности характерно все более активное смещение производства и потребления продукции из развитых стран в развивающиеся. Автомобилестроение не исключение. На фоне стагнации рынков автомобилей традиционных центров и интенсивной автомобилизации в других регионах общемировая структура автомобильного производства за полтора десятилетия претерпела серьезные изменения.

В 2000 г. примерно по трети всех произведенных в мире автомобилей приходилось на Зарубежную Европу, Зарубежную Азию и страны НАФТА. Однако к 2015 г. на территории Азии было произведено уже более половины всей мировой

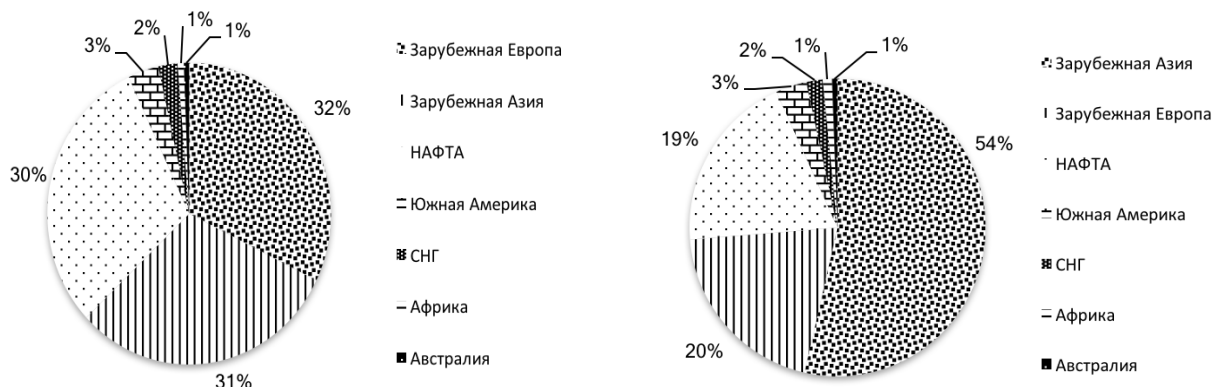
* Баронина Юлия Алексеевна — младший научный сотрудник НИ ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН (ubaronina@mail.ru). Статья поступила в редакцию 06.11.2016.

¹ Например: Афанасьев С.А., Кондратьев В.Б. Автомобильная промышленность стран БРИК // Мировая экономика и международные отношения. 2014. №9. С. 55–65.

² Например: Александров И.А. Возможности и перспективы развития автомобильной промышленности КНР // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2014. №11. С. 19–26.

автомобильной продукции, доля Европы сократилась на 12%, а доля НАФТА — на 11% (см. рис. 1). Таким образом, азиатский регион сегодня занимает лидирующую позицию в региональной структуре современного автомобильного производства.

*Рисунок 1.
Структура производства автомобилей по регионам мира,
2000 и 2015 гг.*

Источник: Международная организация производителей автомобилей.

За рассматриваемый период развивающиеся азиатские страны продемонстрировали колоссальный прирост производства. Китай, занимавший в 2000 г. лишь восьмое место среди крупнейших стран-автопроизводителей, в 2009 г. переместился на первую строчку, оттеснив таких исторических гигантов отрасли как США, Япония и Германия. Объем выпуска автомобильной продукции в КНР за период 2000–2015 гг. увеличился почти в 12 раз. В Индии отмечается пятикратное увеличение показателя (с 0,8 млн до 4 млн автомобилей в год). Республика Корея, увеличившая объем производства на 46%, стабильно занимает пятое место в мировом рейтинге (табл. 1).

Помимо трех вышеупомянутых азиатских стран (Китай, Республика Корея, Индия), которые создали выдающиеся производственные мощности и за короткий период стали ключевыми игроками на глобальном мировом рынке, есть еще одна группа: Таиланд, Индонезия и Малайзия³. Эти страны не претендуют на передовые позиции в ближайшем будущем и развивают национальный автопром преимущественно для удовлетворения внутреннего спроса и ограничения оттока иностранной валюты⁴.

³ В 2015 г. в Таиланде выпущено 1,9 млн автомобилей, в Индонезии — 1 млн, в Малайзии — 614 тыс.

⁴ Кондратьев В.Б. Автомобильная промышленность в развивающихся странах // Перспективы. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. 23.08.2013. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/ekdom/avtomobilnaja_promyshlennost_v_razvivajushihhsa_stranah_2013-08-23.htm (дата обращения: 09.08.2016).

Таблица 1.
Крупнейшие страны по объему производства автомобилей в 2015 г.

№ п/п в 2015 г.	Страна	Количество произведенных автомобилей в 2015 г., млн ед.	№ п/п в 2000 г.	Количество произведенных автомобилей в 2000 г., млн ед.	Прирост в 2015 г. к 2000 г., %
1	Китай	24,5	8	2,1	1084
2	США	12,1	1	12,8	-5
3	Япония	9,3	2	10,1	-9
4	Германия	6,0	3	5,5	9
5	Республика Корея	4,6	5	3,1	46
6	Индия	4,1	15	0,8	415
7	Мексика	3,6	9	1,9	84
8	Испания	2,7	6	3,0	-10
9	Бразилия	2,4	12	1,7	44
10	Канада	2,3	7	2,9	-23
	Всего	90,8		58	56

Источник: Международная организация производителей автомобилей, расчеты автора.

Ключевые факторы динамичного развития автопрома в азиатских странах

Для столь существенных сдвигов в структуре производства автомобилей и усиления роли стран Азии в рассматриваемой отрасли существует несколько причин.

Первая — спрос на продукцию. Автомобильная промышленность отличается ярко выраженной экспортной ориентацией, поэтому наличие рынков сбыта играет очень важную роль в развитии этой отрасли. Крупные компании, в том числе европейские, стремятся налаживать производство как можно ближе к потребителю, чтобы сократить расходы на транспортировку и таможенные пошлины⁵. В то время как в традиционных центрах автомобилестроения (США, Япония, ЕС) обеспеченность людей личным транспортом уже долгое время находится на высоком уровне и спрос растет очень медленно, развивающиеся страны Азии с большой численностью населения представляют собой крайне привлекательные и пока еще не насыщенные автомобильной продукцией рынки. Причем в Азии можно прогнозировать увеличение спроса в долгосрочной перспективе. Если в странах Западной Европы на каждую тысячу человек в среднем приходится 590 автомобилей, то в Китае показатель автомобилизации равен 91, а в Индии — всего лишь 20⁶.

Вторая причина обусловлена тем, что затраты на оплату труда рабочих автомобильных предприятий всегда были высокими по сравнению с другими отраслями обрабатывающей промышленности⁷. Прямые расходы на выплату

⁵ Dicken P. Global Shift: Mapping the Changing Contours of the World Economy // The Guilford Press, New York. 2011. P.338.

⁶ The World Bank Data. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/IS.VEH.NVEH.P3/countries> (дата обращения: 11.08.2016).

⁷ Bureau of Labor Statistics. United States Department of Labor. URL: http://www.bls.gov/opub/ted/2011/ted_20110427.htm (дата обращения: 12.08.2016).

заработной платы рабочим составляют 18–20% от общего объема расходов на автомобильном предприятии. Поэтому гораздо более дешевая рабочая сила в азиатских странах играет важную роль в выборе компаниями места размещения новых заводов. Например, стоимость одного часа труда у работников в Германии и Китае порой различается в 10–20 раз.

Третья причина — активная промышленная политика государств. Либерализация экономики азиатских стран способствовала повышению конкурентоспособности местного автомобилестроения. На развитие отрасли серьезно влияет привлечение инвестиций крупных автомобильных ТНК. Причем их появление в Азиатском регионе осуществляется различными методами, а возможность придерживаться той или иной стратегии во многом определяется степенью государственного участия в развитии отрасли. Государство оказывает поддержку автомобильным компаниям в создании необходимой инфраструктуры, развитии национальных инновационных систем, формировании общегосударственной и отраслевой промышленной политики⁸.

Автомобильная отрасль в Китае развивается под пристальным контролем государства. Более того, эта отрасль фигурирует в планах правительства КНР как локомотив всей экономики, способствующий развитию индустриализации в Поднебесной. Достичь современных успехов в автопроме Китая позволило умелое сочетание протекционистских мер и благоприятных условий для прямого инвестирования со стороны иностранных компаний. Высокие пошлины на импорт готовой продукции и ограничивающие квоты для зарубежных компаний сделали создание совместных предприятий с национальными автопроизводителями наиболее рациональной моделью по освоению огромного рынка этой страны. Однако и здесь китайское правительство установило свои ограничители: доля иностранной компании в СП не должна превышать 50%. Такая форма выхода компании на рынок страны названа П. Бакли «вынужденным» совместным предприятием⁹.

В отличие от Китая, создание СП в Индии жестко не регламентируется. Возможны различные варианты структуры партнерства, технических уровней участников, их вкладов в капитал предприятия, а также владения землей¹⁰. Индийское правительство всячески поощряет приток прямых иностранных инвестиций и даже позволяет зарубежным автопроизводителям владеть 100% акций предприятий. Более того, компаниям часто не требуется предварительного разрешения правительства Индии для начала работы над проектом. Благодаря этим более чем лояльным условиям инвестирования с 2000 г. в отрасль было привлечено около 15 трлн долл¹¹.

Европейские компании на азиатском рынке

Первым среди европейских автопроизводителей на китайский рынок пришел концерн Volkswagen Group. В 1978 г. он достиг соглашения с правительством Китая о производстве автомобилей на территории этой страны, а в 1984 г. на паритетных началах было учреждено первое совместное предприятие с Shanghai Automotive

⁸ Кондратьев В.Б. Отрасли и сектора глобальной экономики: особенности и тенденции развития. М.: Международные отношения, 2015. С. 272.

⁹ Buckley P.J. The Strategy of Multinational Enterprises in the Light of the Rise of China // Scandinavian Journal of Management. 2007. No.23. P. 107–126.

¹⁰ Афанасьев С., Кондратьев В. Автомобильная промышленность стран БРИК // Мировая экономика и международные отношения. 2014. №9. С. 59.

¹¹ Sector Survey — Automobiles; India on its Way to Become the Primary Global Automobile Manufacturer Make in India. 08.2016. URL: <http://www.makeinindia.com/article/-/v/make-in-india-sector-survey-automobile> (дата обращения: 17.08.2016).

Industry Corporation (SAIC). Проект создан сроком на 45 лет и в настоящее время успешно функционирует.

Совместное предприятие VW Group с другой крупной китайской компанией — FAW Group – появилось в 1991 г. При этом на начальном этапе в собственности китайского партнера находилось 51% акций СП, концерну VW Group принадлежало 49%, а спустя 4 года структура собственности приняла вид 60% и 40% соответственно.

В настоящее время в Китае работают 9 автозаводов двух упомянутых СП, выпускающие легковые автомобили под марками Volkswagen, Audi и Skoda, а также девять предприятий по производству ключевых компонентов для них (двигатели, шасси, коробки передач)¹². В этой стране производится 37% всей продукции концерна. Следующий шаг — начало выпуска электрокаров вместе со своими партнерами. Учитывая современную экологическую ситуацию в мире и общественный запрос на экологически чистый транспорт, ожидается, что такие транспортные средства будут пользоваться огромной популярностью, а их выпуск будет активно поддерживаться правительством Китая.

В Индии производство легковых автомобилей VW Group осуществляет на двух заводах своих дочерних компаний Skoda Auto India Private Limited в Аурангабаде и Volkswagen India Private Limited в Пуне. Сборку автомобилей под брендами Volkswagen, Skoda и Audi в Аурангабаде компания начала в 2001 г. Производство полного цикла в Пуне стартовало восемь лет спустя, а объем средств, вложенных в строительство этого предприятия, оценивается в 580 млн евро¹³. Это самый крупный инвестиционный проект немецкой компании в Индии. Для укрепления своих позиций на индийском рынке и повышения уровня локализации к 2020 г. компания планирует вложить еще 250 млн долл. в строительство завода по выпуску двигателей¹⁴.

Свою нишу в премиум-сегменте заняла немецкая компания BMW. Китай находится в числе крупнейших рынков сбыта для компании: на эту страну приходится 22% ее продаж. BMW пришла в Китай в 2003 г., создав с китайской компанией Brilliance China Auto совместное предприятие BMW Brilliance Automotive. Доля немецкой компании в этом СП составляет 50%. Общий объем совместных инвестиций в производственные мощности в Китае с 2009 г., когда было объявлено о строительстве второго завода, составил около 1,5 млрд евро¹⁵. Компания имеет серьезные планы на перспективу. Так, уже начато производство двигателей, что позволит двум существующим автозаводам в районах городского подчинения Дадун и Теси (город Шэньян) перейти на использование комплектующих местного производства и повысить уровень локализации¹⁶.

В 2007 г. открылся завод дочерней компании BMW India Pvt Ltd в Ченнаи (Индия). Стремясь ускорить освоение индийского рынка, компания инвестировала

¹² Production Plants // Volkswagen. URL: http://www.volkswagenag.com/content/vwcorp/content/en/the_group/production_plants.html (дата обращения: 27.08.2016).

¹³ Indian Spirit Meets German Excellence // Volkswagen. URL: http://www.volkswagen.co.in/en/volkswagen_world/volkswagen_india.html (дата обращения: 27.08.2016).

¹⁴ Volkswagen инвестирует 250 млн долларов в новый завод в Индии // Аналитическое агентство Автостат. 17.07.2014. URL: <https://www.autostat.ru/news/17276/> (дата обращения: 16.09.2016).

¹⁵ Концерн BMW Group расширяет свое присутствие в Китае // Пресс-релиз BMW Group. 30.05.2012. URL: <https://www.press.bmwgroup.com/russia/article/detail/T0127256RU/концерн-bmw-group-расширяет-свое-присутствие-в-китае?language=ru> (дата обращения: 20.09.2016).

¹⁶ Manufacturing Facilities // BMW Group. URL: https://secure.bmwgroup.com/bmwgroup_prod/e/0_0_www_bmwgroup_com/produktion/produktionsnetzwerk/produktionsstandorte/werk_shenyang.html (дата обращения: 22.09.2016).

также в развитие дилерской сети и создание склада автозапчастей в Мумбаи (Бомбее).

Сборка автомобилей BMW в Таиланде началась в 2000 г. Инвестиции компании в проект с начала запуска оцениваются в 54 млн долл¹⁷. Особенностью этого тайского завода является то, что пять различных моделей производятся на нем с помощью только одной сборочной линии. В 2015 г. компания объявила о расширении промышленной территории завода, что позволит увеличить объем выпускаемой на нем продукции. Сборку автомобилей из готовых комплектов в других странах Юго-Восточной Азии (ЮВА) компания BMW осуществляет на производственных мощностях национальных компаний. Выпуск продукции в Малайзии начался в 2008 г. на заводе малайзийской компании по сборке автомобилей Inokom Corporation в городе Кулим (штат Кедах, Малайзия). В том же году BMW начала свою деятельность в Индонезии совместно с компанией Gya Motor.

Еще одна немецкая компания Daimler продает на китайском рынке 17% автомобилей марки Mercedes-Benz, часть которых производится на совместном предприятии в Пекине. Daimler с 2006 г. работает совместно с Пекинской автомобильной компанией BAIC Group (Beijing Benz). Именно в Китае был построен первый за пределами Германии завод Daimler по производству двигателей с объемом инвестиций в размере 540 млн долл. Таким образом, компания постепенно наращивает объем выпуска и конкурирует с BMW за долю на рынке этой страны.

В странах Юго-Восточной Азии и в Индии Daimler, как и BMW, проводит сборку легковых автомобилей. Выпуск продукции осуществляется в Таиланде (Бангкок), Вьетнаме (Хошимин), Индонезии (Джакарта), Малайзии (Пекан) и Индии (Пуна)¹⁸.

Первая попытка французской компании Peugeot-Citroën (PSA) закрепиться в Китае оказалась неудачной. В 1985 г. эта компания создала с правительством Гуанчжоу совместное предприятие Guangzhou Peugeot Automobile Company (GPAC) с долей Peugeot-Citroën в 22%. Однако этот проект провалился из-за разногласий сторон по вопросу расширения локализации производства, и в 1997 г. Peugeot продала свою долю в СП японской компании Honda.

Тем не менее PSA не оставила идею завоевать рынок Поднебесной. Более того, в итоге Китай стал одним из приоритетных направлений развития и первым по величине рынком для компании¹⁹. В 1992 г. PSA создала совместное предприятие Dongfeng Peugeot-Citroën Automobile Limited (DPCA) с китайской Dongfeng. С 2010 г. компании имеют равные доли в этом СП. Под его началом работают три завода по сборке автомобилей в Ухани, а в конце 2016 г. к открытию готовился четвертый — в Ченду.

Тесное сотрудничество с китайской стороной не только позволило PSA получить доступ к динамично растущему азиатскому рынку, но и спасло французскую компанию от финансовых проблем. В 2014 г. Dongfeng выкупила 14% акций PSA. Предполагается, что сделка позволит расширить существующие СП в Китае, существенно нарастить объем производства и совместно разрабатывать новые автомобили²⁰.

¹⁷ *Wechsler M.* Roaring Ahead — How BMW is Wooing the World With its High-Tech Approach // Big Chilli. Interview with Pfalz M., President of BMW Group Thailand. 18.07.2012.
URL: <http://www.thebigchilli.com/features/test2> (дата обращения: 25.09. 2016).

¹⁸ The Production Network: the Worldwide Plants // Daimler.
URL: <http://media.daimler.com/marsMediaSite/en/instance/ko/The-production-network-The-worldwide-plants.xhtml?oid=9272049> (дата обращения: 23.09. 2016).

¹⁹ China and South-East Asia // PSA Group. URL: <https://www.groupe-psa.com/en/automotive-group/international-presence/china-south-east-asia> (дата обращения: 17.09. 2016).

²⁰ *Анисимов Г.* Peugeot заключила сделку с Dongfeng. // Ведомости. 27.03.2014.

В 2010 г. французская компания договорилась о создании совместного предприятия CAPSA с другой китайской компанией — Changan Automobile, — а в 2014 г. на новой производственной базе в Шеньжене (провинция Гуандун, Китай) начался выпуск легких коммерческих автомобилей. Появление нового завода призвано укрепить позиции PSA на китайском рынке коммерческих авто, лидерами которого в настоящее время являются американские концерны General Motors и Ford.

Все перечисленные предприятия в основном выпускают автомобили для продажи на внутреннем рынке Китая. При этом модели изменены согласно предпочтениям местного населения, а одна модель была практически с нуля разработана именно для этой страны. В 2008 г. PSA открыла в Шанхае крупный центр исследований и разработок China Tech Center, позволяющий более точно и оперативно реагировать на пожелания потребителей. Особенно это важно для среднеценового сегмента и сегмента премиум-класса, который быстро растет в Китае. Инвестиции французской компании в создание исследовательского центра оцениваются в 144 млн долл.

Сборка автомобилей марки Peugeot в Малайзии осуществляется с 2008 г. на производственных мощностях группы компаний NAZA (г. Гурун). Здесь компания получает значительную выгоду от таможенных соглашений с АСЕАН при экспорте продукции в другие страны региона.

В отличие от Peugeot-Citroën, другая французская компания — Renault открыла свой первый завод в Китае только в феврале 2016 г. в Ухани. Он был построен в рамках совместного предприятия с Dongfeng, созданного на паритетных началах в 2013 г.

Главным приоритетом Renault в Азиатском регионе является освоение рынка Индии и Южной Кореи. В 2000 г. французская сторона приобрела 80,1% акций корейской компании Samsung Motors, имеющей крупный завод в Пусане. Производственные мощности Renault Samsung Motors выпускают автомобили марки Samsung для местного рынка, а также Renault и Nissan для поставок на экспорт. Компания владеет исследовательским центром около Сеула, а для обеспечения производства необходимой продукцией здесь открыт литейный цех и двигателестроительный завод.

Альянс Renault-Nissan открыл завод в Ченнаи (Индия) в 2010 г. и только начал осваивать индийский рынок, который насчитывает около 350 млн потенциальных покупателей. Производственный процесс на заводе позволяет собирать автомобили Renault и Nissan, адаптированные для индийского рынка. Локализованное производство двигателей или комплектующих здесь пока отсутствует в силу небольших объемов выпуска.

Присутствие в азиатском регионе итальянской Fiat Group выражено слабее по сравнению с другими крупными европейскими компаниями. В 2010 г. в Китае компания создала совместное предприятие с Guangzhou Automobile Group с равной долей участия. После приобретения 100% акций американской компании Chrysler было решено увеличить производственную мощность завода, что позволит выпускать автомобили еще одного бренда. В Индии Fiat представлена совместным предприятием с национальным производителем Tata Motors, зарегистрированным в 1997 г. На заводе, построенном за счет совместных инвестиций, выпускаются автомобили как европейской, так и индийской марки.

Каждая из рассмотренных европейских компаний имеет свою собственную производственную стратегию по освоению азиатского рынка, однако мы можем выделить ряд общих черт.

1. Приоритетными направлениями развития для указанных компаний в основном являются Китай и Индию за счет огромного потенциала внутреннего рынка этих стран.

2. Свою деятельность в Азии западноевропейские компании осуществляют в тесном сотрудничестве с местными автопроизводителями и поставщиками компонентов.

3. Компании постепенно увеличивают объем производства на существующих предприятиях в зависимости от спроса, а также инвестируют в строительство новых заводов.

4. При достаточно большом объеме выпуска автомобилей компании повышают уровень локализации путем строительства заводов по производству технически сложных модулей (двигателей, коробок передач), а также переходят от сборки к производству полного цикла.

5. Компании инвестируют в создание исследовательских центров, чтобы быть ближе к потребителю, узнавать предпочтения и учитывать их при разработке дизайна или технических характеристик автомобилей. Часто компании выпускают модели, предназначенные для рынка только одной конкретной страны.

6. Компании стремятся производить разнообразную продукцию в различных сегментах от эконом-класса до премиум-класса, чтобы удовлетворять потребности населения с разным уровнем дохода.

Транстихоокеанское партнерство в стратегиях США и России в АТР

В статье проанализировано место проекта Транстихоокеанского партнерства (ТТП) в стратегиях США и России. Выявлены и исследованы политические и экономические предпосылки американского курса по отношению к ТТП. Охарактеризованы параметры ТТП и его роль для американской экономики. Изучено отношение Конгресса и групп интересов США к данной интеграционной инициативе. Определены ключевые особенности тихоокеанской политики России и их причины. Дана сравнительная характеристика российского и американского курсов в АТР. На основе проведенного анализа сделан вывод, что для США ТТП представляет возможность сформировать региональную экономическую и политическую архитектуру, соответствующую американским интересам. Для России же ТТП — дополнительный интеграционный формат, в котором возможно ее косвенное участие.

Ключевые слова: США, Транстихоокеанское партнерство, интеграция, АТР, Россия, Дальний Восток.

Интеграционные политики, проводимые США и Россией в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), можно охарактеризовать общим термином «поворот к Тихому океану». Началом современного этапа «поворота», стало, с одной стороны, решение США в 2008 г. присоединиться к Транстихоокеанскому партнерству. С другой стороны, в 2007 г. РФ озвучила намерение провести саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) во Владивостоке, в 2009 г. была разработана Стратегия развития Дальнего Востока и Прибайкалья. Обе стороны стремились включиться в интеграционные процессы в АТР. Причем эти намерения были продиктованы не только экономической целесообразностью, но и политическими мотивами. США опасались быть исключенными из процессов азиатско-тихоокеанской интеграции и уступить роль регионального центра Китаю или странам АСЕАН. Вашингтон стремился присоединиться к переговорной многосторонней инициативе, которая позволила бы ему сохранить позицию одного из тихоокеанских лидеров. Эти аспекты американской политики оказались в центре внимания российских исследователей¹.

Несмотря на то, что российским правительством в качестве главных целей интеграции страны в АТР назывались экономические мотивы, как и в случае с США, они имели политическую подоплеку. Москва была обеспокоена угрозой потери своего

* Болдырев Виталий Евгеньевич — к.и.н., младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока РАН (boldyrev89@list.ru). Статья поступила в редакцию 19.08.2016.

¹ Подробнее см.: Арапова Е.Я. Интеграция стран Восточноазиатского саммита и интересы США // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 5. С.65–70; Лексютина Я.В. «Возвращение в Азию» — внешнеполитический курс Б. Обамы: итоги пяти лет реализации // США — Канада: экономика, политика, культура. 2014. № 10. С.17–34; Старкин С.В., Рыжов И.В. Стратегический разворот США в Азии: эволюция подходов // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 10. С. 49–56.

политического влияния в регионе. Основным условием его роста было определено экономическое развитие российского Дальнего Востока².

Проблемы интеграции РФ в АТР, сопряженные с хозяйственным развитием тихоокеанских районов страны и проблемами управления, были исследованы В. Лариным и С. Ивановым³.

Хотя исследования интеграционной политики США и России на Тихом океане в последние годы получили достаточное развитие, к проблемам соотношения двух курсов в регионе ученые обращались эпизодически. В статье В. Супяна, посвященной экономическому взаимодействию РФ и США, перспективы его развития в АТР были представлены в качестве одного из сюжетов⁴. Г. Локшиным в преддверии саммита АТЭС–2012 был поднят вопрос о выборе или создании переговорных инициатив с целью оптимальной интеграции России в АТР⁵. По мнению исследователей, чтобы сохранить политическое влияние в регионе, США и России следовало вступить в одно из региональных интеграционных объединений. Но в целом российские ученые не проводили сравнительных исследований этого аспекта американской и российской политики в АТР. Данная статья призвана раскрыть данный сюжет.

Истоки американской политики в отношении ТТП

С 1990-х гг. США в своих торгово-экономических отношениях со странами АТР отдавали предпочтение двусторонним (или трехсторонним) соглашениям о свободной торговле (ССТ). Первое из них — соглашение НАФТА, заключенное США с Канадой и Мексикой в 1992 г., — стало основой курса широкой либерализации торгово-экономических и финансовых отношений в Америке.

В 2004 г. было заключено соглашение США с Чили. По мнению экспертов, его существенное отличие от других аналогичных документов состоит в том, что одно из его положений позволяет американскому правительству ограничить чилийский экспорт посредством «специальной 301-й статьи»⁶. Этим термином определяется введение протекционистских мер на основе ст. 301 Торгового закона 1974 г. в том случае, если авторские права США нарушаются зарубежным поставщиком.

За рамками ССТ с Австралией, вступившего в силу в 2005 г., остались поставки сахара с «зеленого континента», так как рост импорта в данном случае угрожал сокращению аналогичного производства в США⁷.

После присоединения США к переговорам о ТТП в 2008 г. были подписаны еще три двусторонних ССТ. В соглашении США с Перу от 2009 г. значимое место заняли

² Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. Владивосток: Издательство ДВФУ. 2010. 152 с.

³ *Ларин В.Л.* Векторы желаемого и пределы возможного: некоторые замечания к разработке стратегии России в АТР в начале XXI в. // Тихоокеанская Россия в системе международных отношений и обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: опыты последних лет и грядущие перспективы. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН. 2012. С.13–36; *Ларин В.Л.* Стратегические приоритеты развития Тихоокеанской России // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С.18–27; *Иванов С.А.* Без полномочий ресурсов и целей: роль региональной власти Дальнего Востока в продвижении экономического сотрудничества с Китаем // Россия и АТР. 2016. № 2. С. 27–45.

⁴ *Супян В.Б.* Экономические отношения России и США: торговля и инвестиции в XXI веке // США — Канада: экономика, политика, культура. 2014. № 1. С.3–25.

⁵ *Локшин Г.М.* АТЭС и саммит–2012: горизонты надежд для России // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 1. С.17–34.

⁶ The Trans-Pacific Partnership Negotiations and Issues for Congress. Congressional Research Service Report for Congress. 20.03.2015. / Coordinator Fergusson I.F. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R42694.pdf> (дата обращения: 05.09.2015).

⁷ Ibidem.

статьи, регулирующие трудовые нормы, экологические стандарты, право интеллектуальной собственности в области фармацевтики и пр.⁸

По соглашению с Колумбией, ратифицированному США в 2011 г., были устранены многие таможенные барьеры, относившиеся к двусторонней торговле продовольствием, автомобилями, оборудованием связи, химикатами, лесом, медицинской техникой. США, помимо прочего, добились и отмены технических требований, которые прежде не позволяли использовать американские кабели в колумбийских сетях связи. Одновременно Колумбия взяла на себя обязательства обеспечивать должным образом права рабочих⁹.

Наиболее значимым для США является ССТ с Республикой Корея, вступившее в силу в 2012 г. Представитель США назвал его примером для торговых соглашений с другими странами региона. Основными пунктами этого ССТ стали: устранение торговых барьеров, доступ американских компаний к южнокорейскому государственному заказу, сотрудничество в сфере финансов, установление норм регулирования в сферах конкуренции, рабочего законодательства, экологических стандартов¹⁰.

Тот факт, что США продолжили заключать двусторонние соглашения со странами региона после присоединения к переговорам о ТТП, свидетельствует об их значимости и эффективности. Инструмент ССТ позволяет в каждом отдельном случае установить режим, максимально благоприятный для американской экономики.

США в ТТП: форма и мотивы участия

Вопрос о присоединении Соединенных Штатов к ТТП вошел в повестку внешней политики Вашингтона в последний год президентства Дж. Буша-мл. (2008 г.). По мнению его администрации, дальнейшее развитие торгово-экономических отношений в АТР могло пойти по двум траекториям. В первом случае центр таковых смещался бы в Азию; во втором все тихоокеанские страны могли быть вовлечены в интеграционные процессы¹¹. Таким образом, присоединение США к переговорам о ТТП не только снимало угрозу для Вашингтона быть отстраненным от формирования нового торгово-экономического пространства в АТР, но и позволяло США сформировать конкурентоспособную инициативу в АТР с собственным участием.

Следующий президент США — Б. Обама, вступивший в должность в 2009 г., продолжил линию предшественника. Взгляды новой администрации на архитектуру отношений в АТР были изложены госсекретарем Х. Клинтон в январе 2010 г., после чего курс США в регионе стали называть «разворотом» к Азии. В области торгово-экономических отношений опорными точками политики США провозглашались экономический рост, расширение предпринимательских возможностей, свобода инвестиционного сотрудничества, прозрачность рынков, поддержка многосторонних институтов¹².

⁸ Ibidem.

⁹ United States — Colombia Trade Promotion Agreement. URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/colombia-tpa> (дата обращения: 16.06.2016).

¹⁰ U.S. — Korea Free Trade Agreement. New Opportunities for U.S. Exporters Under the U.S. — Korea Trade Agreement. URL: http://www.ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/korus_fta (дата обращения: 25.05.2012).

¹¹ Fergusson I.F., Vaughn B. The Trans-Pacific Partnership Agreement. Congressional Research Service Report for Congress. June 25, 2010. URL: <http://www.crs.gov> (дата обращения: 17.05.2012).

¹² Remarks on Regional Architecture in Asia: Principles and Priorities. Address by Hillary R. Clinton, Secretary of State. 12.01.2010. URL: <http://www.cfr.org/asia-and-pacific/clintons-remarks-regional-architecture-asia-january-2010/p21218> (дата обращения: 20.05.2012).

В дальнейшем эти взгляды были конкретизированы. По мнению американского правительства, успех глобального лидерства зависит не только от военной мощи, но и экономического развития. Поскольку в азиатских странах на протяжении многих лет экономика связана с внешней политикой, экономическую интеграцию США в АТР следует усилить на основе ССТ, а также наладить партнерство между властью и бизнесом для достижения лучшего результата. Кроме того, американская сторона выступает за принятие государственными предприятиями рыночных правил игры, что в первую очередь предполагает отказ от их преференциальной поддержки государством¹³.

Поначалу администрация Б. Обамы стремилась реализовать обозначенный подход, трансформировав ТТП в комплекс двусторонних отношений по принципу «колеса и спиц» (“hub-and-spokes”). Под давлением инициаторов переговоров (Австралии и Новой Зеландии) США согласились на многосторонний формат, но настояли на том, чтобы противоречия ТТП с существующими ССТ были минимизированы. Поэтому в итоговый документ были включены многие положения ранее заключенных двусторонних соглашений. В то же время США вынуждены были скорректировать свои приоритеты, сместив акцент с торгово-экономических вопросов на разработку и принятие новых общих для всех участников ТТП стандартов в области трудовых отношений, окружающей среды, интеллектуальной собственности и пр.¹⁴

Одной из политических причин присоединения США к ТТП стало стремление Вашингтона создать в АТР конкурентоспособное интеграционное объединение в качестве противовеса восточноазиатским инициативам, в которых значимую роль играли Китай и АСЕАН. Участие в переговорах о заключении ТТП, в которых поначалу отсутствовали ведущие американские торговые партнеры в АТР, превращало США в привлекательный полюс для других стран региона, готовых в той или иной мере принять американские правила. Тем самым ТТП превращалось в своеобразный балансир экономической и интеграционной политики стран Восточной Азии.

Экономическая составляющая курса США в отношении ТТП

Несмотря на значимость политических мотивов, было бы неверным абсолютизировать их значение, игнорируя экономический фактор. Обратимся к основным экономическим положениям Транстихоокеанского соглашения¹⁵. Тридцать его глав делятся на пять групп:

1. Торговля, инвестиции и пошлины;
2. Финансы;
3. Нетарифные ограничения, стандарты и нормы;
4. Положения о протекционистской политике;
5. Участие предприятий в соответствии с размером и формой собственности.

ТТП устраняет большинство барьеров в сферах торговли товарами и услугами, взаимодействия банков и иных финансовых организаций, инвестирования и пр. Соглашение открывает доступ к государственному заказу для иностранных предприятий. ТТП призвано включить в интеграционные и кооперационные связи предприятия разных размеров и форм собственности. Для этого предлагается

¹³ State Capitalism and Competitive Neutrality. Remarks by Deborah A. McCarthy, Principal Deputy Assistant Secretary, Bureau of Economic and Business Affairs. 02.03.2012.

URL: <https://2009-2017.state.gov/e/eb/rls/rm/2012/181520.htm> (дата обращения: 20.05.2012).

¹⁴ Подробнее: Сидоров А.А. США и Транстихоокеанское партнерство: проблемы и перспективы // США — Канада: экономика, политика, культура. 2012. № 11. С.14–32.

¹⁵ Trans-Pacific Partnership Full Text. URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/TPP-Full-Text> (дата обращения: 16.06.2016).

допустить к участию в государственном заказе любой страны любое по своим размерам и форме предприятие независимо от места его регистрации и размещения производственных мощностей¹⁶.

Кроме того, предусматриваются параметры регулирования, которые должны создать максимально возможные равные условия для предприятий разных размеров. В соглашение включены две отдельные главы, посвященные малому и среднему бизнесу, а также государственным предприятиям. Для первого декларируется необходимость обеспечения информационной поддержки в секторах экономики, производящих новые технологии и обладающих максимальной творческой функцией¹⁷. Во втором случае, когда речь идет о крупных предприятиях, соглашение фактически ставит знак тождества между государственными корпорациями и частными монополиями. Участникам ТТП предписывается воздержаться от нерыночных методов регулирования, таких как преференциальное финансирование и регулирование, предоставление кредитных гарантий, экспортное субсидирование, ограничение импорта и пр. Кроме того, госпредприятиям предписывается придерживаться рыночных правил, чтобы их действия не были восприняты как дискриминация других компаний¹⁸.

Данное положение затрагивает прежде всего те страны-участницы ТТП, в которых государство играет большую роль как в области финансирования предприятий, так и управления ими. Например, во время переговоров животноводы и производители молочных продуктов из США обращали внимание на государственное финансирование молочной отрасли в Новой Зеландии, которое делало новозеландские продукты более конкурентоспособными, чем американские, на их внутреннем рынке¹⁹. После подписания соглашения правительства этих стран будут вынуждены отказаться от всех субсидий, кроме заранее оговоренных. Так, в случае Новой Зеландии, правительству разрешается предоставлять предприятиям экспортные транспортные субсидии, поскольку участники ТТП признали страну удаленной от зарубежных рынков сбыта²⁰.

В целом, позицию американского правительства в данном вопросе определяло растущее беспокойство относительно роста роли государственных предприятий в мировой экономике. Если в 2005 г. из 500 крупнейших предприятий мира 67 были государственными, то в 2011 г. уже 106 госпредприятий входили в это число, в т. ч. 19 из 100 крупнейших транснациональных корпораций находились в государственной собственности. Администрация Б. Обамы указывала, что причиной данной тенденции стало наличие финансовой поддержки из государственных бюджетов, налоговых преференций, привилегий и иммунитета для этих предприятий в области регулирования. Это в свою очередь открывало им доступ к обширной части национальных и международных рынков²¹.

Ряд глав соглашения о ТТП посвящен стандартам и иным техническим барьерам. Участники ТТП должны придерживаться строгих норм в сфере трудового законодательства: устанавливается нормированный рабочий день в соответствии с общемировой практикой, запрещается детский и подневольный труд. Кроме того,

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Trans-Pacific Partnership. State-owned Enterprises and Designated Monopolies. URL: http://tpp.mfat.govt.nz/assets/docs/TPP_factsheet_SOEs.pdf (дата обращения: 24.10.2015).

¹⁹ Цит. по: *Fergusson I.F., Vaughn B.* Op. cit.

²⁰ Ibidem.

²¹ State Capitalism and Competitive Neutrality. Remarks by Deborah A. McCarthy, Principal Deputy Assistant Secretary, Bureau of Economic and Business Affairs. 02.03.2012.

URL: <https://2009-2017.state.gov/e/eb/rls/rm/2012/181520.htm> (дата обращения: 20.05.2012).

национальные трудовые стандарты не будут применяться в качестве протекционистских мер²². Для достижения этой цели соглашение предусматривает унификацию рабочего законодательства стран-участниц, разработку и внедрение общих параметров условий труда, создание независимых профсоюзов, осуществление трудовых проверок сторонами соглашения в случае необходимости²³.

Крупный раздел связан с вопросами интеллектуальной собственности, которая в соглашении понимается в рамках авторского и патентного права. Основная задача здесь состоит в унификации соответствующего национального законодательства и предотвращении нелегального использования разработок.

Одна из глав посвящена экологическому законодательству, которое должно пресекать браконьерство и нелегальный оборот биоресурсов, препятствовать нарушению экосистем, предотвращать нелегальный вылов рыбы, запрещать способы ее добычи, наиболее вредные для экосистем. Кроме того, предусматривается механизм снижения вредных выбросов в атмосферу и либерализация торговли «зелеными товарами»²⁴. Также предполагается унификация санитарных и фитосанитарных стандартов.

Несмотря на то, что в Соглашении о ТТП во главу угла поставлена либерализация торгово-экономических отношений, некоторые его положения предусматривают или подразумевают использование ограничительных мер. В частности, они характерны для раздела, регулирующего область интеллектуальной собственности. С одной стороны, нарушение таковой подразумевает введение мер, аналогичных «специальной 301-й статье». С другой стороны, сам текст требует от разработчика продукции при выходе на рынок иной страны доказать, что она является оригинальной, а не копией продукта, уже выпускаемого на данном рынке²⁵. Это дает участникам последнего временные преимущества, чтобы улучшить параметры своего продукта.

Кроме того, предусмотрено введение протекционистских мер в отношении предприятий легкой, текстильной и кожевенно-обувной промышленности. Данные положения затрагивают, главным образом, экономику Вьетнама, в экспорте которого доминируют перечисленные товары. Например, только в американском импорте из этой страны доля указанной группы товаров составляет более 44%²⁶. Таким образом, ряд положений соглашения защищает национальных производителей от зарубежных конкурентов, опирающихся на дешевую рабочую силу и экстенсивный труд.

В целом, по сугубо формальным характеристикам соглашение о ТТП соответствует экономическим интересам США. В случае ратификации ТТП станет ключевым реально функционирующим институтом для реализации американских торгово-экономических интересов в регионе, в то время как двусторонние ССТ станут

²² Trans-Pacific Partnership. Labour and Environment.

URL: https://www.tpp.mfat.govt.nz/assets/docs/TPP_factsheet_Labour-and-Environment.pdf (дата обращения: 24.10.2015).

²³ Trans-Pacific Partnership Full Text.

URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/TPP-Full-Text> (дата обращения: 16.06.2016).

²⁴ Trans-Pacific Partnership. Labour and Environment.

URL: https://www.tpp.mfat.govt.nz/assets/docs/TPP_factsheet_Labour-and-Environment.pdf (дата обращения: 24.10.2015).

²⁵ Trans-Pacific Partnership. Intellectual property.

URL: http://tpp.mfat.govt.nz/assets/docs/TPP_factsheet_Intellectual-Property.PDF (дата обращения: 24.10.2015).

²⁶ Рассчитано по: U.S. Imports from Vietnam by 5-digit End-Use Code. 2005 — 2014.

URL: <https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c5520.html> (дата обращения: 27.10.2015).

вспомогательным инструментом. Можно предположить, что их роль будет снижаться в перспективе, так как интерес к транстихоокеанской инициативе проявляет как Южная Корея, заключившая отдельное торговое соглашение с США, так и страны, которые таковых не имеют.

Текущий уровень развития торгово-экономических отношений стран-участниц ТТП будет оказывать определяющее влияние на их развитие в случае ратификации соглашения. Данные, приведенные в табл. 1, свидетельствуют, что основной поток экспортных и импортных операций будет протекать между США и Канадой, Мексикой, Японией. Именно эти страны в настоящее время занимают первые три места в американской торговле. На них приходится 86,5% американского оборота со странами ТТП, на остальных восьмерых партнеров США по объединению приходится лишь 13,5% торгового оборота. Необходимо учитывать тот факт, что эти три страны присоединились к переговорам уже после США, а это значит, что стремление улучшить условия доступа к американскому рынку определило канадскую, мексиканскую и японскую позиции.

Таблица 1.
Торговля США со странами ТТП в 2014 г. (млрд долл.)

Страна	Экспорт из США			Импорт в США			Оборот		
	Объем	Доля (%) [*]	Место	Объем	Доля (%) [*]	Место	Объем [*]	Доля (%) [*]	Место
Австралия	26,6	3,6	5	10,7	1,2	7	37,3	2,3	6
Бруней	0,5	(-)	11	0,1	(-)	11	0,6	(-)	11
Вьетнам	5,7	(-)	9	30,6	3,4	4	36,3	2,2	7
Канада	312,4	43	1	347,8	39,4	1	660,3	41	1
Малайзия	13,1	1,8	7	30,4	3,4	5	43,5	2,7	5
Мексика	240,2	33	2	294,1	33,2	2	534,3	33,2	2
Новая Зеландия	4,3	(-)	10	4,0	(-)	10	8,2	(-)	10
Перу	10,1	1,4	8	6,1	(-)	9	16,1	1	9
Сингапур	30,2	4,1	4	16,4	1,8	6	46,7	2,9	4
Чили	16,5	2,2	6	9,5	1	8	16,0	1,6	8
Япония	66,7	9,1	3	134,0	15,2	3	200,7	12,5	3
ИТОГО [*]	726,5	100	-	883,5	100	-	1 610,0	100	-

Примечания к таблице: 1. Исходные данные округлены до 0,1 млрд долл. США; 2. В строках и столбцах, отмеченных знаком * расчетные данные приведены в соответствии с первоисточником в тыс долл. США; 3. В ячейках со знаком (-) доля имеет значение менее 1%.
Источник: U.S. Census Bureau Data.

Рассмотрим статистику торговли США с остальными членами ТТП, которые, за исключением Малайзии, вступили в объединение раньше или одновременно с Соединенными Штатами (см. табл. 2). Основной акцент в торговле смещен в область машиностроения и электроники, что в случае ратификации соглашения о ТТП позволит США наладить соответствующие транснациональные кооперационные цепочки. Их ядро составят отношения США с Сингапуром и Малайзией: ведущие статьи американского импорта из этих стран аналогичны номенклатуре экспорта США. Некоторые из партнеров Вашингтона (Австралия, Вьетнам, Новая Зеландия) занимают промежуточное положение. Будучи потенциальными участниками будущих производственных связей, они также выступают поставщиками сырья, продуктов и товаров с низкой добавленной стоимостью. Наконец, выделяется сырьевая (Перу и

Чили) и полусырьевая (Бруней) периферия американских экономических отношений с этой группой стран.

Таблица 2.
Ведущие статьи экспорта и импорта США в страны ТТП за 2014 г.
(за исключением Канады, Мексики и Японии)

Страна	Экспорт	Импорт
Австралия	1. Транспорт; 2. Электроника; 3. Оборудование.	1. Пищевая и сельскохозяйственная продукция; 2. Металлы и прокат; 3. Оборудование (в т.ч. узлы машин);
Бруней	1. Буровые установки; 2. Химическая продукция; 3. Металлы и прокат.	1. Химическая (в т.ч. нефтехимическая) продукция; 2. Текстиль и продукция легкой промышленности; 3. Морепродукты
Вьетнам	1. Транспорт; 2. Оборудование; 3. Электроника.	1. Текстиль, продукция легкой промышленности; 2. Электроника; 3. Оборудование (в т.ч. узлы машин).
Малайзия	1. Транспорт; 2. Оборудование; 3. Электроника.	1. Электроника; 2. Оборудование; 3. Пищевая и сельскохозяйственная продукция
Новая Зеландия	1. Транспорт; 2. Оборудование; 3. Электроника.	1. Пищевая и сельскохозяйственная продукция; 2. Оборудование; 3. Пиломатериалы и дерево.
Перу	1. Транспорт; 2. Оборудование; 3. Электроника.	1. Топливо и нефтепродукты; 2. Пищевая и сельскохозяйственная продукция; 3. Металлы и прокат.
Сингапур	1. Нефть и топливо; 2. Оборудование; 3. Электроника	1. Оборудование; 2. Электроника; 3. Фармацевтическая продукция.
Чили	1. Нефть и нефтепродукты; 2. Оборудование; 3. Транспорт.	1. Металлы и прокат; 2. Пищевая и сельскохозяйственная продукция; 3. Морепродукты.

Источник: U.S. Census Bureau Data.

Тот факт, что заключенное соглашение будет способствовать укреплению кооперации в электронной и машиностроительной отраслях, подтверждает и анализ торговли штатов, для которых АТР является ведущим экспортным направлением (см. табл. 3).

В торгово-экономических отношениях США со странами, вошедшими в ТТП, присутствуют три категории взаимодействия: 1) широкомасштабное многоотраслевое сотрудничество; 2) развитие производственной кооперации в технологичных сферах индустрии; 3) взаимодействие с сырьевой и полусырьевой периферией. Представляется также, что ТТП будет способствовать не только развитию отдельных отраслей, но и росту экономики отдельных штатов, расположенных в разных регионах страны.

Таблица 3.
Ведущие штаты-экспортеры в АТР

Штат	Доля стран АТР в экспорте штата	Основные статьи
Вермонт	88%	1. Электроника; 2. Нерудные полуфабрикаты
Мичиган	78%	1. Транспорт; 2. Машины и оборудование
Вашингтон	64%	1. Транспорт; 2. Электроника; 3. Топливо и нефтепродукты
Массачусетс	44%	1. Электроника; 2. Машины и оборудование.
Южная Каролина	41%	1. Транспорт; 2. Химическая продукция

Источник: Данные Торгового представителя США.

ТТП, Конгресс, группы интересов

Если исполнительная власть США в период администрации Б. Обамы (2009–2017 гг.) была заинтересована в присоединении страны к ТТП, то позиция законодательной власти и отдельных групп общества к выборам 2016 г. оказалась не столь однозначна. Несмотря на то, что некоторым отраслям производства удалось пролоббировать свои интересы и включить их в текст соглашения, некоторые другие группы интересов в США остались недовольны итоговым документом. Среди них – американские профсоюзы, выражающие сомнение в перспективах совершенствования трудового законодательства ряда стран-участниц ТТП, таких как Вьетнам или Мексика, где ведущую роль играют профсоюзы, образованные сверху, а не созданные трудовыми коллективами. Это, по их мнению, создает риск, что работодатели продолжат экономить средства, не обеспечивая должных условий труда и незначительно повышая зарплату. Так что, несмотря на соответствующие пункты соглашения, экстенсивный труд по-прежнему будет играть значительную роль на вьетнамских и мексиканских предприятиях. Особую обеспокоенность в США вызывает экспорт из Вьетнама, чью основу составляют текстильные, швейные и обувные изделия, производимые с использованием дешевого труда. При невыполнении стандартов соглашения о ТТП это будет их конкурентным преимуществом, способным сделать аналогичные американские производства невыгодными, а это может привести к массовым увольнениям в отраслях легкой промышленности США²⁷. Еще одной причиной недовольства американских профсоюзов стали случившиеся не так давно сокращения и перевод ряда трудовых мест в другие страны вследствие ратификации соглашений о Североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА) и Центральноамериканской зоне свободной торговли (ЦАФТА).

Кроме того, не полностью удовлетворены положениями соглашения американские сельскохозяйственные производители. Постатейная отмена тарифов на торговлю продуктами питания и сырьем для их производства (она распространяется на 600 наименований товаров) устраивает далеко не всех

²⁷ Report. Bipartisan Congressional Trade Priorities and Accountability Act of 2015. Submitted by Mr. Ryan of Wisconsin From Committee of Ways and Means together with Dissenting Views. 01.05.2015. Washington: Government Printing Office, 2015. 160 p.

представителей отрасли, которые выступают за разовую взаимную всеобъемлющую либерализацию рынков всех участников ТТП²⁸.

Присутствие многочисленных групп влияния, недовольных соглашением о ТТП, определило в целом негативное отношение к нему Конгресса США. Со своими сторонниками на Капитолийском холме взаимодействуют группы интересов, которые не пролоббировали выгодные для себя параметры соглашения. Кроме того, в Конгрессе считают, что в последние годы многие торговые соглашения проводятся через ускоренные процедуры ратификации²⁹, что ослабляет позиции законодательной власти во внешней политике. Таким образом, фактор борьбы президента и Конгресса на внешнеполитическом поле играет заметную роль. Конгресс стремится восстановить и укрепить свои позиции в этой сфере, ограничив использование некоторых инструментов президента, используемых при ратификации международных соглашений.

В то же время в пользу соглашения высказываются сенаторы, на которых ориентируется бизнес, экспортирующий продукцию с высокой добавленной стоимостью и нанимающий высококвалифицированных сотрудников³⁰. Его представители, как следует из материалов торгового представителя США, активно влияли на ход переговоров, участвовали в сопровождавших их мероприятиях и взаимодействовали с исполнительной властью. В целом, законодательная власть США заинтересована не в блокировании соглашения о ТТП, а во внесении в его текст поправок, которые отвечают интересам ориентирующихся на нее групп, и в такой процедуре ратификации, какая предусмотрена Конституцией США.

ТТП: перспективы участия России

Россия пока не является членом соглашения о ТТП. Но стоит ли ей стремиться к этому? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к некоторым проблемам современного экономического присутствия РФ в АТР.

С момента начала освоения тихоокеанского региона РФ он являлся удаленной окраиной страны. Растянность коммуникаций и опора на местные ресурсы сдерживали его развитие. Масштабные меры, предпринятые в годы советской власти, не способствовали прорывной модернизации и росту эффективности производства в регионе. Дальний Восток по уровню развития промышленности уступал центральным районам страны³¹.

Проблему модернизации производства во всесоюзном масштабе исследовал Ю. Бокарев, выделивший ряд ключевых тенденций и характеристик советской экономики 1960-х — 1980-х гг. Ю. Бокарев зафиксировал отставание Советского Союза от развитых стран (особенно от США и Японии) в области информатизации и развития новейших отраслей индустрии: внедрение электронной вычислительной техники шло медленно, инвестиции в хозяйство не были эффективными. Кроме того, реформы, проводившиеся в течение нескольких послевоенных десятилетий, затормозили темпы производственного роста³².

²⁸ Ibidem.

²⁹ Congressional Record. 14.05.2015. 114th Congress, 1st Session. Issue: Vol. 161, No. 74.

³⁰ Report. Bipartisan Congressional Trade Priorities and Accountability Act of 2015. Submitted by Mr. Hatch from Committee of finance. 12.05.2015. Washington: Government Printing Office, 2015. 57 p.

³¹ Коваленко С.Г. 20 лет советских реформ: Была ли модернизация на Дальнем Востоке? Владивосток: Дальнаука, 2010. 228 с.

³² Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970 — 1980-е гг. М.: Наука, 2007. 381 с.

Иными словами, еще в советское время наметилось двойное отставание экономики тихоокеанских районов страны: от центральной ее части и от экономических лидеров АТР.

С этим результатом дальневосточные регионы России вступили в XXI в. Стремясь ускорить их развитие, правительство РФ выпустило «Стратегию развития Дальнего Востока и Прибайкалья до 2025 г.»³³. В этом документе интеграция российского Дальнего Востока в экономику АТР рассматривается и как ресурс развития производства за счет участия предприятий в транснациональных кооперационных цепочках и как ресурс модернизации хозяйства региона. Однако, если учитывать, что Дальний Восток отстает по своему развитию от центральных районов России, а те, в свою очередь, — от ведущих членов ТТП, фактически в стратегии идет речь об удвоенной, скачкообразной модернизации региона, в результате чего перед регионом ставится задача не просто достичь уровня европейской части страны, но и занять в АТР конкурентоспособную нишу наравне с развитыми странами.

Исторический опыт развития и современное состояние хозяйства Тихоокеанской России свидетельствуют, что она не готова принять условия ТТП. Отставание от экономических лидеров соглашения не позволит ей полноценно вписаться в создаваемое объединение. Кроме того, степень развития торговых отношений тихоокеанских регионов РФ со странами, которые вошли в ТТП, не благоприятствует интеграции.

Во-первых, из их числа основными контрагентами являются всего три страны: США, Япония и Канада (см. табл. 4). Во-вторых, объем торговли России с этими странами многократно уступает американским показателям в торговле с Японией и Канадой. В-третьих, основной статьей российского экспорта является сырье. При соотнесении этих данных со структурой американских торгово-экономических отношений с членами объединения видно, что Россия в нем способна занять в лучшем случае нишу полусырьевой периферии.

*Таблица 4.
Торговля Дальнего Востока России со странами членами ТТП в 2014 г.
(млрд долл.)*

Страна	Экспорт	Примечание	Оборот	Примечание	Ведущая статья экспорта
Япония	8,47	А	10,24	А	Топливо, нефтепродукты
США	0,18	Б, В	0,86	А	Топливо, нефтепродукты
Канада	0,04	Б	н.д.	А	Топливо, нефтепродукты

Примечания: А — данные по Дальнему Востоку, Б — данные по Приморскому краю, В — данные по Чукотскому автономному округу.

Источник: Данные Дальневосточного таможенного управления.

Присоединение России к партнерству противоречит ключевому параметру ее дальневосточной политики, а именно ускоренному социально-экономическому развитию региона с опорой на систему специальных государственных преференций и стимулов³⁴. Но соглашение о ТТП требует поставить всех участников рынка в равные конкурентные условия, отказаться от какой-либо формы поддержки со стороны правительства. Это может пагубно сказаться на задачах модернизации региона, так

³³ Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона...

³⁴ Там же.

как в условиях примата рынка в отношениях между членами объединения за восточными районами России закрепится их сырьевая специализация.

Таким образом, степень развития экономики и торговых отношений Дальнего Востока свидетельствует, что он по крайней мере сегодня не сможет полноценно вписаться в систему ТТП.

В то же время, присутствие России в регионе не ограничивается ее тихоокеанской частью. РФ является участником интеграционного проекта Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Первой страной, которая проявила интерес к созданию зоны свободной торговли по схеме «ЕАЭС + государство-партнер», стала Новая Зеландия. Проект соглашения с ней предусматривает следующие параметры: торговля товарами и услугами, инвестиции, права интеллектуальной собственности, государственный заказ, экологические стандарты, а также иные вопросы, которые стороны сочтут необходимыми³⁵. Формально этот перечень меньше того числа сфер, которое регулирует Соглашение о ТТП, и свидетельствует о том, что российский подход к установлению отношений на основе свободной торговли уже, чем американский³⁶.

К 2017 г. интересы двух проектов пересекались во Вьетнаме, который подписал соглашения как с ЕАЭС, так и с ТТП. Отметим их принципиальные отличия. В соглашении Вьетнама с ЕАЭС кроме текстильной и легкой промышленности, где преобладает экстенсивный труд, ограничения распространились и на отдельные отрасли, основанные на интенсивном труде, установлен переходный период в десять лет, а ряд технических вопросов остался за рамками документа³⁷. В ТТП протекционистские меры коснулись только экстенсивных производств, некоторые разделы соглашения посвящены стандартам и иным нетарифным ограничениям.

При сравнении проекта соглашений ЕАЭС с Новой Зеландией и Вьетнамом и соглашения о ТТП проявляются следующие черты российского подхода. С одной стороны, он более гибок, чем ТТП, и позволяет включать в соглашения дополнительные параметры, что придает им сравнительную привлекательность. С другой стороны, российские проекты, несмотря на свою гибкость, охватывают более узкую сферу торгово-экономических отношений, нежели соглашение о ТТП. В то же время наличие соглашения ЕАЭС о свободной торговле со странами, вовлеченными в ТТП, позволит России опосредованно в нем участвовать.

Стремление создать конкурентоспособное объединение в АТР в противовес влиянию КНР и АСЕАН побудило США вступить в переговоры о ТТП. Подход правительства США опирался на опыт заключения двусторонних ССТ, ряд положений которых вошли в текст соглашения о ТТП. Кроме того, Вашингтон сделал акцент на принятие общих правил, норм и стандартов ведения бизнеса и межгосударственных торгово-экономических отношений. В результате был сформирован универсальный перечень стандартов, соблюдение которого стало обязательным для членов ТТП и

³⁵ Joint Report to the Ministers by the Expert Teams of Russia (MED) and New Zealand (MFAT). 05.10.2010. URL: https://www.mfat.govt.nz/assets/_securedfiles/FTAs-in-negotiations/RBK/NZ-RBK-FTA_Roadmap_document.pdf (дата обращения: 28.02.2015).

³⁶ Из-за введенных в 2014 г. санкций проект не был реализован, поэтому невозможно провести полноценное сравнительное исследование.

³⁷ Цит. по: *Цветов А.* Шесть вопросов о ЗСТ ЕАЭС — Вьетнам. 29 июня 2015 г. // Российский совет по международным делам.

URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6226#top-content (дата обращения: 01.11.2015).

стран, стремящихся подключиться к объединению. Тем самым США закрепили выгодную для себя конфигурацию торгово-экономических отношений.

Россия также проявила интерес к интеграции в АТР. Однако из-за слабости экономического и торгового присутствия в регионе РФ не подключилась к новым региональным интеграционным инициативам. Поэтому российское правительство предпочло формат «ЕАЭС + государство-партнер», который позволяет России опосредованно подключиться к ТТП.

Таким образом, если для США ТТП представляется фактором строительства новой архитектуры в АТР, то для России — дополнительным интеграционным форматом, в котором возможно лишь косвенное ее участие.

Малайзия на пути к экономике знаний: планы, достижения, проблемы

В статье проанализированы роль и место стратегии «Видение 2020» в социально-экономической модернизации Малайзии. Особое внимание уделено отрасли информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) как системообразующей для инновационного развития страны. Автор подробно рассматривает такие инструменты модернизации экономики Малайзии как «кибергорода» и экономическим коридоры. В статье представлены основные барьеры и факторы риска для развития экономики знаний в Малайзии. Автор показывает, что, несмотря на впечатляющие успехи, страна не готова совершить решительный скачок в развитии и получить статус развитой страны к 2020 г.

Ключевые слова: Малайзия, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), «Видение 2020», Мультимедийный супер-коридор, социально-экономическая трансформация.

К началу 1990-х гг. Малайзия сумела совершить рывок в социально-экономическом развитии, закрепив за собой статус новой индустриальной страны второй волны, обладающей значительным ресурсным, промышленным и интеллектуальным потенциалом¹. Однако в силу как внешних, так и внутренних факторов (нестабильности мировой финансовой и экономической конъюнктуры, чрезмерной зависимости от спроса на экспортную продукцию, прежде всего, минеральное сырье) политическое руководство Малайзии осознало необходимость комплексной перестройки экономической модели. Построение инновационной экономики предполагало создание наукоемких производств и развитие человеческого капитала. Такая трансформация требовала активного участия государства в качестве гаранта соблюдения нормативно-правовой базы в ходе «инновационного строительства», а также посредника между коренным населением и представителями крупного бизнеса².

Попытки малайзийского государства направить ход инновационного развития страны стали предметом пристального внимания экспертов. Наибольший интерес представляют работы Р. Тэйлора, Т. Баннела, Д. Лепавски, Т. Хаффа, М. Аввари, О. Ализы, А. Камарулзамана, М. Саримина и Д. Хассана. Авторы анализируют основные преграды, стоящие на пути реализации национальной стратегии развития «Видение 2020», а также перспективы ее дальнейшей реализации. Большое внимание уделено созданию и последующей эволюции Мультимедийного супер-коридора, который, по мнению авторов, является важнейшей составляющей политики Малайзии, направленной на построение информационного общества и «экономики знаний»³.

* *Королев Александр Сергеевич* — младший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ (askorolev@hse.ru). Статья поступила в редакцию 30.08.2016.

¹ *Пахомова Л. Ф.* Модели процветания: Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия. М.: Изд-во Институт Востоковедения РАН, 2007.

² *Либман А.М., Хейфец Б.А.* Модели региональной интеграции. М: Экономика, 2011.

³ *Taylor R. D.* The Malaysia Experience: The Multimedia Super Corridor // Information Technology Parks of The Asia Pacific: Lessons for the Regional Digital Divide, ME Sharpe, Armonk, New York, 2003; *Bunnell T.* Malaysia, Modernity and the Multimedia Super Corridor: a Critical Geography of Intelligent Landscapes.

Проблема социально-экономического развития Малайзии в исторической ретроспективе, а также регуливающей роли государства в процессах трансформации страны получила отражение в работах Л. Пахомовой, Э. Исламова, А. Лагунова, К. Джона⁴.

Реализация стратегии «Видение 2020»

В 1991 г. четвертый премьер-министр Малайзии М. Мохамад⁵ принял план социально-экономического и инновационного развития, который получил название «Видение 2020». Именно он стал краеугольным камнем современной экономической политики Малайзии, целью которой является достижение статуса развитого государства к 2020 г. По структуре документ можно разделить на два ключевых блока: социально-культурный и экономический. Первый блок отражает стремление руководства Малайзии двигаться в сторону формирования единой нации, свободного и нравственного общества.

Второй логический блок предусматривает создание конкурентоспособной экономики посредством развития высокотехнологичных отраслей и увеличения доли экспортной продукции с высокой добавленной стоимостью. Реализация указанных направлений, согласно плану, обеспечит ежегодный прирост ВВП в среднем на 7%. Важное место в национальной стратегии развития уделено созданию прогрессивного общества, что предполагает повышение качества предоставляемого образования, поощрение малого и среднего бизнеса, увеличение частных и прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в различные научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР).

Поворотным пунктом перехода от ресурсной экономики к «экономике знаний», основанной на развитии информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), стало создание в 1996 г. в рамках второго Генерального плана индустриального развития (1995–2005 гг.) Мультимедийного суперкоридора⁶. Целью этого проекта стало привлечение ведущих мировых ИТ-компаний для ускорения инновационного развития Малайзии. Сразу после инициирования проекта правительству Малайзии удалось обратить на себя внимание иностранных инвесторов, что позволило реализовать проекты «городов будущего»: Киберджаи (научно-исследовательского технопарка, «Кремниевой долины» Малайзии) и Путраджаи — новой административной столицы страны. Азиатский финансовый кризис 1997 г. негативно повлиял на темпы роста

Routledge, 2004; *Lepawsky J.* Clustering As Anti-Politics Machine? Situating the Politics of Regional Economic Development and Malaysia's Multimedia Super Corridor // *Regional Studies*. 2009. Т. 43. No. 3. P. 463–478; *Huff T.* Malaysia's Multimedia Super Corridor and Its First Crisis of Confidence // *Asian Journal of Social Science*. 2002. Т. 30. No. 2. P. 248–270; *Avvari V. M., Aliza A. O., Kamarulzaman A. A.* ICT Clusters as a Way to Materialize a National System of Innovation: Malaysia's Multimedia Super Corridor Flagships // *EJISDC: The Electronic Journal on Information Systems in Developing Countries*. 2004. No. 16. P. 5; *Sarimin M.* Multimedia Super Corridor, Malaysia // *VINE*. 2015. Т. 45. No. 1. P. 126–147; *Hassan D.* Understanding Reasons for Modest Success of Multimedia Super Corridor of Malaysia // *Journal of Asian Development Studies*. 2012. Т. 1. No. 3. P. 14–24.

⁴ *Пахомова Л. Ф.* Модели процветания: Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия. М.: Изд-во Институт Востоковедения РАН. 2007; *Пахомова Л.М.* Индустриально-информационное развитие Малайзии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2009. № 13; *Исламов Э.Г.* Стратегия развития внешней торговли Малайзии. Автореф. дисс. ... канд. эк. наук. М., 2010; *Лагунов А.С.* Стратегия экономического развития Малайзии. Автореф. дисс. ... канд. эк. наук. М., 2011.

⁵ См. Official site of Wawasan 2020 Program. URL: <http://www.wawasan2020.com/vision/p22.html> (дата обращения: 19.08.2016).

⁶ *Исламов Э.Г.* Указ. соч.

инновационного потенциала кибергородов, вынудив малайзийское правительство выкупить контрольный пакет акций девелоперов Киберджаи и Путраджаи⁷.

Преодолев кризис, правительство вновь направило усилия на повышение инвестиционной привлекательности страны. В период с 1996 по 2003 гг. статус киберцентров был присвоен 4 штатам: Перак, Паханг, Джохор и Негри Сембилан. Было создано более 22 тыс. рабочих мест и привлечено в общей сложности 6 млрд ринггитов (около 1,5 млрд долл.).

Пожалуй, главным достижением в рамках первой фазы инновационного развития стало налаживание долгосрочных деловых контактов с ведущими транснациональными корпорациями. Во многом этому способствовала гибкая государственная политика по налоговому стимулированию иностранных компаний. В частности, освобождение ИТ-компаний от уплаты налогов в течение пяти лет в рамках реализации второго Генерального плана, облегчение визового режима, беспшлинный ввоз компьютерного оборудования внесли огромный вклад в развитие ИТ-индустрии и ряда смежных отраслей: фотоники, нанотехнологий и биоинженерии, положив начало полноценному повороту страны в сторону «экономики знаний»⁸. Таким образом, итоги реализации второго Генерального плана индустриального развития (1995–2005 гг.) можно назвать успешными.

В 2006 г. началась реализация третьего Генерального плана индустриального развития (2006–2020 гг.), нацеленного, главным образом, на повышение конкурентоспособности национальных компаний и увеличение объема экспорта высокотехнологичной продукции⁹. Данный план предполагает увеличение доли сектора ИКТ в валовом национальном доходе (ВНД) страны с нынешних 12,4% (см. табл. 1) до 17% (10 млрд долл.) к 2020 г. за счет частного инвестирования¹⁰.

*Таблица 1.
Совокупная доля ИКТ в экономике Малайзии (%), 2010–2014 гг.*

Год	2010	2011	2012	2013	2014
Индустрия ИКТ	12,9	11,9	11,7	12,0	12,4
Электронная коммерция	3,6	4,0	4,2	4,4	4,6
Вклад ИКТ в развитие экономики страны	16,5	15,9	15,9	16,4	17,0

Источник: Department of Statistics Malaysia.

Как и в случае с предыдущим планом, во многом достижению целевых показателей помешали внешние факторы, а именно мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. Примечательно мощное деструктивное воздействие кризиса на развитие Киберджаи. В результате социально-экономических потрясений более 15 тыс. малайзийцев, занятых в производстве промышленной и бытовой электроники

⁷ *Bunnell T.* Malaysia, Modernity and the Multimedia Super Corridor: A Critical Geography of Intelligent Landscapes. London and New York: Routledge Curzon, 2004.

⁸ Малайзия. Об опыте Малайзии по привлечению прямых иностранных инвестиций // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: http://www.ved.gov.ru/expert_my (дата обращения: 25.08.2016).

⁹ Third Industrial Master Plan (IMP3) // Ministry of International Trade and Industry. URL: <http://www.miti.gov.my/index.php/pages/view/1690> (дата обращения: 22.08.2016).

¹⁰ *Yeong E.* Digital Economy to Contribute 17% to GDP by 2020 // The Sun Daily. 28.07.2014. URL: <http://www.thesundaily.my/news/1125757> (дата обращения: 22.08.2016).

в национальной «Кремниевой долине», были отстранены от занимаемых должностей¹¹.

Однако и на этот раз Малайзии удалось преодолеть последствия кризиса и достичь существенного прогресса. Важным достижением стал дальнейший рост партнерских связей с зарубежными ТНК, благодаря которым на территории Малайзии были открыты исследовательские центры и представительства таких корпораций, как Fujitsu, IBM, Nokia, Microsoft, BMW, Dell, Ericsson. Благодаря эффективной деятельности малайзийских компаний было налажено производство более чем 100 видов продукции с высокой добавленной стоимостью, активно экспортируемой в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

В рамках реализации третьего Генерального плана в ряде штатов Малайзии были запущены 4 флагманские программы, ставшие «скелетом» дальнейшего развития индустрии ИКТ в стране¹². Речь идет о:

1. создании «электронного правительства» — внедрении интерактивного и мультимедийного оборудования во всех правительственных структурах с целью повысить эффективность и прозрачность работы госаппарата и оказания им услуг населению;

2. введении многоцелевой электронной карты — замене существующих документов (паспорт, водительские права, страховой полис) на единую универсальную карту, с помощью которой жители кибергородов могут осуществлять частные финансовые, а также государственные транзакции;

3. формировании «умной школы» — повышении уровня грамотности населения, развитии профессиональных навыков с помощью мастер-классов с применением современных систем телекоммуникаций;

4. запуске телемедицины — развитии системы медицинского обслуживания путем проведения виртуальных консультаций для пациентов, а также обмена опытом среди врачей по всей территории страны в режиме реального времени.

Наконец, крупным достижением третьего Генерального плана индустриального развития стало создание в 2006–2008 гг. пяти экономических коридоров: Коридора «Искандар Малайзия», Экономического региона Восточного побережья, Северного экономического коридора (Коридор «Утара»), Коридора развития «Сабах», Коридора возобновляемой энергии «Саравак».

«Искандар Малайзия» — первый и наиболее перспективный с точки зрения инновационного развития экономический коридор Малайзии. Проект был запущен в 2006 г. Согласно плану, к 2025 г. ожидается создание около 1,5 млн рабочих мест и привлечение 382 млрд ринггитов (более 95 млрд долл.) в качестве прямых иностранных инвестиций. Ряд конкурентных преимуществ «Искандара» позволяет потенциально рассматривать его в качестве крупного технологического хаба в Юго-Восточной Азии, а также инновационного плацдарма для социально-экономического подъема сопредельных территорий.

Прежде всего, необходимо отметить стратегически выгодное расположение «Искандара». Он расположен в Джохор-Бару, втором по численности населения городе после Куала-Лумпура, а также связан с ведущими промышленными, торговыми и финансовыми центрами АТР. Большую роль в экономической модернизации коридора играет созданный там благоприятный инвестиционный климат. В частности, по итогам реализации 9-го и 10-го малайзийских планов было привлечено 190 млрд ринггитов (48 млрд долл.). При этом большая часть совокупных

¹¹ Sarimin M. Multimedia Super Corridor, Malaysia // VINE. 2015. Т. 45. No. 1. С. 126–147.

¹² Multimedia Super Corridor (MSC). URL: <http://nurelimtiaz.uitm.edu.my/wordpressfolder-elimtiaz/wp-content/uploads/2012/08/MSC.pdf> (дата обращения: 22.08.2016).

инвестиций (28%) приходится на промышленный сектор (производство электронной продукции)

«Искандар» отличает и то, что он располагает мощным кадровым потенциалом, что стало результатом эффективной государственной политики. Численность населения «Искандара» в период с 2006 по 2015 гг. выросла до 1,8 млн чел., из которых 750 тыс. — квалифицированные работники, занятые в стратегических отраслях (финансовый и ИТ-сектор, образование, транспорт и логистика)¹³. Приток прямых иностранных инвестиций позволил достичь высоких темпов экономического роста. В Джохор-Бару, крупнейшем городе региона, наблюдается самый высокий рост доходов на душу населения за 2011–2015 гг. среди всех городов Малайзии¹⁴. Регион отличается также низким уровнем безработицы (3–4%), инфляции (3%), высокими стандартами и качеством высшего профессионального образования.

Наконец, важно отметить потенциал развития информационно-коммуникационных технологий «Искандара». В частности, в регионе наблюдается тенденция роста компьютерных «облачных» сервисов, что стало возможно благодаря эффективному сотрудничеству малайзийских корпораций Multimedia Development Corporation, Performance Management and Delivery Unit, Johor Corporation и государства. Как итог, в течение 2014 г. экспорт высокотехнологичной продукции региона вырос на 11%. Общий доход увеличился на 26% и составил 795 млн ринггитов (более 200 млн долл.)¹⁵. Увеличению экспортных поставок наукоемкой продукции также способствовало открытие в 2015 г. в непосредственной близости от «Искандара» нового информационного центра.

Несмотря на значительный прогресс за последние два десятилетия и в целом поступательное движение к формированию «экономики знаний», по состоянию на 2016 г. становится очевидно, что Малайзии не удастся достичь статуса развитого государства к 2020 г., что подтверждает и сам идеолог «Видения 2020» и экс-премьер М. Мохамад¹⁶.

Попробуем выделить факторы, препятствующие реализации ключевой цели в рамках социально-экономической трансформации.

Барьеры на пути развития «экономики знаний» в Малайзии

Взрывоопасная и крайне нестабильная внутривластная ситуация.

Коррупционный скандал с участием премьер-министра страны Н. Разака, разразившийся в 2015 г., а также принятие противоречивых законов в сфере внутренней безопасности спровоцировали массовые социальные волнения и антиправительственные демонстрации. Одной из основных тенденций в краткосрочной и, вероятно, среднесрочной перспективе станет усиление элементов авторитарного правления в стране, а возможно, и фактическое установление военной диктатуры в ответ на эскалацию угрозы исламского радикализма. Таким образом,

¹³ IM BizWatch Feb 2016, Issue 2 (12). URL: <http://iskandarmalaysia.com.my/newsletter/-IM%20BizWatch%20Feb%202016.pdf> (дата обращения: 22.08.2016).

¹⁴ Ten Reasons Why You Should Invest in Iskandar // The Star Online. 07.07.2014. URL: <http://www.thestar.com.my/Business/Business-News/2014/07/07/Ten-reasons-why-you-should-invest-in-Iskandar/?style=biz> (дата обращения: 21.08.2016).

¹⁵ Malaysia's New Data Hub to Accelerate Growth of Data Center Industry // Networks Asia. 10.04.2015. URL: <http://www.networksasia.net/article/malaysias-new-data-hub-accelerate-growth-data-center-industry1428630854> (дата обращения: 21.08.2016).

¹⁶ Chi M. Dr. M: Malaysia Won't Achieve Vision 2020 // Malay Mail Online. 02.06.2015. URL: <http://www.themalaymailonline.com/malaysia/article/dr-m-malaysia-wont-achieve-vision-2020> (дата обращения: 21.08.2016).

создание в обозримом будущем единой нации, зрелого демократического общества не представляется возможным.

Наличие внутри- и внешнеэкономических рисков. Серьезным вызовом для Малайзии станет попадание национальной экономики в сильную зависимость от американских ТНК в результате либерализации рынков в случае реализации проекта Транстихоокеанского партнерства. Это может ограничить возможности для трансформации в инновационную экономику XXI в. Для Малайзии возрастает опасность попадания в т.н. «ловушку среднего дохода»¹⁷, что подразумевает дополнительные риски для реального сектора экономики в долгосрочной перспективе. Во избежание развития такого сценария правительству Малайзии необходимо сделать акцент на увеличении доходов на душу населения, объема частных инвестиций, в частности, в НИОКР и образование. Согласно оценкам Всемирного Банка, в 2012 г. расходы Малайзии на НИОКР составляли лишь 1,13% от ВВП¹⁸.

Кроме того, в целях приближения к статусу развитого государства в среднесрочной и долгосрочной перспективе стране необходимо проведение взвешенной макроэкономической политики, поддержание низкого уровня инфляции, сокращение масштабов нищеты, в особенности в наименее развитых районах в восточных штатах. Наконец, Объединенной малайской национальной организации (ведущая политическая партия в Малайзии) целесообразно сконцентрироваться на мерах, которые позволят увеличить производительность малого и среднего бизнеса, например, проведении реформы налогообложения с акцентом на либерализацию и стимулирование деловой активности в стране.

Слабый уровень поддержки квалифицированных кадров и «утечка мозгов». Одной из ключевых задач, стоящих перед правительством Малайзии, можно назвать повышение уровня грамотности населения. На данный момент лишь 29% малайзийцев имеют высшее образование, более 1 млн 100 тыс. чел. из 31 млн остаются безграмотными. В этой связи стратегической задачей в перспективе 2020 г. станет развитие человеческого потенциала и повышение доступности и качества высшего образования. По-прежнему остро стоит проблема утечки мозгов за рубеж в результате нехватки рабочих мест, а также низкого уровня заработной платы. В 2014 г. ежемесячная средняя зарплата после вычета налогов в Малайзии составляла лишь 979 долл. По этому показателю Малайзия занимает 70-е место в мире¹⁹. Как итог — в 2013 г. более 300 тыс. специалистов с высшим образованием уехали за границу. В целом за последние два десятилетия количество квалифицированных малайзийцев, проживающих за рубежом, выросло на 300%²⁰. В краткосрочной перспективе вероятно сохранение данной тенденции, что может негативно сказаться на инвестиционной привлекательности страны.

Недостаточный уровень развития инфраструктуры ИКТ. Несмотря на обширную интернет-аудиторию (67,5% населения²¹), Малайзия испытывает

¹⁷ Ситуация в экономике, когда страна достигает определенного уровня развития, после чего наступает период длительной стагнации.

¹⁸ Research and Development Expenditure (% of GDP) // The World Bank.

URL: <http://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS> (дата обращения: 14.08.2016).

¹⁹ Average Monthly Disposable Salary // Nation Master. URL: <http://www.nationmaster.com/country-info/stats/Cost-of-living/Average-monthly-disposable-salary/After-tax> (дата обращения: 31.08.2016).

²⁰ Brain Drain Update: Malaysians Tell Why They Still Prefer to Work Abroad // Malaysian Digest. 12.10.2015. URL: <http://malaysiandigest.com/features/573332-brain-drain-update-malaysians-tell-why-they-still-prefer-to-work-abroad.html> (дата обращения: 21.08.2016).

²¹ Asia Marketing Research, Internet Usage, Population Statistics and Facebook Information // Internet World Stats. URL: <http://www.internetworldstats.com/asia.htm> (дата обращения: 21.08.2016).

серьезные проблемы со скоростью передачи данных — 5,5 Мбит/с. По данному показателю Малайзия значительно уступает передовым в контексте инновационного развития государствам, а также соседним странам — Вьетнаму и Таиланду. Стоит отметить, что наряду с техническими барьерами (более высокая стоимость подключения по сравнению с другими странами Юго-Восточной Азии, ограниченность беспроводных соединений), эта проблема носит системный характер. В отличие от Сингапура, Вьетнама и Таиланда, на рынках которых действует множество интернет-провайдеров, малайзийский ИТ-сектор монополизирован. 90% всех телефонных линий и волоконно-оптических кабелей в стране принадлежат государственному конгломерату Telecom Malaysia²². Усиление присутствия национальных провайдеров (Celcom, Jaring и Packet One Networks), что помогло бы достигнуть целевого показателя — 95% населения в качестве интернет-пользователей к 2020 г. — сегодня маловероятно.

Киберджая как пример нереализованной «точки роста»

Экономическая и технологическая модернизация Малайзии в среднесрочной и долгосрочной перспективе во многом будет зависеть от того, сможет ли руководство страны обеспечить поступательное развитие флагманского проекта — Киберджаи. Безусловно, данный проект имеет ряд проблем, которые требуют безотлагательного решения. Прежде всего, это низкая плотность населения. Несмотря на меры, предпринимаемые для увеличения численности населения как местной администрацией, так и национальным правительством, Киберджая пока остается «городом-призраком». Еще одна проблема — высокие цены на объекты недвижимости, связанные с завышенными расходами на инфраструктурное строительство, в частности, из-за того, что власти Малайзии пользовались услугами частных застройщиков из Сингапура, Гонконга и Республики Корея.

По официальной статистике, на данный момент в Киберджае проживает всего 70 тыс. человек, из которых 35 тыс. (50%) – квалифицированная рабочая сила, привлеченная из соседних стран. В обозримом будущем приток людских ресурсов сможет быть обеспечен за счет двух составляющих. Во-первых, в ближайшие несколько лет стоит ожидать увеличения студенческого контингента за счет открытия в Киберджае учебных кампусов трех ВУЗов (Международного исламского университета Малайзии, Университета Сеги и Международного университета компьютерных технологий)²³. Во-вторых, позитивный эффект может быть создан за счет реализации государственной программы «Доступное жилье» и последующей поддержки переселенцев. Однако даже в случае выполнения указанных мер достичь целевой показатель — 210 тыс. чел. постоянного населения к 2020 г. — едва ли удастся.

Тем не менее «город будущего» обладает рядом конкурентных преимуществ, позволяющих потенциально рассматривать Киберджаю в качестве крупного производственного и технологического хаба.

Во-первых, это наличие современной технологической базы, развитая волоконно-оптическая инфраструктура. Скорость интернет-соединения достигает 20 Мбит/с, что существенно превышает средневзвешенные показатели по Малайзии — 5,5 Мбит/с. Во-вторых, наличие пока что неиспользуемой территории, а

²² Why Broadband is Slower and Costlier in Malaysia // KINIBIZ. 08.09.2014.

URL: <http://www.kinibiz.com/story/issues/106653/why-broadband-is-slower-and-costlier-in-malaysia.html> (дата обращения: 22.08.2016).

²³ Cyberjaya @ Love it or Hate it! // PropCafe.Net. 18.03.2013. URL <http://propcafe.net/cyberjaya-love-it-or-hate-it/> (дата обращения: 22.08.2016).

также гибкая система налогообложения превращают Киберджаю в один из наиболее перспективных районов для развития бизнес-услуг и аутсорсинга в АТР. В-третьих, Киберджая обладает развитой системой коммуникаций, а ее географическое положение позволяет поддерживать регулярную связь с ведущими административными и финансовыми центрами Малайзии.

Потенциальные возможности и направления формирования инновационной структуры в экономике Малайзии

В перспективе до 2020 г. новыми точками роста в стране станут электронная коммерция, цифровой маркетинг и линейка стартапов в ИТ-сфере²⁴. Малайзия доминирует на рынке электронной коммерции Юго-Восточной Азии наряду с Сингапуром. На долю двух стран приходится половина всех онлайн-продаж, осуществленных в АСЕАН²⁵. Среди факторов, способствующих качественному развитию электронной коммерции в Малайзии, стоит выделить прочную нормативно-правовую базу в сфере электронной коммерции, активную государственную поддержку, развитую логистическую систему, платежеспособность населения страны и высокий уровень распространения мобильного интернета и смартфонов. Дальнейшее развитие электронной коммерции в Малайзии может быть затруднено из-за слабого уровня развития платежных систем. Доля мобильных платежей на данный момент составляет лишь 0,3%²⁶. Практически все финансовые транзакции в стране осуществляются посредством банковских переводов. Кроме того, свою роль играют культурные особенности малайзийцев: пользователи предпочитают вживую взаимодействовать с потенциальным продавцом, так как это позволяет им убедиться в качестве товара. Этот фактор также влияет на динамику спроса в онлайн-сервисах.

Перспективным направлением, которое в среднесрочной перспективе получит финансовую и институциональную поддержку со стороны государства, станет развитие стартап-деятельности. В частности, для налаживания взаимосвязи по линии государство — частный бизнес созданы и успешно функционируют ряд независимых фондов (Asia Venture Group), а также программы грантовой поддержки для предпринимателей и ИТ-разработчиков (Cradle Investment Programme, Startup Malaysia, Project Renaissance). Наибольшим потенциалом обладают стартапы в сфере электронной коммерции (Soft Space), цифровой-рекламы (Piktochart) и онлайн-услуг (Kaodim).

Для того чтобы обеспечить успех стартапов, малайзийским властям необходимо решить вопрос с подготовкой собственных высококвалифицированных ИТ-специалистов, что позволило бы уменьшить чрезмерную зависимость от иностранных кадров. Однако достижение этой ключевой цели затруднительно. Местные кадры в силу своей ментальности не отличаются предпринимательским духом и склонностью к риску²⁷. По этой причине основная движущая сила ведущих стартапов Малайзии — по-прежнему зарубежные специалисты.

²⁴ АСЕАН. Новый виток интеграции и позиции России // РСМД. URL: <http://russiancouncil.ru/asean-russia> (дата обращения: 22.08.2016).

²⁵ E-Commerce Markets Across ASEAN // ASEAN Briefing. 11.06.2014. URL: <http://www.aseanbriefing.com/news/2014/06/11/e-commerce-markets-across-asean.html> (дата обращения: 20.08.2016).

²⁶ Understanding the Malaysian Mobile Industry // Mobile Ecosystem Forum. 11.07.2014. URL: <http://www.mobileecosystemforum.com/2014/07/11/understanding-the-malaysian-mobile-industry/> (дата обращения: 23.08.2016).

²⁷ Отчет по Юго-Восточной Азии // Digital Media Partners. URL: <http://iwlabs.ru/downloads/asia-report-iwlabs.pdf> (дата обращения: 22.08.2016).

Проведенный анализ позволяет заключить, что в силу политической и социально-экономической нестабильности Малайзия не сможет достичь статуса развитого государства к 2020 г.

Турбулентная внутривнутриполитическая обстановка, обусловленная серией коррупционных скандалов с участием премьер-министра страны, опасность попадания Малайзии в «ловушку среднего дохода» препятствуют дальнейшему развитию ИКТ сферы. Помимо этого, укрепление конкурентоспособности информационно-коммуникационного сектора сталкивается с системными проблемами, включая доминирование зарубежных разработчиков в ИТ-секторе Малайзии. Это значительно затрудняет процесс выхода на внутренний рынок национальных производителей высокотехнологичной продукции.

В среднесрочной перспективе новыми двигателями роста инновационного потенциала Малайзии станут электронная коммерция, цифровой маркетинг и стартап-индустрия в ИТ-сфере. Несмотря на низкую скорость соединения в интернете (5,5 Мбит/С), Малайзия является одной из ведущих стран ЮВА по объему интернет-аудитории, а также, наряду с Сингапуром, — ключевым игроком на рынке электронной коммерции в регионе. Кроме того, в перспективе 2020 г. Малайзия способна закрепиться в статусе основной площадки для развития стартап-деятельности в ИТ-сфере, чему будет способствовать рост среднего класса (51% населения), знание английского языка (60% населения), наличие разветвленной системы цифровой рекламы и многочисленных онлайн-платформ по развитию маркетинга и продвижению высокотехнологичной продукции на рынки соседних стран.

Достижение поставленных задач невозможно без обеспечения устойчивой конкуренции и либерализации на рынке телекоммуникаций, совершенствования нормативно-правовой базы в сфере ИКТ. В этой связи поощрение развития местных компаний вкупе с созданием национальных брендов должно стать приоритетной целью Малайзии в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Для того чтобы интегрировать национальные предприятия в глобальные производственно-сбытовые и технологические цепочки, руководству Малайзии целесообразно реализовать следующий комплекс мер:

- активно содействовать процессам слияния и поглощения компаний, что станет важным шагом на пути повышения конкурентоспособности Малайзии на мировом инновационном рынке;
- оказывать всестороннюю поддержку бизнес-инкубаторам, поощрять грантовую деятельность, обратить пристальное внимание на такие фундаментальные вопросы, как образование, НИОКР;
- создать линейку кластеров НИОКР на базе ведущих исследовательских университетов;
- создавать инструменты для развития «жесткой инфраструктуры», в том числе выделять территории для постройки производственных объектов и прокладки волоконно-оптических кабелей;
- укреплять институт государственно-частного партнерства.

Инвестиции ТНК КНР в странах Африки в рамках концепции «Один пояс, Один путь»

Статья посвящена анализу меняющейся роли Китая в Африке и инвестиций Китая в африканский континент. Исследуются инфраструктурные проекты в рамках концепции «Один пояс, Один путь» на примере восточноафриканских стран, в особенности, Кении. Автор раскрывает возможности и риски, которые проявляются в ходе подготовки и реализации инфраструктурных проектов. Рассматриваются последствия базовой модели финансирования Китаем развития инфраструктуры Африки. Автор показывает, что экономическая экспансия транснациональных корпораций Китая в Африке выгодна обеим сторонам, однако приводит ко все большей зависимости африканских стран от КНР.

Ключевые слова: ПИИ, транснациональные компании, КНР, слияния и поглощения, концепция «Один пояс, Один путь», «Экономический пояс Шелкового пути», инфраструктурные инвестиции, экономическая экспансия.

Еще в начале XXI в. Китай не имел серьезных позиций на рынках африканских стран, однако в настоящее время он выступает в качестве основного источника инвестиций и торговых потоков в этом регионе. По сути, Китай сегодня — единственный большой инвестор, финансирующий и развивающий инфраструктуру Африки. С ростом инвестиционной активности КНР, в том числе и в Африке, тесно связана концепция «Один пояс, Один путь». Проект включает в себя развитые и развивающиеся страны Азии, Африки, Европы и Ближнего Востока. В рамках этой концепции планируются проекты развития инфраструктуры, в том числе в области энергетики, здравоохранения, транспорта, водоснабжения. Роль Китая в поддержке развития африканских стран была велика и до официального включения в концепцию «Один пояс, Один путь», но теперь китайское правительство и бизнес получили институциональную основу, на которой могут формулировать свои обязательства.

В настоящей статье сперва будут рассмотрены инфраструктурные проекты Китая в восточноафриканских странах (особое внимание будет уделено Кении как одному из наиболее крупных реципиентов инвестиций КНР) в формате государственно-частного партнерства (ГЧП), затем будет дан более расширенный перечень инфраструктурных проектов, находящихся в предварительной разработке, а также характерные черты и проблемы китайско-африканского инвестиционного сотрудничества.

Инфраструктурные проекты Китая в Африке: особенности и значение

Институциональным воплощением и направляющей силой «особых отношений» Китая с африканскими странами можно считать Форум по китайско-африканскому сотрудничеству FOCAC, который проводится каждые три года и каждый раз служит точкой отсчета для нового витка развития экономических

* Шелухин Антон Артурович — аспирант НИ ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН (sh.tosha@yandex.ru). Статья поступила в редакцию 14.10.2016.

отношений сторон. С тех пор как ФОСАС был впервые проведен в 2000 г., товарооборот между Китаем и Африкой вырос более чем в 20 раз, с около 10 млрд долл. в 2000 г. до около 220 млрд долл. в 2014 г. В период с 2011 г. по настоящее время китайские компании при участии Всемирного банка реализовали 12 инфраструктурных проектов в формате ГЧП в Кении и Танзании (см. табл. 1). Сумма вложенных прямых инвестиций составила более 1,3 млрд долл. США. Проекты реализовывались в таких сферах как выработка электроэнергии, телекоммуникации и дорожное строительство¹.

*Таблица 1.
Некоторые инфраструктурные проекты КНР в формате ГЧП
в Кении и Танзании*

Страна	Проект	Сектор	Инвестиции (млн долл.)	Год выполнения
Танзания	Электростанция Aggreko Ubungo and Tegeta	Энергетика	н.д.	2011
Кения	Электростанция Aggreko Westen Kenya Temporary	Энергетика	4,7	2011
Танзания	Электростанция Symbion Dodoma	Энергетика	4,7	2011
Танзания	Электростанция Symbion Ubungo	Энергетика	129,4	2011
Кения	Проект тепловой станции Тика	Энергетика	112	2012
Танзания	Смайл Телеком Танзания (I, II, III)	Телекоммуникации	н.д.	2012
Кения	Электростанция Triumph HFO	Энергетика	140	2012
Кения	Плانتации сахарного тростника Kwale	Энергетика	200	2013
Кения	Ветропарк Aldwuch на озере Туркан	Энергетика	635	2014
Танзания	Смарт Телеком	Телекоммуникации	н.д.	2014
Кения	Тяжелотопливная электростанция GEL	Энергетика	95,5	2014
Кения	Угольная электростанция Ламу	Энергетика	2	2014
Кения	Реконструкция 175 км дорог	Транспорт	325	2015

Источник: China Statistical Yearbook 2015, China Statistics Press.

Крупнейшее вложение китайских инвесторов среди проектов с подтвержденными инвестициями — 7,6 млрд долл. в строительство железной дороги из Дар-Эс-Салама в Руанду и Бурунди, которая проходит по территории Танзании (см. табл. 2). Дар-эс-Салам, коммерческая столица Танзании, стремится получить

¹ From Adjustment to Poverty Reduction: What is New? // UNCTAD. 2002.
URL: <http://unctad.org/en/Docs/pogdsafricad2.en.pdf> (дата обращения: 07.10.2016).

дальнейшие инвестиции из Китая размером 2 млрд долл. и направить их в усовершенствование междугородней транспортной системы автобусов. Остальные проекты Танзании нацелены в основном на строительство и модернизацию портовых сооружений в Дар-эс-Саламе.

Среди проектов в отдельно взятой стране наиболее масштабный — строительство энергетических сетей в северном Зимбабве. Стоимость проекта составляет 2,3 млрд долл. Доля китайских прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в нем невелика: 105 млн долл., одновременно планируется получение кредита в размере 1,3 млрд долл. и участие других инвесторов.

Таблица 2.
Некоторые незавершенные инфраструктурные проекты КНР в Африке

Страна	Проект	Сектор	Инвестиции (млн долл.)	Стадия
Руанда/ Бурунди/ Танзания	Железная дорога Дар-эс-Руанда-Бурунди	Транспорт	7600	Участие в торгах
Зимбабве	Проект электростанции SouthernEnergy	Энергетика	2325	Участие в торгах
Кения	Стандартная узкоколейная железная дорога: Найроби-Малаба/Кисуму	Транспорт	2250	Технико-экономическое обоснование
Кения	Производство 1 ГВт солнечной энергии	Энергетика	2200	Планирование
Танзания	Система общественного транспорта Дар-эс-Салам RapidTransit	Транспорт	2000	Планирование
Зимбабве	Угольная электростанция Hwange	Энергетика	1400	Планирование
Кения	Мост в Nyali	Транспорт	100	Планирование
Зимбабве	Центральная больница Mpilo	Общество и здравоохранение	15	Участие в торгах

Источник: China Statistical Yearbook 2015, China Statistics Press.

В Кении реализуются два крупных проекта, нацеленных на решение проблем страны с транспортным сообщением и нехваткой энергии. Первый и наиболее заметный проект — расширение стандартной колеи железной дороги, связывающей столицу г. Найроби с г. Малаба (граница с Угандой) и г. Кисуму (район озера Виктория). Предполагаемый размер инвестиций составляет 2,3 млрд долл. Другой проект, стоимость которого составляет 2,2 млрд долл., предполагает строительство солнечной электростанции мощностью 1 ГВт.

Еще 57 инфраструктурных проектов находятся на стадии предварительной разработки или реализации. Большая их часть (около 90%) направлена на развитие транспорта, водоснабжения и внедрение водосберегающих технологий, переработку

отходов, строительство социальных и медицинских учреждений, развитие мощностей в сфере энергетики и телекоммуникаций (см. табл. 3 и 4).

Таблица 3.
Другие инфраструктурные проекты, находящиеся на разных стадиях реализации (Кения)

Проекты в Кении	Стадия
Водоснабжение и переработка	
Ирригационный проект Tana Delta; Многоцелевая плотина Argor; Многоцелевая плотина Mwache; Многоцелевая плотина Нанди; Многоцелевой и ирригационный проект Kibwezi; Поставка воды в Найроби; Сортировка твердых отходов в Момбасе; Сортировка твердых отходов в Накуру	Планирование
Земельное орошение Turkwel; Сортировка твердых отходов в Каджиадо	Участие в торгах
Общество и здравоохранение	
Фуд-корты JKIA	Частично завершен
Аренда оборудования и совершенствование инфраструктуры; Жилье для полиции и тюрьмы; Жилье для студентов колледжа Embu; Жилье для студентов университета Egerton; Жилье для студентов университета Maseno; Жилье для студентов университета Юго-Восточной Кении; Кислородная станция; Международный выставочный центр Vomas; Национальный госпиталь Keniata; Отель Vomas; Пять общежитий университетов	Планирование
Городское жилье в Найроби; Городское жилье в Найроби, корпус 2; Корпус для государственных служащих	Участие в торгах
Телекоммуникации	
Услуги ИКТ в Кениаттанской Национальной больнице	Планирование
Транспорт	
Государственная летная школа; Дорога в Найроби Даулин-Накуру; Интегрированная система морского транспорта;	Планирование
Многоуровневая автостоянка в Момбасе; Многоэтажный терминал Likoni; Модернизация причалов 11-14 для контейнерных терминалов; Особая экономическая зона в Донго Кунду; Паромный многоуровневый терминал в Момбасе; Порт Shimoni; Пригородная железная дорога в Найроби; Развитие порта Ламу; Разработка с нуля второго терминала JKIA; Расширение шоссе Момбаса-Найроби; Шоссе Найроби-Тика; Экспортный карантинный пункт и зоны экспорта домашнего скота; Южная кольцевая дорога Найроби	
Многоуровневый паркинг Sunken; Многоэтажная парковка и коммерческий объект в Найроби; Программа строительства 3000 км дорог Annuity	Участие в торгах
Энергетика	
Многоцелевая плотина Magwagwa; Обработка твердых отходов в Найроби; Причал свободной погрузки и разгрузки в Момбасе; Проект оросительной сахарной системы Тана Дельта	Планирование

Источник: China Statistical Yearbook 2015, China Statistics Press.

Таблица 4.

Другие инфраструктурные проекты, находящиеся на разных стадиях реализации (Танзания)

Проекты в Танзании	Стадия
Транспорт	
Сухой северный порт Kisarawe	Планирование
Контейнерный терминал порта Дар-эс-Салам; Нефтеналивной терминал Kigamboni в порту Дар-эс-Салам; Новый порт в Мамбай Бей-Танги; Четыре новые причала в порту Mtwara	Участие в торгах
Энергетика	
Проект электростанции Southern	Частично завершен
Электростанция Mkuranga	Планирование

Источник: China Statistical Yearbook 2015, China Statistics Press.

Один из сложнейших и наиболее технологичных инфраструктурных проектов китайских инвесторов в Восточной Африке — расширение колеи Кенийской железной дороги (КЖД). Общая стоимость реализации проекта составит порядка 14 млрд долл. Работы начались в октябре 2013 г. со строительства 485 км однопутной железнодорожной линии, которая соединит Момбаса, крупнейший портовый город в Восточной Африке, и Найроби, столицу Кении. Задача строительства КЖД — обеспечить транспортное сообщение между городами в Кении, Уганде, Руанде и Южном Судане, что будет способствовать развитию более широкой региональной интеграции.

КЖД — идеальный кандидат в Африке для участия в инициативе «Один пояс, Один путь». Если крупные африканские портовые города получают транспортное сообщение с внутренними районами, это даст ресурсы и рынки сбыта для китайских производителей. Строительство линии создаст стратегический актив, который дополнительно свяжет экономику внутренних стран Восточной Африки с внешним миром. Проект к тому же предоставляет собой платформу для демонстрации возможностей китайского финансирования и технологий. Китайский «Эксимбанк» предоставил 85% от 3,8 млрд долл. объявленного финансирования для реализации первой части КЖД. «Китайская железнодорожная и мостостроительная корпорация» выступает в качестве подрядчика по строительству линии, которое происходит в соответствии с китайскими стандартами проектирования железных дорог.

Несмотря на очевидные преимущества участия Китая в КЖД, вопросы о расходах и отсутствие прозрачности в процессе заключения контрактов создают риски. Вскоре после запуска КЖД два парламентских комитета Кении (транспорта и государственных инвестиций) и Комиссия по этике и борьбе с коррупцией правительства Кении начали расследование². Вопрос возник в связи с выбором транспортного управления в пользу китайских партнеров, который был сделан вне открытого тендера, что может считаться нарушением кенийских законов. Вопросы также возникли относительно экономики проекта и его разработки. Смета расходов КЖД в среднем составила 5,6 млн долл./км, в то время как международная норма составляет около 2 млн долл./км. Соседняя Эфиопия закладывала пути по цене 4,8 млн долл./км при более

² Olander E. The Complicated role Chinese Business Plays in Kenyan Corruption // The Chinafrica Project. 11.09.2016. URL: <http://www.chinaafricaproject.com/podcast-china-africa-kenya-corruption-zander-rounds/> (дата обращения: 19.09.2016).

дорогой электрической двухколейной линии, которая проложена в условиях сложного рельефа местности. Проблемы возникают и в ходе реализации проекта. «Китайская железнодорожная и мостостроительная корпорация» обвиняется в излишней приверженности одному источнику поставок материалов, в то время как по крайней мере 40% товаров и услуг должны закупаться у местных фирм.

Несмотря на целый ряд вопросов вокруг КЖД, его реализация продолжается. На Форуме по китайско-африканскому сотрудничеству FOCAC в декабре 2015 г. была достигнута договоренность о выделении кенийской стороне кредита в размере 1,5 млрд долл. Средства должны быть направлены на расширение проекта КЖД и строительство ветки из г. Найроби в г. Найваша на северо-западе страны³. Условия финансирования и строительства аналогичны тем, которые были согласованы для первого этапа. Обе стороны в настоящее время проводят технико-экономическое обоснование для дополнительного продления КЖД к г. Малаба.

Развитие, эксплуатация и расширение КЖД будет способствовать экономическому росту Кении в среднесрочной перспективе. Транспортный проект такого масштаба сказывается на развитии всей экономики страны, одновременно являясь проводником китайского влияния в регионе. Огромная стоимость проекта предполагает, что в обозримой перспективе получатель этих средств — кенийская экономика — будет сильно зависеть от своего кредитора.

Для Китая КЖД дает возможность создать и освоить новую экономическую территорию в рамках концепции «Один пояс, Один путь». В планах инвесторов из Китая — расширение своих рынков сбыта и формирование в ходе реализации своих проектов экономики, стимулируемой потреблением. Такие проекты, как КЖД, создают прямые и опосредованные возможности для китайской промышленности, формируя за рубежом новые рынки сбыта в условиях ограничений на внутреннем рынке.

Проблемы инвестиционного сотрудничества и рост зависимости африканских партнеров от Китая

Как показало сотрудничество в рамках проекта «Кенийская узкоколейная железная дорога», китайские инвестиции в технологии и строительство обеспечивают реализацию жизненно важных новаций на континенте, который страдает от практически полного отсутствия инфраструктуры. Данные за 2013 г. показывают, что общие расходы на инфраструктуру в Африке достигли 53 млрд долл., из которых на долю Китая приходилась основная часть — 13,4 млрд долл.

В ходе реализации этих проектов страны региона несут существенные расходы. С точки зрения суверенных обязательств, растущая задолженность африканских государств Китаю становится проблемной и начинает создавать сложности для межгосударственных отношений. Риски, связанные с ростом задолженности африканских государств, будут становиться все более острыми, если низкий уровень спроса на сырьевые товары и, соответственно, низкие цены на сырье сохранятся. Неудивительно, что в 2015 г., когда FOCAC проходил в Йоханнесбурге, Китай вынужден был заявить о готовности рассмотреть вопрос реструктуризации задолженности, в том числе о возможности продления сроков погашения долгов или их полного списания в некоторых случаях, что вряд ли возможно.

Африканские страны вполне могут выдвинуть предложения о применении новых финансовых моделей сотрудничества с китайскими инвесторами в рамках

³ *Dahman-Saidi M.* Chinese Investment in Africa // BSI Economics. 19.11.2013.

URL: <http://www.bsi-economics.org/219-chinese-investment-in-africa-part-1> (дата обращения: 19.09.2016).

инфраструктурных проектов. Для слабых экономик предпочтительнее кредитное финансирование со стороны Китая, т.к. в этом случае основные риски несет инвестор. Китай, в свою очередь, рассматривает такую возможность как наименее желательную. Тем не менее инвестиции частного сектора (в том числе проектов ГЧП) до сих пор не оказались достаточными для удовлетворения огромных потребностей Африки в инфраструктуре. Это делает вероятность использования кредитного финансирования в той или иной форме весьма высокой. В рамках механизмов, предлагаемых концепцией «Один пояс, Один путь», финансирование проектов может происходить в форме натурального обмена или бартера.

Китай и Африка выступают сегодня долгосрочными стратегическими партнерами, помогая друг другу решить ряд важных и масштабных экономических задач. Количество и направленность инвестиционных объектов Китая в Африке не дает оснований усомниться в той роли, которую уже играет и будет играть в дальнейшем китайский капитал в экономиках африканских стран-реципиентов инвестиций. Одновременно он решает для себя острую проблему нехватки рынков сбыта для динамично развивающейся национальной промышленности. Концепция «Один пояс, Один путь», предположительно, выступит организующим и систематизирующим началом этих усилий. Однако это сотрудничество нельзя назвать равноправным: африканские страны все глубже погружаются в «долговую яму», возникающую в результате реализации масштабных дорогостоящих проектов. Дополнительно осложняет ситуацию и то, что Китай не всегда «играет по правилам», пользуясь зависимым положением партнеров, что приводит к дополнительным серьезным издержкам для них.

Как считают обновление основных фондов в Китае и Вьетнаме

Авторы анализируют форматы статистического представления в Китае и Вьетнаме таких показателей экономического развития как воспроизводство и обновление основных фондов. В качестве отправной точки исследования используется теория К. Маркса, рассматривающая воспроизводство основных фондов в качестве источника экономического роста. Показано, что характер раскрытия данных в национальных статистических системах позволяет составить представление о сложности и структуре экономики для рассматриваемой страны, а также о роли государства в инвестиционных процессах.

Ключевые слова: Китай, Вьетнам, статистика, основные фонды, воспроизводственная теория.

В 1978 г. руководство Коммунистической партии Китая (КПК) во главе с Д. Сяопином провозгласило начало экономических реформ. В результате Китай достиг высоких темпов экономического роста и стал крупнейшей экономикой мира.

Это сделало Китай одним из интереснейших объектов для научных исследований. В фокусе внимания преимущественно оказывается проблема соотношения господствующей в Китае идеологии социализма и проводимых рыночных реформ. На этом фоне закономерны попытки изучения феномена ускоренного экономического роста в Китае с точки зрения теории экономического воспроизводства, описанной К. Марксом в «Капитале»¹. Одновременно представляет интерес сравнение воспроизводственных процессов в Китае с другим государством, чья экономика также характеризуется высокими темпами роста, а политическая система схожа с китайской — Вьетнамом.

Вьетнам приступил к реализации реформ аналогичных китайским значительно позже, в 1986 г. «Великий китайский сосед», уже более десяти лет успешно идущий по пути рыночных преобразований, не мог не стать образцом для подражания. Один из наиболее авторитетных российских вьетнамоведов В. Мазырин полагает, что в целом Вьетнам пошел по схожему с Китаем пути совмещения «капиталистического экономического базиса и нерыночной политической надстройки»². При этом, рассматривая доктринально-идеологическую основу реформ, он отмечает, что если в Китае модель формулируется как «социалистическая рыночная экономика», то вьетнамские идеологи стоят на позициях развития «рыночной экономики с ориентацией на социализм»³. Как бы то ни было, общим и для Китая, и для Вьетнама

* Волынский Андрей Игоревич и Круглова Мария Семеновна — младшие научные сотрудники Центра эволюционной экономики Института Экономики РАН (ava3003@hotmail.com). Статья поступила в редакцию 28.09.2016.

¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.2. Книга II: процесс обращения капитала // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т.2. Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.

² Мазырин В.М. Вьетнамская экономика сегодня. Итоги 25 лет рыночной трансформации (1986–2010). М.: ИД «Форум», 2013. С. 20.

³ Там же.

является курс на проведение реформ, основное содержание которых — постепенное внедрение механизмов рыночной экономики.

В первой части настоящей работы мы рассмотрим основные положения теории воспроизводства К. Маркса, а также показатели, характеризующие воспроизводство и обновление основных фондов. Во второй части будет уделено внимание общемировой практике представления данных по воспроизводству и обновлению основных фондов. В третьей части мы рассмотрим особенности подсчета и подачи соответствующих данных в статистических системах Китайской народной республики (КНР) и Социалистической республики Вьетнам (СРВ).

Теория воспроизводства К. Маркса и показатели воспроизводства основных фондов

Экономический мейнстрим признает К. Маркса только в качестве персонажа учебников истории экономической мысли⁴. Соответственно, и его теория воспроизводства оказывается вытесненной за пределы современного научного дискурса. «Такое положение дел, — пишет академик В. Маевский, — нельзя признать удовлетворительным»⁵. И далее продолжает: «через процессы воспроизводства осуществляется экономический рост. Соответственно, абстрагирование от этих процессов не может не наносить ущерб развитию экономической науки и практики»⁶.

Современные китайские и вьетнамские экономисты, следуя за западным экономическим мейнстримом, слабо используют понятийный аппарат марксистской экономической теории, хотя у них можно найти работы, посвященные теории воспроизводства. Так, например, в статье «Теория китайской индустриализации как вклад в теорию воспроизводства Маркса»⁷ автор делает вывод о том, что китайская теория индустриализации на теоретическом и практическом уровнях расширила сферу применения теории воспроизводства К. Маркса. Однако это сфера скорее истории экономической мысли, чем современного мейнстрима. В рамках данной работы мы делаем шаг в сторону использования теории воспроизводства для анализа современных экономических реалий, изучив национальные системы статистики КНР и СРВ с точки зрения генерации данных по показателям воспроизводства основных фондов.

К. Маркс различал два типа воспроизводства: простое и расширенное⁸. Согласно его концепции, экономика делится на два подразделения: подразделение I создает средства производства, а подразделение II производит потребительские товары. Схема простого воспроизводства предполагает, что «чистый продукт подразделения I должен равняться величине спроса, обусловленного необходимостью возмещения в подразделении II»⁹. При этом К. Маркс отмечал, что простое воспроизводство — лишь абстракция, допущение, будто бы «общественный капитал данной стоимости как в прошлом, так и в текущем году снова доставляет

⁴ *Ананьин О.* Карл Маркс и его «Капитал»: из девятнадцатого в двадцать первый век // Вопросы экономики. 2007. №9. С.75

⁵ *Маевский В.И., Малков С.Ю.* Новый взгляд на теорию воспроизводства. М.: Инфра-М, 2013. С.8.

⁶ Там же. С.8.

⁷ *Ван Иу* Теория китайской индустриализации как вклад в теорию воспроизводства Маркса // Журнал «Педагогический университет Хайнаня: серия общественные науки», классификация теоретическая экономика. 1997 №1. С. 98–104 (на китайском языке).

⁸ *Маркс К.* Указ. соч.

⁹ *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. Пер. с англ. 4-е издание. М.: «Дело лтд», 1994. С.232.

прежнюю массу товарных стоимостей и удовлетворяет прежнюю массу потребностей, хотя бы формы товаров и изменились в процессе воспроизводства»¹⁰.

Модель простого воспроизводства обладает чертами статичности: затраты равны прибыли, а прибыль — затратам, излишки прибыли аккумулируются в виде накоплений. В схеме расширенного воспроизводства, напротив, рассматривается проблема условий развития. Она условно такова: «спрос на потребительские блага, предъявляемый подразделением I, должен равняться спросу на капитальные блага подразделения II; т. е. чистая продукция подразделения I должна расти наравне с валовыми капиталовложениями в подразделении II»¹¹.

Мы видим, что термин «воспроизводство» в рамках концепции К. Маркса можно истолковать как явление, без которого невозможна система экономических отношений (в статичном или динамичном видах). В строгом смысле простое воспроизводство можно описать как воспроизводство в неизменном масштабе, тогда как расширенное — в динамично возрастающем масштабе. В этом контексте важно представление о воспроизводстве и обновлении основных фондов.

Согласно определению Общероссийского классификатора основных фондов, «основными фондами являются произведенные активы, используемые неоднократно или постоянно в течение длительного периода времени, но не менее одного года, для производства товаров и оказания услуг»¹². К таковым, следуя тексту документа, относятся: здания и сооружения, машины и оборудование, телекоммуникационное оборудование, ресурсы сельскохозяйственных культур и насаждений, а также животные, приносящие продукцию на регулярной основе, продукты интеллектуальной собственности и т.д. Таким образом, под основными фондами понимается все то, что К. Маркс относил к подразделению I.

Экономисты характеризуют процесс воспроизводства основных фондов как «обеспечение предприятий основными фондами в их количественном и качественном составе, а также поддержание их в рабочем состоянии»¹³. Воспроизводство может быть как простым, так и расширенным. Под простым понимается замена и ремонт устаревших средств производства в прежних масштабах и на прежнем уровне технологического развития, под расширенным же понимают техническое перевооружение и модернизация оборудования с учетом темпов научно-технического процесса, а также ввод в эксплуатацию новых производственных линий. Предполагается, что в случае первого типа воспроизводства действует статичная модель развития: сохраняются прежние масштабы производства при отсутствии модернизации. В случае со вторым типом действует динамичная модель: производственный процесс благодаря модернизации оптимизируется, растет производственная отдача.

В общем виде воспроизводство основных фондов на уровне отчетности предприятия рассчитывается по формуле:

$$Фк = Фн + Фв - Фл,$$

где Фк — стоимость основных фондов на конец года; Фн — стоимость основных фондов на начало года; Фв — стоимость основных фондов, вводимых в действие в течение года; Фл — стоимость основных фондов, ликвидируемых в течение года¹⁴.

¹⁰ Маркс К. Указ. соч. С. 444.

¹¹ Блауг М. Указ. соч. С. 233.

¹² Общероссийский классификатор основных фондов ОК013-2014 (ЧС 2008). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=184368&fld=134&from=23355-0&rnd=208093.03276555832249356&> (дата обращения: 04.07.2016).

¹³ Печенина Т.С. Экономика предприятия, 2013. URL: http://economylit.online/predprinimatelstvo-biznes_728/vosproizvodstvo-osnovnyih-fondov-25980.html (дата обращения: 19.08.2016).

¹⁴ Там же.

Расчет воспроизводства и обновления основных фондов в мировой практике

Важнейшей статистической категорией для анализа воспроизводства основных фондов на макроэкономическом уровне является показатель валового накопления основного капитала (ВНОК, Gross fixed capital formation, GFCF). Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) определяет ВНОК как показатель приобретенных и созданных производителем активов за вычетом выбытия основных средств производства. Рассчитывается ВНОК по годовым темпам прироста в миллионах долл. США в текущих ценах и ППС. Под активами понимается продукция, предназначенная для производства других товаров и услуг на срок более года. При этом учитываются только те активы, что возникли в результате производственного процесса¹⁵. Учитывается и такой показатель как ВНОК в разбивке по секторам, что включает в себя расчет в процентах от общего показателя ВНОК показателей для домохозяйств, корпоративного и государственного секторов.

Рассмотрение этого показателя при изучении проблем экономического роста представляется тем более актуальным, если учесть, что кризисные явления 2008–2009 гг. не столь интенсивно и пагубно сказались на динамике роста китайского и вьетнамского ВВП, как, например, на динамике российской экономики. Предварительные расчеты показывают, что доля расходов на ВНОК в процентном отношении к годовому показателю ВВП в Китае и во Вьетнаме несравнимо выше российского показателя, а поскольку расходы на ВНОК могут давать стимулирующий эффект для всей экономики, подобное соотношение сказывается и на темпах роста ВВП.

Следующий связанный показатель — инвестиции в активы (Investment by asset). ОЭСР понимает под этим вложения в такие типы активов как здания, оборудование, культивация биологических ресурсов (разведение домашнего скота), интеллектуальная собственность (в том числе разведка месторождений, программное обеспечение, создание художественных произведений)¹⁶. В 2008 г. объем активов в системе национальных счетов был расширен за счет включения инвестиций в НИОКР и системы вооружения.

Практика китайской и вьетнамской национальных статистических систем

Работая с национальными статистическими системами двух азиатских государств, нельзя не заметить, что в структуре подачи информации есть различия как друг относительно друга, так и в сравнении со статистическими системами третьих стран, например, РФ. Различие можно проследить, сравнив данные по инвестициям, формам собственности и источникам финансирования.

Подготовкой и выработкой статистических данных по Китаю занимается Национальное бюро статистики Китая, выпускающее ежегодный сборник “China Statistical Yearbook”¹⁷. Во Вьетнаме за выпуск статистики отвечает Главное

¹⁵ Gross Fixed Capital Formation (GFCF) // Organization for Economic Co-operation and Development. URL: <https://data.oecd.org/gdp/investment-gfcf.htm> (дата обращения: 19.08.2016).

¹⁶ Investment by Asset // Organization for Economic Co-operation and Development, база данных. URL: <https://data.oecd.org/gdp/investment-by-asset.htm> (дата обращения: 19.08.2016).

¹⁷ China Statistical Yearbook 2014. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2014/indexeh.htm> (дата обращения: 19.08.2016).

статистическое управление, ежегодно выпускающее сборник “Statistical Yearbook of Vietnam”¹⁸.

Обе системы статистической отчетности содержат *данные по ВНОК*, которые включены в раздел национальных счетов. Но если в статистике Китая ВНОК дается внутри показателя валового накопления капитала (Gross Capital Formation) вместе с показателем затрат на изменение товарно-материальных запасов, то во вьетнамской статистике ВНОК идет как часть показателя ВВП по категориям расходов (Gross domestic product by expenditure category). В этом плане статистическая система СРВ ближе к российской, где ВНОК содержится в данных по элементам использования ВВП. В китайской статистике данные представлены в разбивке по регионам соответственно административно-территориальному делению КНР, во вьетнамской же мы находим лишь комплексный показатель.

Важную информацию по воспроизводству и обновлению основных фондов несут *показатели инвестиционной активности*. В системах КНР и СРВ информация по инвестициям дается в рамках отдельных категорий: «Инвестиции в основной капитал» в статистике КНР и «Инвестиции и строительство» в СРВ. Для сравнения, в статистике РФ данные по инвестициям располагаются внутри более крупной категории «Предпринимательство». По существу, в статистических системах разных государств раскрываются идентичные по составу данные относительно инвестиционной активности.

Китайская система статистики раскрывает данные по инвестициям по типу зарегистрированной собственности и региону (Total Investment in Fixed Assets in the Whole Country by Status of Registration and Region). Выделяются следующие типы зарегистрированной собственности: государственная, коллективная, кооперативная, совместные предприятия, общества с ограниченной ответственностью, долевое участие, частная собственность, индивидуальное предпринимательство. Также публикуются данные по инвестициям фондов Макао, Гонконга и Тайваня и иностранных фондов. Статистическое ведомство вьетнамского государства выделяет среди получателей инвестиций государственный и негосударственный секторы и сектор иностранных инвестиций¹⁹.

Что касается *данных по источникам финансирования*, то китайская статистика выделяет средства государственного бюджета, внутренние займы, иностранные инвестиции, самостоятельно привлеченные средства. В статистике Вьетнама данные по источникам содержатся только внутри показателя государственных инвестиций: средства государственного бюджета, кредиты и займы, средства государственных компаний.

При этом стоит отметить, что если сравнивать раскрытие данных по показателю источников финансирования в КНР и СРВ с данными, содержащимися в официальной российской статистике, то степень подробности российских данных будет значительно выше. В ней выделяются собственные и привлеченные средства. Из привлеченных средств, в свою очередь, отдельно показываются кредиты банков, кредиты иностранных банков, бюджетные средства (отдельно федерального бюджета и субъектов федерации), средства местных бюджетов, внебюджетных фондов,

¹⁸ General Statistics Office of Vietnam. URL: https://www.gso.gov.vn/default_en.aspx?tabid=776 (дата обращения: 19.08.2016).

¹⁹ Данные по видам зарегистрированной собственности содержатся также внутри показателя национальных счетов в категории валового внутреннего продукта в текущих ценах по видам собственности (Gross domestic product at current prices by types of ownership): выделяются государственная собственность, негосударственная, коллективная, частная, домовладения, сектор иностранных инвестиций, налоги за вычетом субсидий на производство. В статистике по инвестициям такое разделение не содержится.

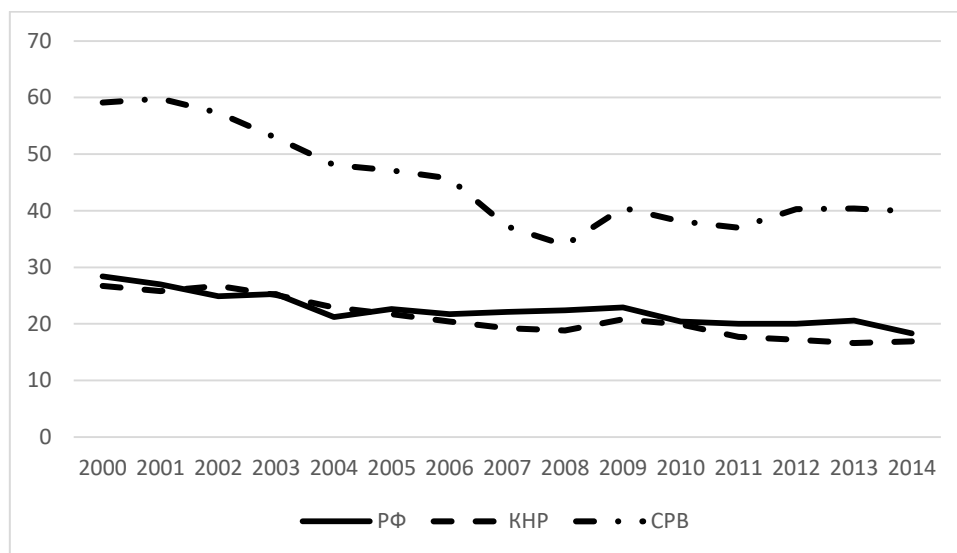
организаций и населения на доленое строительство, средства вышестоящих организаций, средства от выпуска корпоративных облигаций, от эмиссии акций.

В части раскрытия данных по инвестициям и фактическим источникам инвестиций вьетнамская статистика заметно отличается от китайской и российской. Так, если вьетнамская статистика в качестве отдельной категории выделяет показатель государственных инвестиций по видам экономической деятельности, то в России данные по инвестициям по видам экономической деятельности раскрываются безотносительно форм регистрации собственности и источников инвестиций. В китайской же статистике раскрываются данные по инвестициям по видам экономической деятельности и типам регистрации собственности в рамках комплексного показателя, где, помимо государственной, выделяются коллективная и частная собственность.

Подобная особенность, на наш взгляд, может объясняться двумя причинами: во-первых, относительной простотой структуры экономики Вьетнама в ее сравнении с китайской и российской экономиками, а во-вторых — тем, что роль государства в качестве основного инвестора и драйвера экономического роста в рамках вьетнамской экономики наиболее очевидна. Второй важный источник инвестиций — иностранные инвесторы. Раскрывая статистические данные по источникам инвестиций, вьетнамское статистическое ведомство указывает на действительные приоритеты для вьетнамской экономики в части источников инвестиционных потоков.

В подтверждение тезиса о доминирующей роли государства в инвестиционных потоках предлагаем взглянуть на сводный график процентной доли государственных инвестиций от общего числа инвестиций в стране для России, Китая и Вьетнама за последние 14 лет (см. рис. 1). На приведенном графике видно, что доля государства в инвестициях во Вьетнаме в среднем в два раза выше аналогичного показателя для Китая и России.

Рисунок 1.
Доля государства в инвестициях (%) в КНР, СРВ и РФ

Источники: China Statistical Yearbook 2014; General Statistics Office of Vietnam; Федеральная служба государственной статистики.

Проведенное исследование позволило сделать несколько принципиальных выводов. Во-первых, мы видим, что структура раскрытия статистических данных в национальных статистических системах позволяет составить представление о сложности и сути структуры экономики для рассматриваемой страны. Во-вторых, мы увидели, что воспроизводственная теория К. Маркса может быть применена при рассмотрении экономик Китая и Вьетнама. В-третьих, мы полагаем, что проведение дальнейшего исследования через призму данной теории позволит продвинуться в изучении источников экономического роста для двух азиатских государств. Это представляется тем более актуальным на фоне успехов Китая и Вьетнама в борьбе с кризисными явлениями 2008–2009 гг., достигнутых благодаря высокой доле расходов на ВНОК в структуре ВВП, что оказало необходимый стимулирующий эффект на экономику и может быть принято на вооружение другими странами, включая Россию.

Флегонтова Т.А.*

Место России в интеграционной архитектуре АТР: возможности для межблокового взаимодействия

В статье приведен анализ трансформации современных интеграционных процессов в Азии и открывающихся в этой связи возможностей для России стать частью региональной интеграционной архитектуры. Автор показывает, что к интеграционным группировкам подключается все больше экономических игроков, а сами договоренности углубляются. Многие интеграционные инициативы формируются на базе уже существующих цепочек добавленной стоимости, что, с одной стороны, приводит к облегчению ведения бизнеса для компаний стран-подписантов соглашений, с другой — чревато консервацией производственных и торговых цепочек в рамках региональных блоков. Делается вывод, что для России актуальна стратегия активного встраивания в интеграционные процессы. При этом должны учитываться обязательства, принятые нашей страной в рамках членства в Евразийском экономическом союзе.

Ключевые слова: *Азиатско-Тихоокеанский регион, интеграционная группировка, региональная интеграция, цепочка добавленной стоимости, экономические мега-блоки, зона свободной торговли.*

Современные процессы экономической интеграции приобретают глобальный характер, а интеграционные объединения претендуют на создание новых форм и правил регулирования торгово-экономической деятельности на глобальном и региональном уровне. Эти тенденции особенно характерны для Азиатско-Тихоокеанского региона. В последние годы мы стали свидетелями формирования так называемых мега-блоков, среди которых Транстихоокеанское Партнерство (ТТП) — формирующийся экономический блок в Азиатско-Тихоокеанском регионе; Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), формируемое на базе формата АСЕАН+6 при активном участии Китая; инициатива по формированию Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли. В кросс-региональном разрезе развиваются проекты иного характера, к примеру, новая инициатива Китая — «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), первоначально направленная на формирование современной логистической системы на Евразийском пространстве, но, тем не менее, имеющая глубокую торгово-экономическую и геополитическую подоплеку.

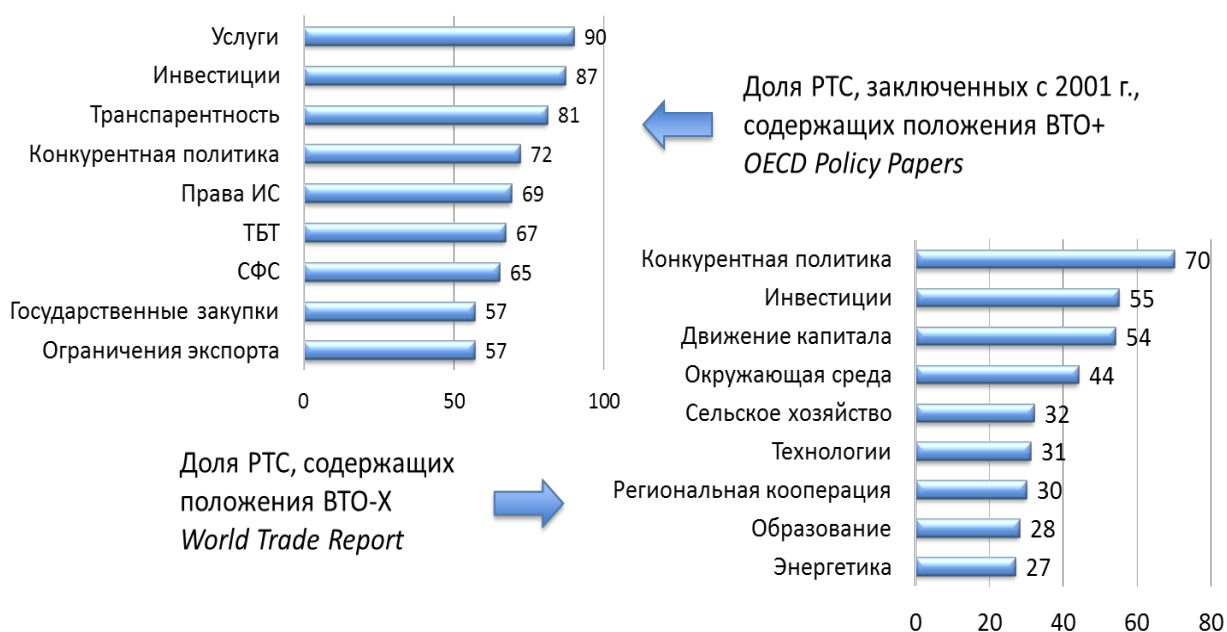
Существуют два ключевых направления регионального экономического сотрудничества: региональная экономическая интеграция (к ключевым региональным блокам в данном случае можно причислить Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Североамериканскую зону свободной торговли (НАФТА), Тихоокеанский Альянс, ВРЭП), а также инициативы,

* Флегонтова Татьяна Александровна — директор Российского центра исследований АТЭС при РАНХиГС (tatyanaflegontova@gmail.com). Статья поступила в редакцию 09.10.2016.

нацеленные на реализацию отдельных практически ориентированных проектов — как, например, ЭПШП, Инициатива Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана Организации Объединенных Наций (ЭСКАТО). Наконец, в регионе существует ряд площадок, функционирующих как форумы для обмена опытом и информацией. К ним можно причислить Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), группу БРИКС, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС). Эти структуры не являются площадкой для переговоров, но несут важнейшую функцию «инкубатора идей».

Содержание региональных торговых соглашений постепенно меняется. Сейчас основной задачей формирования блоков, помимо снижения тарифных ограничений, стало устранение нетарифных барьеров и гармонизация внутриэкономического регулирования. Учитывая относительно низкий уровень тарифной защиты, а значит, и небольшой эффект от обнуления пошлин, стороны блоковых переговоров нацелены на подготовку всеобъемлющих соглашений, включающих такие аспекты регулирования торговли и инвестиций, как правила конкуренции, электронная коммерция, инвестиционная политика, интеллектуальная собственность, экология. В значительной степени положения современных региональных торговых соглашений выходят за рамки повестки ВТО (см. рис.1).

Рисунок 1.
Положения РТС в формате ВТО+ и ВТО-Х

Источники: OECD Deep Provision in Regional Trade Agreements: How Multilateral Friendly? WTO World Trade Report 2015.

Несмотря на то, что в регионе развиваются всеобъемлющие инициативы, существует ряд барьеров для эффективного сотрудничества экономик. В первую очередь, это вопросы институционального характера. Все большую важность, в том числе для России, приобретает вопрос о совместимости многосторонних правил и пересечении полномочий регуляторных структур региональных торговых группировок (так называемая «чаша спагетти»). Значительную роль в решении этих вопросов может играть форум Азиатско-Тихоокеанского Экономического Сотрудничества (АТЭС), в рамках которого возможно создание платформы для взаимодействия

региональных интеграционных группировок. Сейчас в АТЭС в рамках механизма по обмену информацией предполагается, что интересы экономик будут представлены непосредственно самими государствами-членами. Однако здесь вступает в действие эффект «чаши спагетти»: многие экономики АТЭС уже являются членами нескольких существующих региональных блоков и принимают участие в переговорах по созданию новых. Кроме того, очевидно, что у каждого государства имеются чувствительные области в переговорах как на глобальном, так и региональном уровне, что приводит к созданию новой «чаши спагетти» преференций и интересов.

Одним из возможных решений может стать участие в механизме обмена информацией представителей региональных объединений. Иными словами, представители региональных блоков могли бы получить статус гостя или наблюдателя в органах АТЭС, прорабатывающих вопросы межблокового сотрудничества, и возможность выражать консолидированную позицию своего регионального объединения. В пользу этого предложения говорит и то, что ряд блоков (АСЕАН, НАФТА, Евразийский Экономический Союз) обладает необходимыми институциональными структурами в формате комиссии либо секретариата, имеющими полномочия высказывать консолидированные позиции блока. В то же время ряд формирующихся объединений — в первую очередь это касается потенциальных соглашений о создании ТТП и ВРЭП — такими возможностями не обладает. В этих случаях может быть сформирован механизм представительства общих интересов на временной основе. Существует ряд примеров таких механизмов, в том числе система ежегодного сменного председательства в алфавитном порядке членов Тихоокеанского Альянса. Другим примером могут служить коалиции ВТО, сформированные по региональному принципу или принципу единства интересов. В данном случае интересы членов коалиции может представлять неформальный лидер, что позволяет формировать и отстаивать общие позиции по наиболее чувствительным вопросам¹. Несмотря на то, что коалиции ВТО представляют собой неформальные блоки и их решения не носят обязательного характера, они служат примером достаточно эффективного инструмента формирования единых переговорных позиций. Это, с одной стороны, снижает риски создания «чаши спагетти», с другой стороны, расширяет возможности членов такого блока в ходе переговоров².

В 2012 г. была сформирована модельная глава АТЭС по транспарентности в преференциальных и региональных торговых соглашениях (ПТС/РТС)³. В 2014 г. создание механизма по обмену информацией между ПТС/РТС, стало одним из основных достижений Китая в год его председательства⁴. На текущий момент АТЭС ежегодно проводит два политических диалога, направленных на обмен информацией между ПТС/РТС на техническом и высоком уровне.

Будучи региональным форумом с широким представительством, АТЭС может стать платформой для обеспечения транспарентности и обмена опытом и информацией по вопросам региональных торговых соглашений (РТС). Механизм должен включать мониторинг соглашений и сотрудничество как между

¹ На сегодняшний день существует порядка 30 коалиций ВТО, ряд из них имеет ярко выраженного лидера (Бразилия в коалиции по вопросам сельского хозяйства, Австралия в Кернской группе).

² Ptashkina M., Flegontova T. Inter-bloc Communication // APEC Study Center Consortium Conference Proceedings. 11.05.2014. URL: http://apec-center.ru/wp-content/uploads/2015/02/ASCC_Inter-bloc_PUBLICATION.pdf (дата обращения: 30.09.2016).

³ APEC Joint Ministerial Statement 2012 Annex A // APEC. 05.09.2012. URL: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Annual-Ministerial-Meetings/Annual/2012/2012_amm.aspx (дата обращения: 13.09.2016).

⁴ APEC Joint Ministerial Statement 2015 // APEC. 02.12.2015. URL: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Annual-Ministerial-Meetings/Annual/2014/2014_amm.aspx (дата обращения: 13.09.2016).

существующими блоками, так и находящимися на различных этапах переговорного процесса. При этом представительство должно осуществляться не только на уровне отдельных экономик, но и региональных блоков, способных сформировать и представить скоординированные позиции. Если в АТЭС в дальнейшем будет создан подобный сбалансированный и основанный на сотрудничестве механизм, неотъемлемой частью которого будут глубокие преференциальные торговые соглашения (ПТС), он может стать практическим инструментом взаимодействия многосторонних, плюрилатеральных, двусторонних торговых и иных режимов в глобальном масштабе. Это позволит в перспективе сократить дисбалансы и гармонизировать международные правила ведения торговли.

Интеграционная стратегия России

Описанные тенденции несут в себе потенциальные риски для России. Политические риски связаны с тем, что ряд стран расширяет свое влияние на территориях, традиционно находящихся в геополитическом фокусе России (Центральная Азия), в то время как отношения России со странами Запада переживают кризис. Экономические риски заключаются в том, что создаваемые сегодня крупные экономические блоки устанавливают для своих членов правила, выходящие за повестку ВТО и других международных организаций, что означает переход от мультилатерализма к регионализму в связи с торможением переговоров в рамках Доха-раунда. В перспективе это позволит создавать и закреплять новые правила ведения торговли и, соответственно, навязывать правила регулирования странам, не являющимся членами соглашений. Результатом может стать консервация производственных цепочек и цепочек добавленной стоимости на базе существующих региональных объединений.

Сегодняшняя российская интеграционная повестка, связанная с укреплением и расширением ЕАЭС, не достаточно конкурентоспособна в сравнении с амбициозными проектами ТТП и ВРЭП. Инициатива «Экономического пояса Шелкового пути», очевидно, будет конкурировать с российскими БАМом и Северным морским путем. Ответом на эти вызовы должна стать разработка собственной стратегии, позволяющей России включиться в региональную геоэкономическую архитектуру.

Рекомендации для России можно разделить на два ключевых блока: участие в региональной экономической интеграции через подписание соглашений о зоне свободной торговли, а также непреференциальных и преференциальных соглашений с ведущими региональными партнерами; и формирование проактивной повестки по укреплению региональных экономических связей.

Ввиду недавнего вступления России в ВТО и имеющихся у нее текущих обязательств в рамках ЕАЭС оптимальной стратегией может стать постепенное включение в интеграционные процессы в АТР. Проект ВРЭП кажется более актуальным для России, нежели ТТП, так как цели по взаимной либерализации в рамках ВРЭП менее амбициозны, а само соглашение может формироваться по принципу «живого документа». Кроме того, очевидна общая склонность России и партнеров по ЕАЭС к политическому сотрудничеству с участниками ВРЭП, в том числе Китаем и государствами-членами АСЕАН. Моделирование последствий присоединения ЕАЭС к каждому из блоков показало, что рост ВВП государств-членов ЕАЭС будет больше в случае создания блока ЕАЭС — ВРЭП по сравнению с альтернативой в виде ЕАЭС — ТТП.

Если говорить о конкретных шагах, то для присоединения к Партнерству необходимым условием будет заключение Соглашения о ЗСТ с АСЕАН. В настоящее время завершены переговоры о ЗСТ ЕАЭС и Вьетнама, 5 октября 2016 г. Соглашение

вступило в силу⁵. В зависимости от того, насколько успешно и эффективно будет работать соглашение с Вьетнамом, можно будет принимать решение о распространении подобного формата на другие страны АСЕАН. Представители экономических ведомств государств-членов АСЕАН выразили поддержку предложенной Россией в ходе саммита в Сочи в 2016 г. амбициозной инициативы по выходу на соглашение о формировании зоны свободной торговли ЕАЭС — АСЕАН⁶.

Очевидно, необходимо наращивать потенциал сотрудничества и с другими участниками переговоров по ВРЭП (в первую очередь это касается Республики Корея и Китая). Весьма актуальным кажется подписание широких неpreferенциальных соглашений с упором на экономическое взаимодействие. Среди возможных направлений сотрудничества (см. табл. 1) — содействие либерализации, развитию торговли и регуляторной гармонизации, оценка возможностей отраслевого сотрудничества и промышленной кооперации.

Сегодня уже существует ряд инициатив в данном направлении. 25 июля 2016 г. министром по торговле Евразийской экономической комиссии В. Никишиной и министром коммерции Китая Г. Хучэн было подписано совместное заявление о переходе к переговорам по неpreferенциальному партнерству ЕАЭС — КНР⁷. По словам В. Никишиной, в ходе переговоров будет обсуждаться «широкая повестка с выходом на более углубленные договоренности в нетарифной сфере и в части упрощения взаимной торговли. Вопрос пошлин и тарифов через какое-то время будет обсуждаться, но пока говорить об этом рано»⁸.

Среди непосредственно интеграционных инициатив наиболее актуальной видится стратегия постепенной либерализации торговли и инвестиций между ЕАЭС и отдельными членами АСЕАН, которые могли бы подписать соглашения о ЗСТ. Речь идет о таких партнерах как Индонезия, Малайзия, Таиланд: сотрудничество именно с этими странами обладает наибольшим экономическим потенциалом; Индия, также участвующая в переговорах по ВРЭП, а также ряд государств Большого Ближнего Востока: Израиль, Иран, Египет, Пакистан.

⁵ Вступило в силу соглашение о зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и Вьетнамом // Евразийская Экономическая комиссия. 06.10.2016.
URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/06-10-2016-1.aspx> (дата обращения: 07.10.2016).

⁶ Сочинская декларация юбилейного саммита Россия-АСЕАН // Саммит Россия-АСЕАН 2016. 20.05.2016. URL: <http://russia-asean20.ru/documents/> (дата обращения: 13.09.2016).

⁷ ЕАЭС и КНР готовы перейти к переговорам по Соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве // Евразийская Экономическая комиссия. 27.07.2016.
URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/28-06-2016-1.aspx> (дата обращения: 13.09.2016).

⁸ Интервью Министра по торговле ЕЭК Вероники Никишиной // Rambler News Service (RNS). 28.06.2016.
URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/28-06-2016.aspx> (дата обращения: 13.09.2016).

*Таблица 1.
Возможное наполнение непреференциального
соглашения России с КНР и РК*

<p>Торговая политика:</p> <ul style="list-style-type: none"> ➤ Повышение уровня совместимости, обеспечение взаимного признания в области стандартов и регуляторных норм; ➤ Упрощение процедур торговли; ➤ Стимулирование развития конкурентоспособных отраслей в сфере услуг и развитие региональной торговли услугами; ➤ Обеспечение возможностей участия в региональной торговле малых и средних предприятий; ➤ Межгосударственная кооперация (формирование эффективных и транспарентных рынков госзакупок, стимулирование инструментария ГЧП); ➤ Обеспечение принципов транспарентности. <p><i>В перспективе: зона свободной торговли (ЗСТ)</i></p>
<p>Инвестиционное сотрудничество:</p> <ul style="list-style-type: none"> ➤ Обеспечение защиты капитальных вложений; ➤ Повышение доступности, предсказуемости и транспарентности инвестиционной политики. <p><i>В перспективе: двустороннее инвестиционное соглашение</i></p>
<p>Стимулирование развития цепочек добавленной стоимости (ЦДС):</p> <ul style="list-style-type: none"> ➤ Выявление наиболее перспективных отраслевых ЦДС; ➤ Выявление точек роста и секторальных ограничений для эффективного развития; ➤ Обеспечение благоприятных условий для развития региональных ЦДС, в том числе выявление лучших практик, согласование взаимно признаваемых стандартов, формирование секторальных договоренностей. <p><i>Ключевая цель: построение региональных ЦДС</i></p>
<p>Инновации и технологии для устойчивого роста:</p> <ul style="list-style-type: none"> ➤ Технологическое сотрудничество на «рынках будущего», а также использование технологических методов на традиционных рынках; ➤ Содействие развитию инфраструктуры ИКТ и электронной экономики в целом; ➤ Обеспечение защиты данных, безопасности и конфиденциальности сделок, формирование «пространства доверия» в сети Интернет; ➤ Обеспечение эффективной защиты прав интеллектуальной собственности; ➤ Формирование стабильных и безопасных рынков продовольствия. <p><i>Ключевая цель: безопасный, устойчивый и благоприятный для развития инноваций региональный рынок</i></p>

Источник: составлено автором.

Вторым ключевым стратегическим направлением интеграционной активности России в Азиатско-Тихоокеанском регионе может стать участие в Азиатско-Тихоокеанской зоне свободной торговли (АТЗСТ), формирующейся на базе деятельности форума АТЭС. Для того чтобы эта перспектива стала возможной, необходимо признание партнерами России и ЕАЭС в качестве полноправных действующих лиц региональных интеграционных процессов. «Европейский» по своему составу ЕАЭС (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия) сначала не воспринимался как возможный «путь» России к АТЗСТ, однако постепенно азиатские партнеры начинают проявлять понимание, что опыт ЕАЭС должен учитываться при возможном построении АТЗСТ. Признание ЕАЭС на площадке АТЭС

может служить хорошим толчком для активного включения России и партнеров по ЕАЭС в процессы региональной интеграции в АТР.

Значительной частью российской интеграционной стратегии в АТР должно стать включение страны во всех три составляющие региональной взаимосвязанности: физическую, институциональную и взаимосвязанность между людьми. В плане развития физической взаимосвязанности необходима диверсификация глобальных цепочек поставок, в том числе включение российских транзитных возможностей в систему транспортно-логистических связей АТР взамен или в дополнение к уже имеющимся маршрутам; активизация трансевразийского транспортного сообщения между Европой и Азией; развитие потенциала Сибири и Дальнего Востока (оценка за счет использования потенциала таких региональных инициатив, как инициатива Нового Шелкового Пути и Расширенной Туманганской инициативы).

России необходимо участвовать в развитии ЭПШП — проекта, затрагивающего не только вопросы физической инфраструктуры, но и возможности наращивания промышленной кооперации в рамках региональных ЦДС. Можно выделить ряд перспективных направлений, по которым промышленное сотрудничество между ключевыми игроками ЭПШП может быть расширено. Это обусловлено характером конкурентных преимуществ государств-потенциальных участников ЭПШП. В частности, у российских производителей уже имеются сформированные ниши и конкурентные преимущества на рынках продукции химической промышленности, машиностроения, металлургии, целлюлозно-бумажной промышленности, секторов услуг, смежных с производством, ИТ-технологий. Это может быть использовано для закрепления российских производителей на рынках государств ЭПШП и их дальнейшего выхода на более высокие этапы ЦДС.

При этом важно понимать, что эффективность функционирования ЦДС зависит не только от промышленной политики, но и от мер регулирования торговли, включающих, в частности, тарифные и нетарифные барьеры, упрощение процедур торговли, гармонизацию отдельных горизонтальных или отраслевых аспектов регулирования. Те меры, которые уже были реализованы или планируются к реализации в рамках ЕАЭС, могут положительным образом влиять на институциональную взаимосвязанность в рамках ЭПШП и стать базисом для дальнейшего сотрудничества. Таким образом, перспективы сопряжения ЕАЭС с ЭПШП кажутся весьма привлекательными. В частности, уже сегодня может идти речь о разработке дорожной карты практически-ориентированных проектов и механизма их реализации.

Третье возможное направление разворота России на Восток видится в активной работе на различных международных площадках, в том числе АТЭС, БРИКС, ШОС, G20. Необходимо использовать разнообразные формы участия: как проектное наполнение, так и работу в рамках единой стратегии по ключевым направлениям сотрудничества, обсуждаемым в рамках форумов. Особую важность для России имеет участие в деятельности недавно созданных инвестиционных банков, в том числе Нового банка развития БРИКС и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Это обусловлено, среди прочего, актуальностью тематики инфраструктурного развития. Особое внимание России стоит обратить на сотрудничество с АБИИ, который имеет потенциал стать реальным конкурентом Азиатского банка развития и Всемирного банка.

Российская политика «поворота к Азии» в контексте проблем военно-технического сотрудничества

В статье рассматриваются перспективы технологического и военно-технического сотрудничества России со странами Азии после введения в 2014 г. санкций против РФ, затронувших сферы обороны и двойных технологий. Выявлены ключевые факторы, сдерживающие оборонные обмены России в АТР: нацеленность ведущих азиатских партнеров (Индии, КНР) на получение технологий из России и неготовность предоставлять собственные наработки; стремление США ограничить оборонное сотрудничество своих союзников и партнеров в АТР с Россией. Автор приходит к выводу, что военно-техническое сотрудничество РФ с Индией и Китаем достигло максимально возможного уровня, что приводит к необходимости пересмотра соглашений и договоренностей в ближайшем будущем.

Ключевые слова: вооружения и военная техника, военно-техническое сотрудничество, АТР, санкции.

Политика «поворота на Восток» характерна в последние годы не только для России, но и для США и европейских стран, поскольку центр мировой политики и экономики постепенно перемещается в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Возрастает роль крупнейших стран АТР в мировой экономике и решении ключевых проблем международной безопасности и развития.

Интерес России к Азии обусловлен также наложенными с 2014 г. странами Запада экономическими и политическими санкциями из-за украинского кризиса. Под санкции попали технологии двойного назначения и продукция оборонной промышленности. Санкции ограничили технологические обмены и сотрудничество РФ с западными странами, что привело к необходимости замещения той продукции (включая комплектующие) для оборонно-промышленного комплекса, которая ранее поступала из европейских стран. В качестве потенциальных партнеров Москва рассматривала Индию, Китай, Иран, Южную Корею, Сингапур и Японию (в меньшей степени). Следует учесть, что в АТР санкции в отношении России ввели Япония и Австралия, но не вводили в силу как экономических, так и политических причин Китай, Южная Корея, Сингапур, Вьетнам и Малайзия. Южная Корея отказалась вводить антироссийские санкции, несмотря на дипломатическое давление со стороны США.

Политика переориентации на страны Азии в сфере технологического и военно-технического сотрудничества имеет для России значительные ограничения. С одной стороны, они связаны с тем, что ее ведущие азиатские партнеры — Индия и Китай — сами большей частью ориентируются на получение технологий из России и не всегда готовы предоставлять свои разработки. С другой стороны, важную роль играет фактор влияния Соединенных Штатов на политику ряда стран АТР в области технологического и военно-технического сотрудничества (ВТС). Вашингтон делает ставку на развитие тесного взаимодействия в технологической и особенно военно-технической сфере со своими союзниками в регионе и, напротив, применяет

* Евтодьева Марианна Георгиевна — к.пол.н., старший научный сотрудник, руководитель группы Центра международной безопасности НИ ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН (marianna133@mail.ru). Статья поступила в редакцию 30.08.2016.

стратегию сдерживания в отношении потенциальных противников, включая Россию и Китай¹. США стремятся заблокировать некоторые инициативы по укреплению сотрудничества технологически развитых держав (как Европы, так и АТР) с Москвой и Пекином.

Перспективы ВТС России с Индией и КНР

Получение современных военных технологий ставилось одной из главных задач ВТС, которое осуществляли Нью-Дели и Пекин с Москвой на протяжении последних пятнадцати лет. Индия в сфере военно-морской техники реализовывала с Россией проекты по модернизации авианесущего крейсера в авианосец «Викрамадитья», арендовала у РФ атомные подводные лодки, получила несколько партий фрегатов типа «Талвар», закупила радиолокационные системы (РЛС) обнаружения и сопровождения целей «Гарпун» и «Фрегат» и РЛС управления ракетными пусками МР-90 «Орех» (“Front Dome”) для оснащения эсминцев и фрегатов. В области авиатехники Индия закупала истребители Су-30 МКИ для лицензионной сборки, палубные истребители МиГ-29 КУБ с французской авионикой, участвовала в производстве крылатых ракет «БраМос» (в вариантах корабельного, подводного, наземного и воздушного базирования). При этом продолжается совместная российско-индийская программа создания многофункционального истребителя пятого поколения FGFA². В рамках последней Индия, в частности, ставит задачи, что FGFA должен стать малозаметным (стелс-технологии), обладать сверхзвуковой крейсерской скоростью, обеспечивать использование в сетцентрических операциях (предусматривают возможность цифровой связи с другими боевыми системами в режиме реального времени) и иметь передовой радар с активной фазированной антенной решеткой (АФАР), обеспечивающий обнаружение на дистанциях, недоступных для противника³. Таким образом, речь идет о получении Индией высоких технологических навыков и знаний по проектированию самых современных военных самолетов.

Китай заинтересован в развитии и совершенствовании своих технологий производства авиадвигателей. Начиная с 2009 г. КНР активно закупает российские авиационные двигатели АЛ-31 и Д-30, предназначенные для оснащения истребителей Су-27СК, произведенных по российской лицензии, и самолетов собственного производства: истребителей «Чэнду» J-10 и «Шэньян» J-11В, бомбардировщиков «Сянь» H-6К и военно-транспортных самолетов «Сянь» Y-20. Как и Индия, Китай приобретал для своих фрегатов российские РЛС «Фрегат» и МР-90 «Орех», РЛС загоризонтного обнаружения и целеуказания «Минерал-МЭ» (“Band Tilt”), а также РЛС МР-123 для купленных у Украины десантных кораблей «Зубр». В секторе ПВО Китай закупил у Москвы до 20 дивизионов зенитно-ракетных систем (ЗРС) большой дальности С-300 (в версиях ПМУ-1 и ПМУ-2), зенитные ракеты малой дальности «Тор-М1». При этом некоторые российские предприятия, входящие в концерн «ПВО Алмаз-Антей», оказывали содействие в разработке китайских ЗРС

¹ Согласно последним стратегическим документам США (Стратегии национальной безопасности и Военной доктрине, принятым в 2015 г.) Россия, наряду с Китаем, стала рассматриваться в качестве противника США, на которого должны быть ориентированы применяемые ими инструменты сдерживания.

² Аббревиатура FGFA расшифровывается как Fifth Generation Fighter Aircraft (Самолет-истребитель пятого поколения).

³ FGFA нужен Индии для прыжка в будущее // Военный паритет. 18.05.2012.

URL: http://www.militaryparitet.com/perevodnie/data/ic_perevodnie/2938/ (дата обращения: 25.08.2016).

«Хунци» HQ-9 и др.⁴ Стремясь получить доступ к передовым российским системам вооружений, КНР в 2010 г. заявила о желании приобрести зенитно-ракетный комплекс С-400, многоцелевой истребитель поколения 4++ Су-35 с управляемым вектором тяги и дальностью обнаружения целей системой РЛС до 400 км, неатомные подводные лодки (НАПЛ) четвертого поколения проекта 1650 «Амур» с технологиями снижения заметности, низким уровнем шумности и новейшим многоцелевым ракетным комплексом «Калибр-ПЛ» (англ. “Club-s”). По имеющимся сведениям, в ноябре 2014 г. был подписан контракт стоимостью около 3 млрд долл. по поставке российской ЗРК С-400 «Триумф» в Китай. Тогда же появилась информация о возможном подписании контракта о продаже Пекину самолетов Су-35⁵. Что примечательно, в ноябре 2015 г. была заключена договоренность о продаже систем ПВО С-400 Индии, а комитет по закупкам индийского правительства одобрил выделение средств на покупку этих оружейных систем⁶.

Индия и Китай придают большое значение заключению офсетных соглашений или программ с Российской Федерацией при осуществлении ими закупок военной техники. Офсетные проекты предполагают инвестиции в оборонные отрасли стран-импортеров, в том числе создание дочерних и совместных предприятий по сборке поставляемого изделия, производство страной-импортером отдельных его узлов и/или комплектующих, организацию лицензионного производства, передачу технологий для проведения военных НИОКР и т.п. Различные элементы офсетных программ применялись, в частности, в соглашениях о поставках и лицензионном производстве истребителей Су-27 и Су-30, в российско-индийском проекте FGFA, в проекте создания сверхзвуковых противокорабельных ракет «БраМос» и др.

Не теряет остроты ряд проблем в военно-техническом сотрудничестве России с Индией и Китаем. Российско-китайские оборонные обмены по-прежнему осложняют противоречия, связанные с копированием российской военной техники и нарушениями прав интеллектуальной собственности. Возрастает конкуренция между российскими и китайскими производителями вооружения и военной техники на рынках вооружений третьих стран. Одновременно перечень российской военно-технической продукции, в импорте которой Китай был бы заинтересован, все сильнее сужается.

Индийскую сторону, в свою очередь, не всегда удовлетворяет качество реализации российскими компаниями заключаемых контрактов. Кроме того, на сотрудничество отрицательно влияет усиливающаяся конкуренция на индийском рынке закупок вооружений, возникшая вследствие реализуемого страной курса на их диверсификацию. В результате российская сторона стала раз за разом проигрывать объявляемые Индией тендеры по закупкам вооружений и военной техники (ВиВТ). В частности, в 2011 г. РФ проиграла тендеры на поставку для индийской армии ударных вертолетов (выиграл американский AH-64D “Апач”), 12 тяжелых военно-транспортных вертолетов, легких истребителей⁷.

Таким образом, ВТС с Индией и Китаем на нынешнем этапе достигло максимально возможного уровня, если исходить как из принципов осуществления оборонных закупок обеими странами, так и их интересов в военно-технической сфере. В ближайший период назревает необходимость пересмотра принципов и

⁴ Военно-техническое сотрудничество России с иностранными государствами: основы, проблемы, перспективы. / Под ред. Н.И. Калининой. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 152.

⁵ *Minnick, W.* China's Checkmate, S-400 Looms Large over Taiwan // *Defence News*. 6.12.2014; *Novichkov N., Hardy J.* Russia Ready to Supply Standard SU-35s to China, Says Official // *IHS Jane's*. 25.11.2014.

⁶ Индия поспешила с объявлением о поставках российских С-400 // *Взгляд*. 27.04.2016.
URL: <http://vz.ru/politics/2016/4/27/807776.html> (дата обращения: 25.08.2016).

⁷ *Джерелейко Р.* Индия предпочла «Апач» «Ночному охотнику» // *Военное обозрение*. 27.10.2011. URL: <http://topwar.ru/7967-indiya-predpochla-apach-nochnomu-ohotniku.html> (дата обращения: 25.08.2016).

содержательной стороны соглашений между Индией, Китаем и Россией в военно-технической сфере⁸.

Возможности оборонных обменов РФ с Японией и Южной Кореей

Япония и Южная Корея самым тесным образом включены в процессы военно-технического сотрудничества с США: стороны связывают системы договоров по сотрудничеству в области обороны⁹, в этих странах расположены многочисленные американские военные базы. В последние годы США и их азиатские союзники вовлечены в создание американской глобальной системы противоракетной обороны (ПРО). Крупнейшие японские корпорации Mitsubishi Heavy Industries, Mitsubishi Electric и др., работающие с проектами в области обороны, прорабатывают планы сотрудничества с США в области военной авиации, и в том числе по сотрудничеству в доработке американского истребителя F-35.

Эти союзнические отношения крайне выгодны для Японии и Южной Кореи, поскольку США предоставляют союзникам гарантии «ядерного и ракетного зонтика», то есть защиту в случае нападения на них третьей страны. Такое перераспределение обязанностей позволяет азиатским странам значительно экономить на расходах на оборону. Япония и Южная Корея заинтересованы в дальнейшем укреплении альянсов с США в условиях осложнения международной обстановки и возрастания угроз безопасности в АТР.

Несмотря на стратегическое партнерство с США и введение антироссийских санкций, Токио проявляет высокую заинтересованность в переговорах с Россией по широкому спектру вопросов экономического сотрудничества. Возможно, в их повестку могут войти и вопросы технологического сотрудничества.

Однако более перспективным для России может быть налаживание технологического взаимодействия с Южной Кореей и Сингапуром. Эти страны с политической точки зрения более нейтральны по отношению к России и не вводили против нее санкции¹⁰.

Москва и Сеул имеют опыт сотрудничества в сфере противовоздушной обороны (ПВО) и в космической отрасли. К 2011 г. при активном участии ГСКБ «Алмаз–Антей» был создан и презентован предназначенный для южнокорейской ПВО зенитно-ракетный комплекс средней дальности KM–SAM¹¹. В 2013 г. с третьей попытки Южная Корея при участии российского Центра им. Хруничева запустила в космос ракету «Наро–1» со спутником STSAT–2C на борту. Из Южной Кореи в Россию идут поставки микроэлектроники (электронной компонентной базы), в том числе для российских оборонных предприятий¹². У двух стран есть потенциал сотрудничества и

⁸ Соответствующая работа в настоящее время, очевидно, ведется в рамках российско-индийской и российско-китайской комиссий по военно-техническому сотрудничеству.

⁹ *Аничкина Т.* Восточная Азия и ядерный зонтик США // Индекс безопасности. 2010. № 2 (101). С. 66.

¹⁰ В отношении Южной Кореи на этот счет эксперты дают разные оценки. Руководитель проектов Токийского фонда (Япония) Б. Охара указывает, в частности, на неопределенность позиции Южной Кореи: «Для Сеула, который фактически находится в состоянии войны с КНДР, поддержка Вашингтона в сфере обеспечения безопасности является жизненно необходимой. С другой стороны, в Республике Корея сильны и антиамериканские настроения». См.: *Охара Б.* Структура обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии. 9.06.2016. URL: <http://carnegie.ru> (дата обращения: 25.08.2016).

¹¹ В обоих случаях на момент начала работ в первой половине 2000-х гг. рабочих прототипов этих систем не имелось. Российские участники кооперации — «Алмаз–Антей» и НПО им. М.В. Хруничева данные два контракта для отработки своих перспективных систем — ЗРК «Витязь» и ракеты-носителя «Ангара» соответственно.

¹² *Резчиков А.* ГЛОНАСС без нас // Взгляд. 18.09.2014. URL: <http://vz.ru/society/2014/9/18/700412.html> (дата обращения: 25.08.2016); Электроника Южной Кореи. URL: <http://iaamoscow2010.ru/elektronika-yuzhnoj-korei.html> (дата обращения: 25.08.2016).

по другим секторам оборонной отрасли: достаточно сказать, что в 2010 г., еще до заключения соглашения России с Францией по двум вертолетоносцам типа «Мистраль», «Объединенная судостроительная корпорация» предлагала Министерству обороны России рассмотреть вариант закупки вертолетоносца «Докдо» у Южной Кореи по цене дешевле, чем «Мистраль»¹³.

Что касается Сингапура, то эксперты указывают на имеющиеся у него широкие технологические возможности в области электроники, развития и эксплуатации военных и гражданских самолетов, создания новых беспилотных летательных аппаратов, военного кораблестроения (Сингапур, в частности, строит десантные корабли–доки “Endurance”, фрегаты класса “Formidable”, первые из которых были построены по контракту с французской государственной оборонной компанией DCNS)¹⁴. При этом сам Сингапур может быть заинтересован в сотрудничестве с РФ в развитии в стране космической промышленности и проектировании спутниковых систем. Кроме того, Сингапур мог бы импортировать ракетное оружие, основные боевые танки, подводные лодки — то есть те виды ВВТ, развертывание национального производства которых власти страны по экономическим причинам считают нецелесообразным¹⁵.

Проблемы отношений со странами АТР в технологической и военно-технической области будут иметь для России большое значение вне зависимости от того, станут ли дальнейшие события развиваться по пути смягчения западных санкций или же, напротив, санкции не будут отменены в ближайшие годы. Россия сможет продолжать курс на импортозамещение, опираясь как на собственные силы (НИОКР, технологические и производственные ресурсы), так и на возможности технологического сотрудничества с Индией, Китаем, Южной Кореей и рядом других стран АТР.

Значимым для российской стороны станет поиск и выработка новых проектов по сотрудничеству с указанными странами в области технологий и инноваций, в том числе в оборонной сфере. Ограничителями при этом продолжают выступать тесные взаимосвязи между США и рядом ключевых стран АТР в военной и технологической сфере, а также то, что именно западные страны по-прежнему остаются обладателями и разработчиками большинства ключевых технологий, включая технологии военного применения. В АТР Российская Федерация может столкнуться со столь же острой конкурентной борьбой на рынках вооружений и военной техники, а также товаров и технологий двойного назначения, как и в отношениях с ведущими западными промышленными державами.

¹³ ОСК предлагает строить вертолетоносцы типа Dokdo, а не Mistral // РИА «Новости». 15.07.2010. URL: http://ria.ru/defense_safety/20100715/255123802.html (дата обращения: 25.08.2016).

¹⁴ Сингапур импортирует ракетное вооружение, РЛС, гидроакустические станции и силовые установки для своих кораблей.

¹⁵ Денисенцев С. Между центрами силы. Сингапур нашел нишу на мировом рынке вооружений // Военно-промышленный курьер. №8 (623). 2-8.03.2016.

URL: http://vpk.name/news/150598_mezhdu_centrami_silyi.html (дата обращения: 25.08.2016).

Японские «фабрики мысли»: влияние на внешнюю политику и российско-японские отношения

В статье проводится комплексное исследование роли японских экспертно-аналитических структур и их воздействия на отношения с Россией. Автор делает обзор положения азиатских и японских «фабрик мысли» в мировых рейтингах, приводит результаты последних исследований, анализирующих отличительные особенности этих организаций. Дается характеристика деятельности ведущих внешнеполитических «фабрик мысли» Японии. Рассматриваются контакты «мозговых центров» России и Японии в 2010-х гг. и крупные мероприятия с участием экспертов двух стран. Автор делает вывод о неспособности «экспертных центров» самостоятельно устанавливать повестку дня российско-японских отношений по причине финансовых и организационных ограничений. В то же время отмечается польза дипломатии «второго трека», проводимой «мозговыми центрами», в период ухудшения климата двусторонних отношений в 2014–2015 гг.

Ключевые слова: «мозговые центры», «фабрики мысли», экспертное сообщество, российско-японские отношения, дипломатия «второго трека».

«Фабрики мысли»¹ (think tanks), возникшие как продукт англо-американской политической практики, получили широкое распространение в различных странах, став сегодня глобальным явлением. В англо-американской традиции «фабрики мысли» — это относительно автономные организации, которые заняты исследовательской и экспертно-аналитической деятельностью независимо от правительств, политических партий, групп давления и т.д. Данные нормы, однако, не всегда транслируются на другие страны, где под «фабриками мысли» чаще всего понимаются организации, выполняющие аналитические и консультативные функции, в том числе представляющие государственный и корпоративный сектор.

Азиатские «мозговые центры»: положение в мире и оценка деятельности

Согласно рейтингам, оценивающим влияние «мозговых центров» разных стран мира, составленным в рамках программы «Экспертно-аналитических центров и гражданского общества» (The Think Tanks and Civil Societies Program) американского Университета Пенсильвании, если в 2008 г., азиатские «мозговые центры» занимали 11% от их общего числа в мире, то по итогам 2016 г. их доля выросла до 19%. Это позволяет Азии занимать третье место в мире по количеству экспертно-аналитических центров после Северной Америки и Европы. В 2016 г. в Азии

* Вода Кристина Рудольфовна — к.пол.н., младший научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований НИ ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН (vodakris@gmail.com). Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ, проект № 15-18-30069 «Кризис миропорядка: ответы экспертного сообщества»; поступила в редакцию 11.03.2017.

¹ Здесь также «мозговые центры», экспертно-аналитические центры.

насчитывалось 1262 мозговых центра. Для сравнения, в Европе — 1770, тогда как в Северной Америке — 1931².

За последние восемь лет наиболее заметный рывок в создании экспертно-аналитических структур сделал Китай. Если в 2008 г. в Китае насчитывалось всего 74 «мозговых центра», благодаря чему он занимал 12-е место в мире, то в 2016 г. их было уже 435, что позволило КНР выйти на второе место после США. Тем не менее Китай по количеству центров значительно уступает США (1835). Япония в 2016 г. находилась на девятом месте в мире по количеству экспертно-аналитических центров (109). Ее позиция в общем списке стран с 2008 г. не изменилась. Среди азиатских стран с большим количеством «мозговых центров» по данным 2016 г. выделяются Индия (280), Тайвань (52), Республика Корея (35), Гонконг (30). Общее число экспертно-аналитических центров 10-ки АСЕАН — 110. В России в 2016 г. насчитывалось 122 центра (восьмое место в мире).

В последние годы азиатские «мозговые центры» наращивают не только представительство, но и свои позиции в рейтингах. Если в 2008 г. в топ–25 ведущих экспертно-аналитических центров мира не было ни одного азиатского центра, то в 2010 г. в топ–25 попал один азиатский центр (Китайская академия общественных наук), в 2016 г. их было уже четыре: два из Японии, один из Китая, один из Республики Кореи.

В рейтинге, посвященном оценке исключительно азиатских экспертно-аналитических центров, в 2008 г. в топ–25 максимальное представительство было у центров из Японии (семь) и Китая (шесть), Индии (четыре). Китайская академия общественных наук (Chinese Academy of Social Science, CASS) признавалась в 2008 и в 2010 гг. наиболее авторитетным азиатским центром. Рейтинг 2016 г. подтвердил доминирование «мозговых центров» этих стран. В топ–25 попали восемь центров из Китая, семь из Японии, шесть из Индии. Республика Корея сделала заметный рывок в увеличении представительства и наращивании влияния своих экспертно-аналитических центров. В 2016 г. место первого азиатского центра занял Корейский институт развития (Korea Development Institute, KDI). В топ–25 в 2016 г. попало четыре центра из этой страны.

Заметное место занимают азиатские центры в специальных рейтингах, отмечающих особые достижения этих структур. Азиатские центры обладают весомым представительством в рейтинге «лучших государственных центров». В 2016 г. в топ–25 в этой номинации было шесть «мозговых центров» из Азии: пять из Китая, один из Японии. Четыре центра из Китая представлены в 2016 г. в номинации «лучшее научное исследование и доклад». Кроме того, ежегодная конференция Диалог Шангри-ла в Сингапуре признана в 2016 г. третьей лучшей конференцией в мире, проводимой «мозговыми центрами». В топ–30 в этой номинации попали пять конференций, проводимых азиатскими центрами³.

Увеличение количества «мозговых центров» в мире сопровождается возрастающим числом литературы, изучающей данные организации. Большинство исследований сконцентрировано на изучении «мозговых центров» США и других стран Запада. Следует отметить работы Дж. МакГанна, Р. Хааса, Д. Абельсона⁴,

² *McGann J.* 2016 Global Go To Think Tank Index Report. URL: http://repository.upenn.edu/think_tanks/12/ (дата обращения: 10.03.2017).

³ *Ibidem.*

⁴ *McGann J.* Think Tanks and Policy Advice in the United States: Academics, Advisors and Advocates. N.Y., 2009. 212 p.; *Haas R.N.* Think tanks and U.S. Foreign Policy. A Policy Makers Perspective // U.S. Foreign Policy Agenda. 2002. Vol. 7. N 3; *Abelson D.* Do Think Tanks Matter? Assessing the Impact of Public Policy Institutes. Quebec, 2009. 272 p.; *Abelson D.* A Capitol Idea: Think Tanks and US Foreign Policy. Quebec, 2006. 392 p.

посвященные влиянию «фабрик мысли» на процесс выработки и принятия политических решений, а также на разработку стратегий национальной безопасности в этих странах. В отечественной политической науке изучением деятельности структур экспертного сообщества и их воздействия на внешнюю политику западных государств в советский период занимались И. Кобринская, И. Шейдина⁵, а в 2000-е гг. М. Хрусталева, И. Истомин, Ф. Войтоловский⁶ и др.

Расцвет «фабрик мысли» в Азии побудил исследователей дать оценку этому процессу и выявить отличительные особенности азиатских структур экспертно-аналитического сообщества. Д. Стоун анализирует развитие «мозговых центров» в странах Азии, исходя из параметров политических систем, в которых они представлены: характера политического режима, положения бюрократии, уровня развития демократии, степени зрелости гражданского общества, характера законодательства, касающегося неправительственных и некоммерческих организаций, наличия конкуренции между политическими партиями, развития благотворительности, положения частного бизнеса и др. В качестве особенностей азиатских «мозговых центров» Д. Стоун называет их меньшее разнообразие и слабо выраженную специализацию по сравнению с западными структурами. Кроме того, большинство крупных азиатских мозговых центров имеют тесные связи с правительствами своих стран, поэтому их главные функции — это информирование общественности, обоснование и поддержка правительственных решений. Азиатские «фабрики мысли», как правило, не занимают независимую или критическую по отношению к правительству позицию⁷.

К. Начяппан, Э. Мендизабал и А. Датта отмечают, что азиатские «фабрики мысли» часто создаются по инициативе правительств для выполнения исследований по их заказу. В управлении такими «мозговыми центрами» сильна роль правительственной бюрократии, которая использует аналитические и представительские функции «мозговых центров» в своих целях. Данные центры создаются для усиления легитимности и поддержки существующих режимов или лидеров. Другой распространенный в Азии вид экспертных структур — центры при крупных частных корпорациях, исследования которых посвящены экономической проблематике. Деятельность таких «фабрик мысли» направлена на продвижение интересов создавших их корпораций в политической сфере⁸.

Влияние японских «мозговых центров» на внешнюю политику

Несмотря на то, что первые центры открылись в Японии еще в 1950-е гг., они не превратились в значимую в политическом отношении силу и не оказывают заметного влияния на политику государства. Определению причин подобного положения вещей посвящен ряд исследований, вышедших в последние годы.

⁵ Кобринская И.Я. «Мозговые тресты» и внешняя политика США. М., 1986. 63 с. Шейдина И.Л. США: «Фабрики мысли» на службе стратегии. М., 1973. 192 с.

⁶ Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М., 2008. 232 с. Истомин И.А. Фабрики внешнеполитической мысли США // Мировая политика: новые проблемы и направления / под ред. М.М.Лебедевой. М., 2009. Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-е – 2000-е гг. М., 2007. 464 с.

⁷ Stone D. Think Tanks and Policy Advice in Countries in Transition. Public Policy Research and Training in Vietnam. Japan: Asian Development Bank Institute, 2005. P. 38–108.

⁸ Nachiappan K., Mendizabal E., Datta A. Think Tanks in East and Southeast Asia. Bringing Politics Back into the Picture. Overseas Development Institute. London, 2010.

URL: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/6377.pdf> (дата обращения: 10.03.2017).

По мнению А. Имаи, японским «мозговым центрам» не находится места в системе разработки государственных решений по причине того, что главенствующее положение в ней занимает правительственная бюрократия, которая выполняет экспертные и аналитические функции⁹. Высокий престиж государственной службы в Японии позволяет привлекать туда лучших выпускников ведущих ВУЗов. Если при подготовке решений возникает потребность внешней экспертизы, министерства предпочитают обращаться к подведомственным консультативным органам или создавать специальные советы для обсуждения конкретных проблем, членов которых подбирают сами чиновники. Таким образом, спрос на независимое экспертное мнение, которое могут предоставлять «мозговые центры», в Японии снижен.

П. Кельнер и П. Абб отмечают, что большинство японских «мозговых центров» представляют собой коммерческие организации, выполняющие исследования по заказу крупных корпораций или финансовых институтов. Фокус японских «мозговых центров» направлен на экономическую проблематику. Их исследования охватывают такие сферы, как развитие и использование земель, экология, промышленность и т.п. Доля исследовательских проектов по международной проблематике не превышает 10%. П. Кельнер и П. Абб также указывают на то, что японские «фабрики мысли» сталкиваются с нехваткой финансирования и квалифицированных кадров. Большинство экспертных центров почти полностью зависят от государственного или корпоративного финансирования, в то время как пожертвования из частного сектора, которые выступают главными источниками финансирования в США и некоторых других странах, не способны обеспечить наполняемость бюджетов японских аналитических организаций на должном уровне. Кроме того, в отличие от США, в Японии отсутствует система «вращающихся дверей», из-за чего не происходит перетекания кадров между правительством и «мозговыми центрами». В результате лишь малая часть сотрудников экспертных центров имеет опыт работы в исполнительной власти. Данные обстоятельства сказываются на способности японских «фабрик мысли» отстаивать независимую позицию и самостоятельно определять повестку дня¹⁰.

Д. Харано отмечает, что, несмотря на значительный рост числа «мозговых центров» в Азии в начале нового тысячелетия, деятельность японских центров становится менее заметной, а их финансирование сокращается¹¹. В сводном рейтинге из 175 лучших «фабрик мысли» за 2016 г. присутствует только три японских центра, которые при этом не занимают ведущие позиции в своих областях. Так, японский Институт международных исследований (JIА), находящийся на 13-м месте в сводном рейтинге, в списке ведущих внешнеполитических центров занимал в 2016 г. 49-е место. Выше него находятся центры Китая, Индонезии, Сингапура. Д. Харано в качестве причин недостаточного глобального влияния японских «фабрик мысли» отмечает ограничения, которые накладывает японское законодательство на процессы их создания и финансирования. Кроме того, фокус «мозговых центров» чаще всего направлен на работу в интересах компаний или правительственных ведомств, которые финансируют их исследования. Стремление воздействовать на

⁹ Imai A. The Evolving Role of Think Tanks in Japan // Japan Spotlight. 01-02.2013.
URL: <http://www.tokyofoundation.org/en/articles/2013/evolving-role-of-think-tanks> (дата обращения: 09.03.2017).

¹⁰ Kollner P., Abb P. Foreign Policy Think Tanks in China and Japan: Characteristics, Current Profile, and the Case of Collective Self-Defense // International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis. Vol. 70. № 4. 2015. P. 593–612.

¹¹ Harano J. The Shrinking role of Japanese Think Tanks. // Nippon.com.
URL: <http://www.nippon.com/en/features/h00099/> (дата обращения: 10.03.2017).

ход обсуждения глобальных проблем международным сообществом не является для них основным приоритетом¹².

Японские «фабрики мысли», занимающиеся международной проблематикой, можно разделить на три основные категории: 1) правительственные; 2) общественные; 3) корпоративные.

Правительственные

Национальный институт оборонных исследований (National Institute for Defense Studies, NIDS, основан в 1952 г.) — государственное учреждение при министерстве обороны Японии. Ключевые направления деятельности NIDS включают обучение военнослужащих и управленческих кадров, организацию международных обменов с подобными структурами в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и за его пределами, изучение японской военной истории, проведение актуальных в политическом отношении исследований текущей ситуации в области безопасности. Число исследователей NIDS достигает 85 человек. Организация готовит ежемесячные обзорные документы, а также выполняет исследования по заказу министерства обороны. Ведущие сотрудники NIDS проводят брифинги для сотрудников министерства, отвечающих за планирование политики, а раз в год — для министра обороны и премьер-министра Японии. NIDS выпускает ежегодник «Стратегический обзор ситуации в Восточной Азии» (“East Asia Strategic Review”), издаваемый на английском языке и доступный во многих странах мира.

Японский институт международных исследований (Japan Institute for International Affairs, JIIA, основан в 1959 г.) — экспертно-аналитический центр, тесно связанный с министерством иностранных дел Японии. JIIA был основан по инициативе премьер-министра С. Есида, согласно замыслам которого, институт должен работать по модели британского «Чатэм Хаус» (Chatham House) или американского Совета по международным отношениям (Council on Foreign Relations). Японский МИД финансирует большую часть бюджета JIIA, остальную составляют корпоративные и индивидуальные членские взносы. Несмотря на то, что JIIA формально является независимой организацией, тесная связь с МИД поддерживается посредством прикомандирования персонала из министерства. Также руководящий состав института составляют бывшие высокопоставленные дипломаты. Фактически JIIA играет роль одного из инструментов МИД, выступая в качестве площадки для диалога с зарубежными экспертами и политиками.

Общественные

Японский центр международных обменов (Japan Center for International Exchange, JCIE, основан в 1970 г.) в течение многих десятилетий был форумом для обмена мнениями с отдельными зарубежными странами. В частности, JCIE был важным каналом связи с американскими политиками и их группами поддержки.

Исследовательский институт мира и безопасности (Research Institute for Peace and Security, RIPS, основан в 1978 г.) был открыт президентом Академии национальной обороны Японии при поддержке Управления национальной обороны, Министерства иностранных дел и федерации экономических организаций Кэйданрэн. Важнейшим наследием RIPS стала стипендиальная программа для молодых японских исследователей, учрежденная в 1980-х гг. Получателями стипендии были более 100 молодых исследователей, многие из которых продолжили академическую

¹² McGann J. Op.cit.

карьеру. Программа была полезной для создания в Японии экспертного сообщества в области международных политических исследований.

Институт международных политических исследований (Institute for International Policy Studies, IIPS, основан в 1988 г.) был основан премьер-министром Я. Накасонэ, и опирается на солидную финансовую базу в виде фонда размером 50 млн долл., а также ежегодных корпоративных членских взносов. Одной из задач IIPS провозглашалось налаживание более тесных связей и взаимодействия между представителями различных японских бюрократических ведомств, которые на два года прикомандировались к институту. Кроме того, IIPS занимается внешнеполитическими исследованиями, публикацией журналов, готовит рекомендации для лиц, принимающих решения в области международной политики, безопасности, конституционной реформы и т.д.

Токийский фонд (Tokyo Foundation, основан в 1997 г.) получает основное финансирование от организации Nippon Foundation, бюджет которой, в свою очередь, формируется из поступлений от игровой деятельности (ставки на гонки на моторных лодках). Токийский фонд организует несколько диалоговых площадок по международной проблематике. Сотрудники фонда, многие из которых прошли стажировку в американских «мозговых центрах», публикуют справочные материалы, а также участвуют в подготовке рекомендаций для правительства по вопросам политики и безопасности.

Японский форум по международным отношениям (Japan Forum on International Relations, JFIR, основан в 1987 г.). Финансирование JFIR поступает преимущественно из индивидуальных и корпоративных пожертвований, а также грантов на проведение специальных программ и конференций. JFIR занимается организацией и проведением мероприятий с зарубежными партнерами на двусторонней и многосторонней основе, а также готовит рекомендации для лиц, принимающих решения, во взаимодействии с представителями университетской науки. Как и Японский институт международных исследований JIIA, JFIR выполняет функцию связи с внешним миром.

Корпоративные

Институт глобальных исследований корпорации «Кэнон» (Canon Institute for Global Studies, основан в 2007 г.) — единственный экспертно-аналитический центр в области внешней политики, связанный с японской корпорацией. География международных исследований института ограничена Северо-Восточной Азией. Его деятельность включает подготовку будущих кадров для государственного управления с помощью игровых и симуляционных методик. Ведущие исследователи института часто выступают в качестве комментаторов в СМИ по вопросам международной политики.

Влияние «мозговых центров» на развитие российско-японских отношений

Японские экспертно-аналитические структуры имеют определенные связи с Россией. Однако контакты «мозговых центров» двух стран нельзя назвать обширными. Российско-японское взаимодействие на экспертном уровне, как правило, происходит при участии японского МИД. Японское дипломатическое ведомство оказывает организационную поддержку ученым в их поездках по России. Российские структуры часто не имеют финансирования, достаточного для приглашения японских специалистов, а также для отправки своих сотрудников в Японию. Поэтому мероприятия с участием «фабрик мысли» двух стран проводятся при финансовой

поддержке японского правительства. Это позволяет японскому МИД определять тематику встреч, а также приглашать лояльных правительственной позиции экспертов.

Во времена холодной войны в Японии значительное внимание уделялось исследованию ситуации в странах социалистического блока. Одним из ведущих центров, занимавшихся исследованием СССР, считался JIA, выпускавший журнал «Росия кэнкю» (Российские исследования). Однако после распада СССР российские исследования перестали быть направлением деятельности этого «мозгового центра». На сегодняшний день среди сотрудников JIA лишь один владеет русским языком. Специфика работы JIA заключается в том, что вместо содержания многочисленного постоянного штата, институт приглашает специалистов в отдельных областях к участию в выполнении конкретных проектов. В последние годы институт выполнял исследования, посвященные проблемам взаимоотношений Японии с США, Китаем, странами Юго-Восточной Азии, ситуации в американо-китайских отношениях, на Корейском полуострове, в системе международной торговли¹³.

JIA сохранил контакты с российским экспертным сообществом, однако их число ограничено несколькими поездками и мероприятиями в год. В 2014–2015 гг. в Москве и Токио состоялась серия семинаров под общим названием «Роль России и Японии в укреплении безопасности и правового порядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе», организованных JIA совместно с ИМЭМО РАН при финансовой поддержке японского правительства. В ходе встреч подчеркивалась роль экспертного сообщества, которое повышает степень предсказуемости развития ситуации в регионе и ее транспарентности для всех участников. Делается это посредством тщательного изучения ситуации в странах региона и составления прогнозов ее возможной эволюции, а также через постоянный международный диалог экспертов. Отмечалось, что данная функция интеллектуальных контактов особенно важна в периоды охлаждения межправительственных отношений между странами, когда отсутствие или снижение доверия между официальными структурами затрудняет правильное понимание мотивов и целей тех или иных действий и заявлений¹⁴.

ИМЭМО также сохраняет связи с другим японским «мозговым центром»: Научно-исследовательским советом по вопросам национальной безопасности АНПОКЭН. Регулярные двусторонние мероприятия посвящены актуальным вопросам российско-японских отношений, в том числе и проблеме территориального размежевания¹⁵.

Устойчивыми контактами с представителями японского экспертно-аналитического сообщества обладает Российский совет по международным делам (РСМД) — один из ведущих отечественных внешнеполитических «мозговых центров». В 2012 г. РСМД совместно с «Токийским фондом» осуществлял проект «Россия и Япония: пути решения проблем двусторонних отношений». Как отмечают участники проекта, руководителем которого был известный японовед, бывший посол РФ в Японии А. Панов, он был нацелен на «экспертную оценку возможных путей снижения остроты территориального спора, влияния данной проблемы на другие составляющие отношений, возможности развития торговых и экономических связей, сотрудничества

¹³ Japan Institute for International Relations. URL: http://www2.jiia.or.jp/en/research_pub.php (дата обращения: 11.03.2016).

¹⁴ Проблемы безопасности и международного правового порядка в АТР: взгляд из Токио и Москвы. / Отв. ред. – В.В. Михеев, В.Г. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2014. 54 с.

¹⁵ ИМЭМО — АНПОКЭН: новая встреча российских и японских экспертов // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 2. С. 77–82.

в области развития Сибири и российского Дальнего Востока»¹⁶. Как и JIIA, для проведения диалога с российскими экспертами Токийский фонд приглашает специалистов из других японских аналитических центров и университетов. В 2014 г. РСМД и Токийский фонд провели в Токио конференцию «Российско-японский стратегический диалог» с участием заметных представителей экспертного и бизнес-сообщества двух стран, а также представителей дипломатических кругов. Ключевыми темами для обсуждения стали развитие российско-японских отношений после украинского кризиса и возможные области сотрудничества двух стран в сферах экономики и безопасности¹⁷.

Таким образом, экспертные сообщества двух стран сумели сохранить диалог несмотря на то, что после ухудшения отношений России и Запада 2014 г. уровень политических контактов между Россией и Японией был заметно снижен по причине поддержки Японией антироссийских санкций. В данном случае проявилась важная способность «мозговых центров» России и Японии осуществлять дипломатию «второго трека».

Японские внешнеполитические «мозговые центры», несмотря на долгую историю работы и высокие позиции в мировых рейтингах, не оказывают значительного влияния на систему принятия государственных решений. Причины заключаются в недостаточной финансовой самостоятельности и нехватке высококвалифицированных кадров. Лишь немногие «мозговые центры» имеют многочисленный постоянный штат научных сотрудников. В результате японские центры часто заняты выполнением исследований по заказам корпораций или правительственных ведомств, которые наполняют их бюджеты. Это снижает способность «фабрик мысли» определять повестку дня в области внешней политики Японии, в том числе в отношении с Россией. Большинство контактов между экспертами двух стран проходит при финансовом и организационном участии японского МИД. В то же время, японские внешнеполитические «мозговые центры» предоставляют площадку для диалога с зарубежными экспертами и участвуют во взаимодействии по «второму треку». Представительские функции японских центров были задействованы в период ухудшения политического климата между Россией и Японией в 2014–2015 гг., что помогло странам сохранить контакты в этот непростой период их отношений.

¹⁶ Россия и Япония: пути решения проблем двусторонних отношений. Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/projects/project/?PROJECT_ID_4=16#top-content. (дата обращения: 11.03.2017).

¹⁷ РСМД и Токийский фонд продолжают стратегический диалог. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4743#top-content. (дата обращения: 11.03.2017).

Лю С.*

АТР и формирование Большой Евразии: российско-китайское измерение

В статье рассматриваются перспективы формирования Большой Евразии как единого полюса экономического и политического сотрудничества. Проанализированы достижения и проблемы, существующие на этом пути. Изучены особенности российско-китайского взаимодействия как необходимого условия для становления большого евразийского пространства. Рассмотрены основные проблемы, препятствующие диалогу РФ и КНР. Автор делает вывод, что комплексное российско-китайское сотрудничество при определенных условиях может стать ключевым элементом в построении Большой Евразии, и дает рекомендации по данной теме.

Ключевые слова: АТР, Большая Евразия, ЕАЭС, АСЕАН, российско-китайские отношения.

В последние полтора десятка лет двигатель мировой экономики переместился с восточного берега Тихого океана на западный. Страны Восточной и Юго-Восточной Азии действуют все более сплоченно, найдя общую цель — а именно мирное и взаимовыгодное развитие. Исторические конфликты и споры уходят в прошлое, государства региона ищут новые пути и форматы политической и экономической кооперации. Россия также становится заметной частью региона.

Развитие экономики АТР стало центром внимания всего мира, породив множество региональных интеграционных инициатив и проектов: Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Транстихоокеанское Партнерство (ТТП) и др.

После того как страны Восточной и Юго-Восточной Азии добились национальной независимости, они стремились самостоятельно выбрать свой путь развития. В начале XXI в. народы, проживающие в этом регионе, сохраняют общее чувство идентичности. Однако в ходе попыток сближения и налаживания региональных связей они постоянно чувствовали давление извне, со стороны США, и предпринимали попытки противостоять ему. Среди наиболее ярких примеров можно назвать протесты японцев против размещения в их стране военных баз США, а также публичную риторику президента Филиппин Р. Дутерте. Поиск партнеров на пути сплочения восточноазиатских стран перед давлением извне привел их к сближению с Россией, а также со странами Средней и Южной Азии. Постепенно стали вырисовываться очертания Большой Евразии как геополитического проекта, в рамках которого будет создано единое экономическое пространство. Географические рамки Большой Евразии можно очертить от Лиссабона до Шанхая. Целью нашей работы станет анализ проблем и перспектив развития Большой Евразии и лежащего в ее основе российско-китайского взаимодействия.

* Лю Синтао — аспирант РАНХиГС, руководитель проектов Америки и Европы Международного центра образования и обмена Шэньянского Университета (xt83tree@aliyun.com). Статья поступила в редакцию 29.08.2016.

Укрепление евразийских институтов сотрудничества и его перспективы

Сегодня на территории Большой Евразии существует ряд организаций, объединяющих страны из разных регионов и «приближающие» их друг к другу. Так, создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в 2001 г. укрепило безопасность и политическое доверие в регионе и между отдельными странами-участницами (КНР, Россия, Казахстан, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан). В рамках организации обсуждается развитие экономического сотрудничества, энергетических проектов, научного и культурного взаимодействия. Все это помогает создать основу для прочного союза стран региона.

Другой крупный форум — БРИКС — объединяет быстро развивающиеся крупные государства, играющие значительную роль в мировой экономике. Три из них (КНР, Россия и Индия) — важные страны в Большой Евразии. Сформированная изначально в 2006 г. как площадка для обмена информацией и обсуждения наиболее острых финансово-экономических вопросов (в том числе связанных с выходом из мирового экономического кризиса 2008–2009 гг.), сегодня эта организация играет реальную роль в сплочении государств-членов и формировании своей повестки дня на евразийском пространстве. Этому способствовало создание в 2014 г. Нового банка развития БРИКС, который позволяет странам-членам организации не прибегать к кредитам МВФ и других международных финансовых структур, а использовать средства друг друга, вложенные в уставной капитал банка.

В 2015 г. был создан Евразийский экономический союз (ЕАЭС), ставший новым шагом на пути построения Большой Евразии, а также был открыт Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Последний стал одним из крупнейших проектов, направленных на формирование и развитие тесных финансово-экономических взаимосвязей между странами региона.

Все указанные проекты в той или иной степени призваны способствовать росту независимости и самостоятельности стран Евразии от развитых стран Запада, ориентировать их на взаимопомощь и поддержку.

Помимо многосторонних организаций, страны Азии налаживают отношения и в других форматах. Так, в 2010 г. начала работать зона свободной торговли (ЗСТ) Китай-АСЕАН. Средние ставки таможенных пошлин Китая на товары стран АСЕАН предполагается снизить с 9,7 до 0,1%¹. Также между Китаем и АСЕАН налаживается взаимодействие в других сферах: страны будут нести коллективную ответственность за поисково-спасательные работы в море, борьбу с трансграничными преступлениями, проводить морские научные исследования и обеспечивать охрану окружающей среды.

В конце 2015 г. был создан механизм сотрудничества в бассейне реки Меконг (другое название — Ланьцанцзян). Страны, через которые протекает эта река, — такие как КНР, Таиланд, Камбоджа, Лаос, Мьянма и Вьетнам — будут использовать этот механизм в интересах сотрудничества по вопросам сохранения водных ресурсов и увеличения объема торговли и инвестиций².

В 2016 г. в Сочи прошел Саммит Россия — АСЕАН, на котором было решено

¹ Справка: о зоне свободной торговли КИТАЙ — АСЕАН (01.01.2010) // China Central Television. URL: http://russian.cctv.com/program/news_ru/20100101/101808.shtml (дата обращения: 14.03.2017).

² Lancang — Mekong Cooperation: MRC welcomes the New Initiative for Regional Cooperation by Six Countries in the Mekong River Basin (31.03.2016) // Mekong River Commission for Sustainable Development. URL: <http://www.mrcmekong.org/news-and-events/news/lancang-mekong-cooperation-mrc-welcomes-the-new-initiative-for-regional-cooperation-by-six-countries-in-the-mekong-river-basin/> (дата обращения: 14.03.2017).

расширить сотрудничество в области энергетики, инвестиций, туризма, гуманитарной сфере и т.д. В практическую плоскость перешла идея создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН: в августе 2016 г. была создана соответствующая исследовательская группа³. Создание этой зоны вкупе с уже функционирующей ЗСТ Китай – АСЕАН станет решающим шагом для формирования прочного экономического фундамента Большой Евразии. Дополнениями к нему могут служить интеграционные проекты, запущенные в Северо-Восточной Азии: в 2016 г. начала работать зона свободной торговли между КНР и Республикой Корея. Эта зона может расшириться и включить в себя северо-восточные районы Китая, Дальний Восток России, Корею и Японию, которые постепенно начали сотрудничать после холодной войны. Если стороны сумеют оценить это сотрудничество и скоординировать свои действия, этот регион станет важным сегментом в будущей Большой Евразии. Ее формирование завершится, когда произойдет сопряжение ШОС — как политической основы интеграционных процессов на континенте — с ЕАЭС и частью стран Восточной Европы на западе и со странами Северо-Восточной Азии и АСЕАН на востоке.

Барьеры на пути развития Большой Евразии

Несмотря на то, что идея Большой Евразии перспективна, реализацию проекта постепенного создания общего экономического пространства от Шанхая до Лиссабона затрудняет ряд факторов.

Во-первых, это схожесть источников экономического развития Китая, стран Центральной Азии и стран АСЕАН. Все эти государства проводят политику стимулирования экспорта и стремятся привлечь иностранные инвестиции, что создает сильную конкуренцию между ними. Экспортные товары из ЕС, США и Японии по-прежнему имеют большое конкурентное преимущество на рынках этих стран перед национальными продуктами.

Во-вторых, это экономический спад, в котором находятся два основных «двигателя» будущего Евразии — Китай и Россия. В КНР наблюдается замедление темпов роста экономики: рост национального ВВП в 2010 г. составил +10,4%, в 2011 г. он вырос всего на 9,2%, в 2015 — только на 6,9% — худший показатель за последние 25 лет⁴. Динамика роста ВВП в России еще менее радужная: +3,5 в 2012 г., +1,3% в 2013 г., +0,7% в 2014 г. и -3,7% в 2015 г.⁵

В-третьих, это ориентация большинства стран региона на экономические связи и трансфер технологий из стран вне региона — в первую очередь, из развитых стран Запада. Некоторые государства, например, Казахстан, настороженно относятся к политизации Большой Евразии, опасаясь, что этот проект лишит их части политического и экономического суверенитета.

В-четвертых, это сохраняющиеся в Большой Евразии политические трения, способные привести к горячим конфликтам. Так, ядерная программа КНДР и проблемы Корейского полуострова обострили политические разногласия между

³ Алексей Улюкаев: После заключения соглашения о ЗСТ с Вьетнамом усилилась интеграция ЕАЭС с государствами-членами АСЕАН // Министерство экономического развития РФ. 05.08.2016.

URL: <http://economy.gov.ru/minrec/press/news/2016050801> (дата обращения: 14.03.2017).

⁴ ВВП Китая в 2016 г. вырос на 6,7% // ИА Regnum. 19.10.2016.

URL: <https://regnum.ru/news/economy/2194392.html>; Темпы роста ВВП Китая в III квартале 2016 г. сохранились на уровне 6,7% // РИА Новости. 19.10.2016.

URL: <https://ria.ru/economy/20161019/1479517659.html> (дата обращения: 14.03.2017).

⁵ Кондрашов Н. Россия по уровню реального ВВП вернулась в 2008 год // Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ, Комментарии о государстве и бизнесе, 21.01-04.02.2016.

URL: https://dcenter.hse.ru/data/2016/02/07/1140234141/macro_16-02.pdf (дата обращения: 14.03.2017).

блоками США — Япония — Южная Корея и Россия — Китай — Северная Корея. Недавно Республика Корея объявила о размещении американского противоракетного комплекса THAAD, против чего выступали Россия и Китай. К этому же блоку относится проблема принадлежности южных Курильских островов (конфликт России и Японии); тайваньский вопрос, влияющий на стабильность и безопасность ситуации в Восточной Азии (после вступления в должность президента Тайваня Цай Инвэнь в 2016 г. отношения между сторонами Тайваньского пролива стали напряженными⁶); спор о территориальной принадлежности островов в Южно-Китайском море, а также этнические противоречия в странах Юго-Восточной Азии.

В-пятых, это политическое давление на Восточную Европу, оказываемое США и НАТО, а также продолжающийся кризис на Украине. Эти факторы повышают уровень нестабильности в регионе, пугают и отдаляют страны Восточной Европы от соседей, не позволяя создать прочную связку между европейской и азиатской частью Большой Евразии. В то же время Греция, Болгария и другие страны Центральной и Восточной Европы в последние годы начали активнее сотрудничать с азиатскими странами на фоне экономического спада в ЕС.

Как видим, область Большой Евразии остается не только полем сотрудничества, но и ареной политической и экономической конкуренции со стороны как внутренних, так и внешних игроков, что делает задачу построения конгломерата проектов и инициатив в единое региональное пространство весьма непростой.

Российско-китайское сотрудничество в контексте построения Большой Евразии

С точки зрения схожих черт менталитета народов⁷, географического положения, экономического потенциала, стремления к политико-экономической независимости и других факторов Россия и Китай — наиболее явные претенденты на роль ведущих сил в построении Большой Евразии как нового геополитического образования.

Россия в значительной степени заинтересована в сотрудничестве с Поднебесной. Для того чтобы снизить влияние западных санкций и добиться равноправного диалога со странами Запада, России необходимо получить дополнительную поддержку от стран Востока. Несмотря на то, что Китай и страны АТР не смогут в полной мере заменить Москве сотрудничество с Западом, умелое использование и сочетание возможностей, возникающих благодаря реализации проектов «Экономического пояса Шелкового пути» и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, могло бы помочь России повысить свою независимость от западных капиталов и технологий. Это сделает Россию важным центром, объединяющим Евразийский регион.

Что касается Китая, то экономическая конкуренция и политические столкновения этой страны с США сохраняют свою актуальность, и стране также нужен стабильный тыл. В условиях снижения спроса внутри страны, а также на традиционных экспортных рынках растет заинтересованность Китая в поиске новых направлений для экспорта товаров и капитала. Его внимание естественным образом привлекают низкие темпы роста внутреннего производства в восточной части России. Сотрудничество двух стран не только оказало бы поддержку этому

⁶ МИД КНР: вопрос Тайваня — самый чувствительный в отношениях Китая и США // РИА Новости 07.06.2016. URL: <https://ria.ru/world/20160607/1444008576.html> (дата обращения: 14.03.2017).

⁷ Исторически как для России, так и для Китая в обществе было характерно доминирование общественного над индивидуальным, коллективизм как основа выживания, уважение сильного государства, гордость за покорение больших пространств, великодержавность и т.д.

региону, но и создало бы новые направления для его экономического развития.

Уже сегодня экономическое сотрудничество России и Китая во многих сферах носит характер стратегического партнерства, провозглашенного в Совместной российско-китайской декларации в 2002 г.⁸ В области транспортной инфраструктуры Китай планирует вложение инвестиций в размере 400 млрд руб. в строительство высокоскоростной магистрали Москва — Казань⁹. Наряду с этим, другие совместные инфраструктурные проекты могли бы получить финансовую поддержку от фонда «Экономического пояса Шелкового пути» и ЕАЭС.

Энергетическое сотрудничество сторон, хоть и протекает не без сложностей, связанных с ростом добычи американской сланцевой нефти и замедлением экономического роста Китая, развивается и принимает новые формы. Так, согласно протоколу 13-го заседания межправительственной российско-китайской комиссии по энергетическому сотрудничеству¹⁰, представителями двух стран будет разработана комплексная стратегия развития сотрудничества в атомной энергетике.

Говоря о российско-китайском сотрудничестве, нельзя также не сказать о проблемах, тормозящих темпы его развития. Прежде всего, это недостаток взаимного доверия. По причине не всегда достоверного освещения событий в России и Китае мировыми СМИ, а также в отсутствие активной и настойчивой информационно-разъяснительной работы с обеих сторон, у России и Китая остаются серьезные опасения относительно намерений друг друга в экономике и политике. Откровенному диалогу препятствуют сложившиеся с обеих сторон стереотипы¹¹. Кроме того, стороны видят искаженную картину экономической и политической жизни друг друга, потребностей и возможностей взаимодействия.

Далее, это однообразие сфер сотрудничества. Китайско-российское сотрудничество пока ограничивается сферами энергетики, транспорта и торговли. В промышленности, высокотехнологичных отраслях необходимо повышение вовлеченности компаний стран в проекты друг друга. Многие совместные российско-китайские проекты носят краткосрочный характер: отчасти это связано с отсутствием долгосрочных стратегических планов и государственной поддержки сотрудничества. Кроме того, и Россия, и Китай находятся сегодня в нижнем сегменте мировых цепочек добавленной стоимости: одна страна обеспечивает мировой рынок энергоносителями, вторая — рабочей силой. Таким образом, Россия и Китай, развивая сотрудничество, будут неизбежно сталкиваться с такими проблемами, как недостаток высоких технологий, экономической взаимодополняемости и общего видения целей и задач сотрудничества.

Наконец, это отношения с государствами общего соседства. Китай и Россия как крупнейшие державы Евразии естественно стремятся закрепить зону влияния вдоль собственных границ. Однако и российскому, и китайскому руководству следует понимать, что в ходе построения проекта Большой Евразии интересы двух стран

⁸ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Президент России. 01.12.2002. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3546> (дата обращения: 14.03.2017).

⁹ Пресс-релиз: Российско-китайская рабочая группа обсудила перспективы строительства ВСМ Москва — Казань // Российские железные дороги. 29.04.2016. URL: http://press.rzd.ru/news/public/ru?STRUCTURE_ID=654&layer_id=4069&refererLayerId=3307&page3307_810=2&id=87812 (дата обращения: 14.03.2017).

¹⁰ Россия и КНР разрабатывают стратегию по сотрудничеству в атомной энергетике // РИА Новости. 01.06.2016. URL: <https://ria.ru/atomtec/20160601/1441607411.html> (дата обращения: 14.03.2017).

¹¹ Например, в российских СМИ часто муссируется тематика «китайской угрозы» для российского Дальнего Востока, а для отдельных кругов в Китае болезненной является тема «утраченных земель» в Приамурье и в Приморье. Они были «отторгнуты» Россией по условиям Айгуньского и Пекинского договоров 1858 и 1860-х гг., навязанных Российской империей цинскому Китаю.

могут не просто пересечься, но и столкнуться. В качестве примера потенциально опасной тенденции можно назвать расширение сотрудничества России со странами АСЕАН. Наблюдая за действиями России, КНР может задаться вопросом, чью позицию по вопросу о Южно-Китайском море поддержит Россия в случае столкновения Китая и стран АСЕАН. Обратный пример — сотрудничество Китая со странами Центральной Азии и Центральной и Восточной Европы в рамках проекта «Экономический пояс Шелкового пути», степень участия России в котором пока не определена. При нынешнем невысоком уровне доверия между Россией и Китаем, речь о котором шла выше, такие «вторжения» в зону влияния друг друга могут сильно осложнить отношения между странами и негативно сказаться на темпах и качестве построения проекта Большой Евразии.

Судя по всему, при сохранении нынешнего курса США и Европейского союза в отношении России велика вероятность того, что сотрудничество РФ и КНР в политике и экономике будет становиться все более тесным. С точки зрения экономики, акцент сотрудничества будет сделан не столько на объеме, сколько на качественной составляющей. Вероятно, особое внимание должно быть уделено тому, чтобы это сотрудничество способствовало росту инноваций и улучшало качество экономического роста в обеих странах. В этой связи стоит ожидать обсуждений вопроса о едином таможенном тарифе двух стран и о привлечении инвестиционных проектов российских и китайских компаний, соответственно, в Китай и в Россию.

С точки зрения «мягкой силы» России и Китаю следует продолжать усилия по распространению своих культур и созданию новых мировых брендов отечественной продукции, чтобы улучшить свой имидж как в глазах друг друга, так и в третьих странах. Это не только устранил настороженность и опасения России и Китая по отношению друг к другу, но и поможет сформировать новые промышленные проекты, развивать экономики обеих стран. Правительства России и КНР должны следить за тем, чтобы российско-китайские предприятия не только получали выгоду за рубежом, но и способствовали улучшению благосостояния местных жителей.

С точки зрения политики России и Китаю необходимо обратить внимание на свои отношения с государствами общего соседства и государствами-оппонентами друг друга. Для каждой из сторон важно правильно относиться к таким контактам, выстраивать их с осторожностью, уважая национальные интересы друг друга. Пекин и Москва могут воспользоваться двусторонними механизмами взаимодействия на всех уровнях, включая высший, чтобы обозначать свои претензии и заранее сигнализировать о том, какие действия партнера приемлемы, а какое поведение не может быть принято, и где проходит красная черта, которую не следует пересекать ни Москве, ни Пекину.

Если провести параллель с двумя главными государствами ЕС — Германией и Францией, чья инициатива 1951 г. по созданию общего рынка угля и стали со временем привела к рождению Евросоюза, то можно сказать, что России и Китаю необходимо сыграть аналогичную роль в Евразии, принять на себя историческую ответственность за объединение этого региона. Перспективы успеха этого проекта неоднозначны: хотя у евроазиатского консорциума есть признанный потенциал, нельзя игнорировать сложную реальность в двусторонних отношениях ряда азиатских государств, а также наличие разделительных линий в Восточной Европе. Тем не менее существующие наработки России и Китая (КНР имеет зоны свободной торговли с АСЕАН, Пакистаном и Республикой Корея; Россия создала ЕАЭС, имеет большой опыт координации таможенных тарифов) и политическая воля сторон

к сотрудничеству могут сформировать качественную основу для будущей Большой Евразии. Сотрудничество Китая и России в случае успешного поступательного развития превратит эти страны в ядро Большой Евразии. Несмотря на то, что внешнеполитические стратегии сторон, несомненно, различаются, их исторически существующие установки на поддержание мира на евразийском континенте и достижение его экономического процветания остаются прежними и совпадают. Если усилия двух стран будут консолидированы и направлены на эти цели, вероятность уменьшения двусторонних противоречий, а значит, и успеха реализации всего проекта Большой Евразии весьма велика.

Мегарегион Сибирь и АТР: перспективы сотрудничества в энергетике

В статье автор рассматривает перспективы взаимодействия двух мегарегионов — Сибири и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) — в энергетике. Особое внимание уделяется углю — доминантному источнику энергии в обоих мегарегионах, который имеет «грязный» имидж, что интенсифицирует научно-исследовательский поиск новых технологий его использования.

Ключевые слова: мегарегион, Сибирь, АТР, энергетика, уголь, новая промышленная революция, энергетические центры, технологические консорциумы.

Сибирь как мегарегион стала объектом экономического, социокультурного и политологического анализа и предметом междисциплинарного рассмотрения относительно недавно. Концепция мегарегиона Сибирь подразумевает единство пространственного, исторического и культурного развития огромной территории от Урала до Тихого океана.

Более привычным для российского научного дискурса является понятие «макрорегион Сибирь»¹, которое, однако, имеет сугубо экономическую коннотацию и делает акцент на развитии экономических связей и динамике производительных сил в сибирских регионах. Недостаточная комплексность этого подхода и игнорирование целого ряда важных характеристик объясняет появление новых концептуальных подходов к изучению Сибири. Как например, «континент Сибирь» или «сибирские территории». Но и эти концепции кажутся неоптимальными, поскольку не учитывают культурных и социально-экономических факторов². Политико-управленческим подходом можно назвать понимание Сибири как набора административных единиц (федеральных округов) или географическое районирование на Западную и Восточную Сибирь.

Другой подход, предложенный учеными Института экономических исследований ДВО РАН, подразумевает выделение Дальнего Востока в качестве самостоятельного макрорегиона³. При этом российскому пространству, близлежащему к Тихому океану, дается название «Тихоокеанская Россия»⁴. Примечательно, что концепт «Тихоокеанской России» по некоторым причинам включает отдельную макрозону Саха (Якутия), которая традиционно относится к Сибири. Представление о Дальнем Востоке как об отдельном макрорегионе, не

* Горбачева Наталья Викторовна — к.э.н., старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», г. Новосибирск (nata_lis@mail.ru). Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ, проект № 15-07-00034 «Сибирь как мегарегион в полицентричном мире: экономические и геополитические параметры»; поступила в редакцию 15.08.2016.

¹ Макрорегион Сибирь: проблемы и перспективы развития / А.В. Усс, В.Л. Иноземцев, Е.В. Ваганов. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2013. 396 с.

² Судьба континента Сибирь: проблемы развития. Экспертный дискурс: сб. статей / под ред. В.С. Ефимова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. 160 с.

³ Власюк Л.И. Прогнозирование экономики макрорегиона: Дальний Восток / Л.И. Власюк; отв. ред. акад. РАН Минакир П.А. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2012. 208 с.

⁴ Тихоокеанская Россия — 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 560 с.

интегрированном в мегарегион Сибирь, неоптимально с точки зрения не только геополитики, но и экономики, а также социокультурной идентичности. Маловероятно, что концепция «Тихоокеанской России» будет перспективна с точки зрения политической практики. Дробление огромного мегарегиона на части с произвольным выделением отдельной территории, имеющей выход к Тихому океану, представляется опасным. Естественно, возникает вопрос — что является приоритетом для этого региона — выход к Тихому океану или же тесная связь с сухопутной частью мегарегиона Сибири и, следовательно, со всей Россией.

Всплеск российских исследований Арктики в последние годы породил новые конструкты, например, понятие «Азиатский север России», куда входят север Западной Сибири, север Восточной Сибири, север Дальнего Востока⁵. При этом, в «Азиатский север России» включены и такие территории, как, например, Алтайский край, Новосибирская область и другие регионы, которые относятся к Сибири, но северными назвать их сложно. Если и можно говорить об экономических связях по оси «Север — Юг», то ассоциация географически южных регионов Сибири с «северными территориями» представляется когнитивным диссонансом.

Таким образом, ревизия сложившегося понимания Сибири должна носить комплексный и мультидисциплинарный характер, а не быть произвольным толкованием, обусловленным субъективностью суждений и конъюнктурой. Вышеобозначенным критериям, с нашей точки зрения, соответствует понимание Сибири и концепция мегарегиона, впервые изложенные В. Супруном в коллективной монографии «Сибирь: имидж мегарегиона» и представленная на Красноярском экономическом форуме в 2012 г.⁶. Понятие мегарегиона позволяет трактовать рассматриваемую территорию на нескольких уровнях и в разных смыслах, то есть пространственно и исторически, экономически и геополитически, социокультурно и демографически и т.д. Так, в оригинальной интерпретации В. Супруна подчеркивается, что «Сибирь может рассматриваться как мегарегион, обладающий огромным экономическим потенциалом..., своеобразной культурой, типом восприятия, ценностями, которые формируют ценностное ядро культуры мегарегиона..., важнейшим геополитическим значением...»⁷. Понимание Сибири как целостного региона позволяет корректно оценить экономическое и геополитическое значение этой территории, ее важность для существования всей России. Другие же трактовки дробят интегрированную картину Сибири, рассматривают ее фрагментарно или одномерно. Концепт Сибири как мегарегиона позволяет проводить аналитику в контексте масштабных геополитических задач и глобальной экономической стратегии.

Азиатско-тихоокеанский регион (АТР) также можно рассматривать как отдельный мегарегион. По мнению видного японского аналитика К. Омаэ, глобализация экономических процессов стирает картографические границы отдельных государств, а экономическая интеграция, общность культуры, схожие ценности, вопросы безопасности и др. становятся смычкой для новых территориальных образований⁸. Факторы возникновения новой организации регионального пространства изучает известный канадский экономист Р. Флорида. Он выделил 40 мегарегионов, на которые приходится более 66% мирового выпуска и

⁵ Лаженцев В.Н. Север России: вопросы пространства и территориального развития. Сыктывкар: ИСЭиЭПС, Коми научный центр УрО РАН, 2015. 176 с.

⁶ Сибирь: имидж мегарегиона / Под ред. В.И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2012. 364 с.

⁷ Супрун В.И. Сибирь как мегарегион: концепция и реальность // Идеи и идеалы, №1(127), т.1, 2016. С.124–135.

⁸ Ohmae K. The End of the Nation State: the Rise of Regional Economics. Free Press, New York, 1995. 214 p.

более 85% генерации инноваций⁹. При этом трактовка мегарегиона Р. Флориды отличается от К. Омаэ. Если К. Омаэ делает акцент на межстрановой интеграции, переплетении экономик, культур, человеческого капитала, юрисдикций различных стран, регионов и др., то Р. Флорида изучает, прежде всего, отдельные высоко-урбанистические территории внутри разных стран.

Другая трактовка представлена Л. Зевиным. Он выделяет семь мегарегионов, в рамках которых происходит экономическая консолидация — это Европа, Азия, Северная Америка, Южная и Центральная Америка, Ближний Восток, Африка и СНГ¹⁰. Л. Зевин предлагает разделять региональные интеграционные процессы на две стадии — начальную и стадию выхода на уровень самоподдерживающейся интеграции.

В данной статье концепция Сибири как мегарегиона в большей степени соответствует разработкам К. Омаэ. В отличие от него, В. Супрун рассматривает мегарегион Сибирь как аналитическую модель в пределах единого экономического, культурного и политического пространства России. Единый страновой контекст позволяет объяснить, с одной стороны, неразрывность процессов, происходящих в Сибири и России, а с другой стороны, сбалансировать пространственное развитие России с учетом новых интеграционных процессов в Сибири со странами АТР.

Энергетический ландшафт мегарегиона Сибирь и АТР

Предлагаемый нами концепт мегарегиона Сибирь генерирует новое содержание стратегии взаимодействия России со странами АТР в сфере энергетики¹¹. Социально-экономические контексты мегарегиона Сибирь и стран АТР во многом различны (по демографии, урбанизации и т.д.), но их роднит высокая значимость углеводородов для обеих экономик. Мегарегион Сибирь включает в себя 73% территории, 23% населения и 25% ВВП России. На страны АТР приходится 60% населения земного шара, 46% мирового ВВП и ежегодная добыча 4 млрд т ископаемого топлива. Энергетический профиль мегарегиона Сибирь, в котором добывается более 90% угля и газа и около 70% нефти в России, определяет углеводородный характер взаимодействия этого мегарегиона со странами АТР (см. табл. 1).

*Таблица 1.
Энергетический контент сотрудничества России и АТР, 2014 г.*

Ископаемые источники	Доля АТР в экспорте России, %	Основные направления экспорта в АТР
Нефть	31,4	53% идет в Китай, 22% — в Японию, 8,6% — в Южную Корею и др.
Газ (СПГ)	6,7	62% идет в Японию, 30% — в Южную Корею и др.
Уголь	44,2	35% идет в Китай, 27% — в Южную Корею, 23% — в Японию и др.

Источник: составлено по данным IMF World Economic Outlook, 2015.

⁹ Florida F., Guldenb T., Mellander C. The Rise of the Mega-Region // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society, 2008. No. 1 (3). P. 459–476.

¹⁰ Зевин. Л. Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве // Мировая экономика и международные отношения. Т. 60. № 8. 2016. С. 26–33.

¹¹ Горбачева Н.В. Мегарегион Сибирь: энергетика и индустриализация в ретроспективе и перспективы реиндустриализации // Идеи и идеалы. 2016. № 1. Т.1. С.151–166.

По прогнозам Минэнерго РФ, экспорт углеводородов в АТР будет расти с учетом реализации новых энергетических проектов, таких как проект транспортировки газа «Сила Сибири», открытие новых угольных разрезов в Якутии, расположенных ближе к морским портам транспортировки, и др.

В то же время в структуре импорта основных торговых партнеров РФ в АТР доля российских поставок не очень значительна и, как правило, не превышает 10% (см. табл. 2). Высока зависимость выделенных стран АТР от поставок энергоносителей с Ближнего Востока — Катара, Саудовской Аравии и др. Изменчивость международно-политической обстановки в этом регионе делает экспорт энергоресурсов из России привлекательным. Кроме того, несмотря на низкие цены на нефть на мировом рынке, российские компании остаются конкурентоспособными. Издержки производства одного барреля в нефтяном эквиваленте для российской компании «Роснефть» составляют 4 долл., для нидерландской Shell — около 6,5 долл., для британской BP — около 13,5 долл.

Таблица 2.
Доля поставок из России в структуре импорта стран АТР, 2014 г.

	Россия		
	нефть, %	газ, %	уголь, %
Япония	8,2	1,0	6,5
КНР	11	2,5	3,1
Южная Корея	4,0	5,0	14,0

Источник: составлено автором по данным МВФ.

Среди других причин конкурентоспособности российских нефтегазовых компаний: а) девальвация рубля, при которой большая часть издержек российских компаний снизилась почти в 2 раза в долларовом эквиваленте; б) использование газового конденсата и новых месторождений (Талаканское, Верхнечонское, Ванкорское, Уватское), инвестиции по которым были сделаны еще до 2014 г. в период высоких цен на нефть; в) прогрессивная шкала налогообложения в нефтегазовом секторе, в рамках которой налоги снижаются с падением цен на нефть; г) налоговые каникулы для месторождений, расположенных в Восточной Сибири, до 2022 г.

Новые месторождения, расположенные в Сибири, и принятые налоговые и финансовые меры увеличивают рентабельность ресурсной специализации этого мегарегиона. Если в 2014 г. экспорт российской нефти в страны АТР был 31,4%, то к 2025 г. планируется его увеличить до 40%. Следовательно, углеводородная специализация мегарегиона Сибирь в отношениях России и АТР в ближайшем будущем будет только усиливаться.

Роль отдельных видов энергоносителей во взаимодействии Сибири и АТР

Перспективы экспорта газа из России в АТР туманны по причинам разных прогнозов относительного спроса на него со стороны стран АТР, прежде всего Китая, и из-за неясных возможностей инфраструктуры по его транспортировке. Согласно российской Энергетической стратегии — 2035, экспорт газа в страны АТР будет расти, во многом благодаря реализации проекта «Сила Сибири». В рамках этого амбициозного проекта планируется строительство разных маршрутов трубопровода, дискуссии по которым до сих пор продолжаются. По оценкам экспертов, до 2025 г.

будет востребован только один маршрут «Сила Сибири», пока спрос со стороны Китая не возрастет многократно.

Кроме того, пересмотр крупных проектов добычи сжиженного природного газа (СПГ) в Сибири приводит к тому, что его экспорт перестает быть приоритетом в сотрудничестве со странами АТР. Например, строительство завода по производству СПГ во Владивостоке в настоящее время приостановлено, расширение проекта «Сахалин-2» также заморожено до 2021 г. Таким образом, высокая степень неопределенности в осуществлении газовых проектов снижает вероятность того, что газ станет двигателем энергетического сотрудничества России со странами АТР. Это, в свою очередь, затрудняет возможность изменения энергетического ландшафта Сибири за счет газификации сибирских регионов.

Если рассматривать АТР как единый мегарегион, то уголь остается доминирующим источником энергии — здесь аккумулируется более 80% мирового потребления. В обоих мегарегионах — Сибири и АТР — более 50% электроэнергии вырабатывается на угле. Несмотря на алармистскую риторику относительно перспектив изменения климата, значительное количество угольных электростанций еще планируется построить в этих регионах (планируемое число проектов и совокупная мощность проектов приведены в табл. 3).

*Таблица 3.
Доля энергетических проектов на угле в России и странах АТР, 2012 г.*

Страна	Количество планируемой к вводу мощности (МВт)	Доля выработки электроэнергии на угле, %	Количество проектов
Китай	557 938	68	363
Вьетнам	34 725	16	30
Индонезия	8 360	39	17
Чили	6 742	25	12
Австралия	5 456	83	9
Филиппины	3 915	23	15
Камбоджа	3 570	5	5
Япония	3 200	23	4
Малайзия	2 600	26	3
Южная Корея	2 000	43	2
Россия	48 000	15	н/д

Источник: Ailun, Yang, and Yiyun Cui. Global Coal Risk Assessment: Data Analysis and Market Research. WRI Working Paper. World Resources Institute, Washington DC. 2012. 76 p.

Доминирование угля на энергетическом ландшафте как мегарегиона Сибирь, так и многих стран, входящих в АТР, привлекает внимание к перспективам взаимодействия в сфере угольной генерации. Однако будущему угля в мировой энергетике мешает его «грязный» имидж — высокий уровень выбросов оксида серы, азота, углекислого газа при его сжигании, а также небезопасные способы добычи угля и золошлаковые отходы¹². Несмотря на страновые различия в технологиях, при сжигании угля выделяется в 2 раза больше CO₂, чем при сжигании газа.

Новые технологии позволяют обойти этот недостаток угля, хотя это стоит больших инвестиций. Если сопоставить издержки на строительство и обслуживание в течение всего жизненного цикла одной угольной электростанции, то ее стоимость сопоставима со строительством атомной станции. Операционные издержки угольных

¹² Горбачева Н. Угольная генерация в условиях нового индустриального развития // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. №6. С. 42–51.

станций также высоки. Например, в США в 2013 г. была введена в эксплуатацию угольная электростанция нового поколения, в которой используются традиционные технологии, но с добавлением инновационного решения — технологии улавливания и хранения CO₂ (позволяет улавливать до 65% CO₂). Себестоимость 1 кВт·ч этой станции в два раза выше, чем газовой¹³. Также существуют высокие риски при внедрении промышленного образца в силу неопробованности новых технологий.

С целью распределения экономических издержек и минимизации технологических рисков в странах АТР создаются международные консорциумы. Китай и США создали в 2009 г. исследовательский центр U.S. — China Clean Energy Research Center (CERC) с пятилетним объемом финансирования НИОКР в 50 млн долл. (25 млн долл. предоставлено со стороны Китая, 12,5 млн долл. выделено Министерством энергетики США (DOE) и 12,5 млн долл. выделили американские компании). Япония активно создает технологические консорциумы, подобные Центру угольной энергии (Japan Coal Energy Center), которые объединяют исследовательские усилия многих стран АТР в преобразовании угля, который важен для этих стран как источник энергии.

Российские компании также реализуют некоторые точечные, локальные проекты. Например, во Вьетнаме машиностроительная компания «Силовые машины» и энергокомпания «Интер РАО» планируют построить тепловую электростанцию The Quang Trach 2 с установленной мощностью 2400 МВт. Главный недостаток проекта — он не носит прорывного технологического характера и осуществляется без создания международного технологического центра. Для того чтобы проект способствовал появлению новых прорывных разработок, необходимо объединить финансовые ресурсы государства и частных компаний. Только такой подход даст импульс для встраивания России в набирающий силу тренд новой промышленной революции, которая характеризуется не только кардинальной сменой технологических укладов, в том числе в энергетике, но и значимыми изменениями в экономике и социуме¹⁴.

Следует отметить, что в России есть успешный опыт реализации комплексных решений: в компании «Росатом» строительство зарубежных энергетических объектов сопровождается развитием образовательных и исследовательских программ для инженерных кадров будущих электростанций, а также внедрением финансовой модели, которая предполагает создание особой кредитной линии для бесперебойного строительства объектов. Данный подход обеспечивает «Росатому» конкурентоспособность на мировом рынке и в долгосрочной перспективе.

Результаты проведенных нами интервью с основными стейкхолдерами угольной отрасли России¹⁵ показали, что у России в целом и мегарегиона Сибирь в частности есть солидный исследовательский и научный потенциал в энергетической сфере¹⁶. В России пока сохраняются научные школы и инженерные традиции. По обеспеченности инженерными кадрами Россия превосходит Германию и сопоставима с Южной Кореей.

Новый проект создания энергетического кольца с азиатскими странами, анонсированный на Дальневосточном экономическом форуме в сентябре 2016 г., задает еще одно направление сотрудничества мегарегиона Сибирь и АТР.

¹³ Special issue. Energy // Time Magazine. 15.12.2013.

¹⁴ Более подробно о новой промышленной революции см., например: *Marsh P.* The New Industrial Revolution: Consumers, Globalisation and the End of Mass Production. Yale University Press, 2012. 320 p.

¹⁵ Интервью с представителями энергетических компаний «Интер РАО», «РусГидро», угольной компании СУЭК и др., исследовательского центра ВТИ и др.

¹⁶ *Gorbacheva N.V., Sovacool B.K.* Pain Without Wain? Reviewing the Risks and Rewards of Investing in Russian Coal-Fired Electricity // Applied Energy. 2015. Vol. 154. P. 970–986.

По оценкам японских экспертов, риски для выработки электроэнергии повышаются в странах АТР ввиду международно-политической неопределенности поставок с Ближнего Востока, нарастающих климатических и других природных угроз в этом регионе, а также роста уязвимости электросетей к кибератакам¹⁷. Создание энергетического кольца призвано минимизировать эти риски в данном регионе. Строительство электросетей сопряжено с необходимостью ввода дополнительных электростанций суммарной мощностью порядка 6 ГВт в мегарегионе Сибирь, для того чтобы производить около 50 млрд кВт·ч экспортного потока. Масштаб и технологическая насыщенность проекта энергокольца позволяет создать сеть многопрофильных энергетических центров в мегарегионе Сибирь со странами АТР, что подразумевает создание «кольца» для перетока электроэнергии, технологий и знаний.

Наш основной вывод заключается в том, что у мегарегиона Сибирь и России в целом есть неплохие перспективы сотрудничества в энергетике со странами АТР. Представляется, что экспорт нефти останется более привлекательным, нежели газа, в связи с приостановкой крупных проектов добычи газа и замедлением темпов реализации строительства газопровода «Сила Сибири». Однако сохраняющаяся сырьевая специализация мегарегиона Сибирь в контексте взаимоотношений России и АТР настоятельно требует формирования международных технологических консорциумов. Такой подход позволит использовать не только колоссальные энергетические ресурсы мегарегиона Сибирь и стран АТР, но и задействовать научно-исследовательский, промышленный, организационный потенциал в парадигме новой промышленной революции. На наш взгляд, в мегарегионе Сибирь в угольной отрасли также существует значительный потенциал для осуществления инновационной деятельности. Для его реализации необходимо участие России в создании международных энергетических центров со странами АТР.

¹⁷ *Koyama K.* Thinking about Various Risks for Electricity Supply Security // IEEJ Special Bulletin. September, 2016.

Российские компании в США: прямые иностранные инвестиции после 2000 г.

В статье представлен анализ динамики российских прямых инвестиций в США, исследованы факторы и условия их размещения с учетом региональных и отраслевых особенностей рынка США, дана оценка роли российского капитала в экономике отдельных штатов и страны в целом. Автор прослеживает изменения инвестиционной активности российских компаний в условиях санкционного режима. Отмечено, что финансирование промышленных предприятий сокращается в связи с изменением структуры спроса на внутриамериканском рынке и экономической ситуации в России. Перспективы присутствия компаний с российским капиталом на американском рынке оцениваются как неблагоприятные.
Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, российские ТНК, мировой финансовый кризис, санкции, изменение спроса, рынок США.

США занимают особое место как среди стран АТР, так и среди партнеров России на международной арене. И если особенности политического диалога между двумя странами хорошо известны и находятся под постоянным пристальным вниманием экспертного сообщества, то экономические связи этих стран — вероятно, в силу их ограниченного характера — чаще всего остаются вне исследовательского фокуса. Тем не менее торговые связи, стратегические альянсы и совместные проекты отдельных компаний создают ту среду, в которой развиваются отношения государств, и тот контекст, в котором принимаются политические решения. Иностранные инвестиции — один из ключевых факторов развития международных экономических отношений, в том числе и двусторонних связей. В настоящей статье мы предпримем попытку проанализировать российские прямые инвестиции в США и на примере конкретных проектов показать их особенности, динамику и наметить перспективы.

Общая картина российской инвестиционной экспансии в США

В последнее десятилетие наблюдался рост активности российских компаний в Северной Америке, хотя их роль в экономике США пока остается весьма скромной. Россия не входит в двадцатку крупнейших инвесторов, а число тех отраслей, где российские компании имеют активы, невелико. Основные средства направляются в сверхкрупные дорогостоящие проекты. Крупнейшие обладатели активов на территории США в настоящее время — добывающие компании «ЛУКОЙЛ» и «Уралкалий» (правда, обе вложили средства лишь в торговые предприятия), а также промышленные транснациональные корпорации «Новолипецкий металлургический комбинат» (НЛМК), «Трубная металлургическая компания» (ТМК), «ЕВРАЗ» (все три представляют металлургию), «Ростсельмаш» и лидеры российской сферы интернет-технологий «Яндекс», Luxoft и Mail.ru Group. Данные о реализованных инвестиционных проектах этих компаний в США представлены в табл. 1, где компании ранжированы в порядке убывания капитализации на конец 2015 г. Капитализация

* Мамыркин Глеб Дмитриевич — младший научный сотрудник НИ ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (glebmatyrkin@yandex.ru). Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ (проект № 14-28-00097 «Оптимизация российских внешних инвестиционных связей в условиях ухудшения отношений с ЕС»), поступила в редакцию 01.12.2016.

рассматривается как показатель, отражающий возможности компании для инвестиций за рубежом. До 2014 г. в этом списке присутствовала и череповецкая «Северсталь» и «Норильский Никель».

*Таблица 1.
Крупнейшие российские компании нефинансового сектора экономики,
обладающие активами на территории США*

Название компании	Сфера деятельности	Кап*, млн долл.	Локации активов	Проекты
«ЛУКОЙЛ»	Нефтяная и нефтегазовая промышленность	27 456	Нью-Джерси, Дэлавер, Пенсильвания, Нью-Йорк	Сети автозаправочных станций Getty Petroleum
«Уралкалий»	Химическая и нефтехимическая промышленность	7174	Чикаго (Иллинойс)	Торговая фирма Uralkali Trading Chicago
НЛМК	Черная металлургия	5165	Портириж (Индиана), Шарон (Пенсильвания), Фарелл (Пенсильвания)	Металлопрокат (NLMK US)
Mail.ru Group	Информационные технологии	4693	Маунтин-Вью (Калифорния)	My.com
«Яндекс»	Информационные технологии	4356	Пало-Альто (Калифорния)	Yandex-lab
«ЕВРАЗ»	Черная металлургия	1635	Портленд (Орегон), Пуэбло (Колорадо), Чикаго (Иллинойс), Денберри (Коннектикут), Хот-Спрингс (Арканзас)	Evrax NA, Evrax Scrator
Luxoft	Информационные технологии	1600	Нью-Йорк, Сиэтл (шт. Вашингтон)	Представительства
ТМК	Сталелитейная продукция	827	Пенсильвания, Кентукки, Айова, Техас, Арканзас, Оклахома, Небраска, Огайо	ТМК IPSCO; OFS International LLC

Примечание: кап – капитализация*

Источник: ТОП–100 крупнейших по капитализации компаний России — 2016. РИА Рейтинг.

Характер инвестиций и время выхода компании на рынок США зависят, прежде всего, от отраслевой специфики компании. Российские сырьевые корпорации и металлургические компании, занимающие твердые позиции на мировом рынке, часто не испытывали существенной конкуренции при выходе на американский внутренний рынок. Высокую активность при этом проявили ТНК металлургической и нефтегазовой промышленности (например, компания «Морские и нефтегазовые проекты» в 2002 г. и «Базовый элемент» в 2007 г.). На рынок США вышли также лидеры авиаперевозок крупногабаритных грузов, такие как «Волга–Днепр» и Polet Cargo Airlines.

Характер активов и динамика прямых инвестиций значительно различались. Отечественные металлургические компании были нацелены в первую очередь на приобретение уже существующих предприятий (в угольной отрасли или непосредственно в металлургии). Ключевую роль здесь играл фактор уже сформированной производственной базы, а также спрос на внутриамериканском рынке. В большинстве случаев американские филиалы смогли обеспечить высокую конкурентоспособность и доходность на американском рынке благодаря высокой базовой эффективности и интенсивной модернизации производственных мощностей с помощью инвестиций российских материнских компаний.

Динамика инвестиционной активности

Начало инвестиционной деятельности в США положили российские нефтяные компании. В 2000 г. компания «ЛУКОЙЛ» за 71 млн долл. приобрела сеть автозаправочных станций Getty Petroleum (более 1200 АЗС), а в январе 2004 г. — еще почти 800 АЗС, принадлежащих компании Conoco Phillips (сумма сделки оценивалась в 375 млн долл.). В 2004–2012 гг. «ЛУКОЙЛ» владел в США 2,2 тыс. АЗС, в настоящее время их число сократилось до 578.

Наиболее высокие темпы роста накопленных российских инвестиций в экономике США наблюдались в середине первого десятилетия 2000-х гг. В 2003 г. «Норильский никель» за 364 млн долл. приобрел 56% акций корпорации Steelwater Mining, занимающейся производством и сбытом металлов платиновой группы, прежде всего, палладия. В 2006 г. «ЕВРАЗ» приобрел предприятие Oregon Steel Mills — завод по производству стального проката, сварных и профильных труб и рельсов. Сумма покупки составила 2,3 млрд долл.

В 2008 г. интерес к американскому рынку проявили и другие российские металлургические компании. Так, череповецкая «Северсталь» купила компании Esmark и VCI Steel соответственно за 1,24 млрд и 331 млн долл., а спустя два месяца и компанию по производству коксующегося и энергетического угля PBS Coal, Inc. за 1,3 млрд долл. Кроме того, в 2008 г. компания «ЕВРАЗ» получила согласие американских властей на приобретение в США 93% акций (стоимостью около 565 млн долл.) компании Claymont Steel, производящей стальной лист. В марте этого же года «ЕВРАЗ» приобрел американско-канадскую металлургическую компанию IPSCO за 4 млрд долл. и перепродал ранее приобретенные американские трубные активы российской ТМК. Стоимость сделки превысила 1,7 млрд долл. НЛМК приобрел 100% акций крупнейшего производителя трубной продукции John Maneely Company, объединяющего 11 предприятий в США и Канаде. Сумма сделки составила 3,53 млрд долл. Помимо этого в 2009 г. 400 млн долл. было инвестировано в активы металлургической компании Beta Steel.

До 2008 г. российские компании не сталкивались с существенными препятствиями для лоббирования своих интересов. Правда, после российско-грузинского конфликта в августе 2008 г. в правительстве США активно обсуждалось возможное ограничение доступа российских предприятий к сырьевой базе и стратегическим отраслям промышленности, но тогда никаких мер принято не было. Сделки, проведенные в 2008–2009 гг. в основном завершали ранее намеченные договоренности.

Мировой финансовый кризис снизил активность российских инвесторов на американском рынке, но после завершения острой фазы кризиса в 2013 г. российские инвестиции в американскую экономику вновь выросли. Объем накопленных прямых инвестиций в США (включая сделки с участием офшорных стран-посредников) увеличился более чем в 2 раза: с 10,6 до 20,1 млрд долл.

(табл. 2). В основном это произошло за счет приобретений, сделанных «ЕВРАЗом» и ТМК.

Таблица 2.
Динамика накопленных российских прямых инвестиций в США, 2009–2013 гг. (по состоянию на конец отчетного года), млн долл.

	2011	2012	2013	2014	2015
Объем накопленных прямых инвестиций, по данным ЦБ РФ, млн долл. (включая финансовый сектор)	9 145	10 557	20 943	6 572	6 434

Источник: Прямые инвестиции из Российской Федерации за рубеж. Статистика внешнего сектора ЦБ РФ.

Этот же период ознаменовался крупными сделками по продаже российских активов в США. Так, в 2014 г. «Северсталь» избавилась от всех активов в этой стране, завершив период своего присутствия на американском рынке сделкой на сумму 2,33 млрд долл. Общие же затраты компании на покупку и развитие американских заводов с 2004 г. составили 2,8 млрд долл¹.

В условиях экономических санкций, введенных США в 2014 г. в отношении некоторых российских физических и юридических лиц в связи с крымскими и украинскими событиями, постепенно менялась и общая картина российских инвестиций на американском рынке. Как и в случае с глобальным экономическим кризисом, спад активности здесь происходит с заметным временным лагом. Объемы российских активов в США сократятся, как ожидается, лишь в случае пролонгации и ужесточения действующих санкций.

Вместе с тем действующие санкции уже вносят коррективы в планы российских компаний, о чем свидетельствует, например, срыв запланированной сделки между «Роснефтью» и Morgan Stanley оценочной стоимостью в 400 млн долл. Ее не удалось завершить в силу ограничений, введенных со стороны американских регуляторов в декабре 2014 г.

Компании, располагающие активами на территории Соединенных Штатов, стремятся избежать попадания под экономические санкции. В частности, по этой причине «Ростсельмаш» в 2014 г. прекратил официальные отношения со своим давним симферопольским поставщиком деталей для сельскохозяйственной техники.

В настоящее время поток прямых инвестиций российских компаний реального сектора в американские активы существенно замедлился. Во многом это обусловлено чисто экономическими причинами, в первую очередь падением спроса на продукцию металлургической отрасли и возрастающей конкуренцией с азиатскими производителями. Но немаловажную роль сыграла и неблагоприятная внешнеполитическая обстановка, вынуждающая потенциальных инвесторов отказываться от размещения производственных мощностей в США в пользу внутрироссийских проектов. Так, компания «ЕвроХим» в марте 2015 г. отложила строительство завода по производству удобрений стоимостью 1,5 млрд долл. в штате Луизиана.

¹ Kuznetsov A. Outward FDI from Russia and its Policy Context, Update 2011 // Columbia FDI Profiles. 02.08.2011. P.1–20.

Региональные особенности инвестирования

Российские металлургические и машиностроительные предприятия направляли свои инвестиции главным образом в промышленные регионы с развитой инфраструктурой (штаты Пенсильвания, Огайо, Индиана и Техас). НЛМК приобрела активы американской Beta Steel в штатах Пенсильвания и Индиана. Такой выбор определялся близостью к основному потребителю проката — John Maneely Company. Учитывался и тот факт, что в Пенсильвании высокий уровень концентрации промышленных предприятий сочетается с хорошей образовательной инфраструктурой и развитым рынком трудовых ресурсов. «Северсталь» же приобретала свои американские активы в основном в штате Огайо, где сосредоточены металлургические заводы и производство коксующегося угля.

Принимая инвестиционные решения, российские компании также брали в расчет то, что Пенсильвания, Индиана и Огайо — штаты с благоприятным для металлургических компаний инвестиционным климатом, где действуют специальные программы по привлечению иностранных инвесторов.

Российские инвесторы размещали штаб-квартиры дочерних предприятий, филиалов и представительств в крупнейших городах США, где сконцентрированы административные, юридические и финансовые ресурсы. Так, в Нью-Йорке расположены представительства крупных банков и компаний сферы информационных технологий, например, американский офис Luxoft. В Чикаго зарегистрирован трейдер «Уралкалия», отвечающий за операции в Северной Америке².

Наибольшее разнообразие в локации активов характерно для ТМК и «Ростсельмаша». У первой американская штаб-квартира находится в Техасе, там же размещены некоторые производственные активы. Трубные заводы ТМК есть также в Пенсильвании (два объекта по выпуску высококачественных труб как для магистральных нефте- и газопроводов, так и для отопительных сетей), Кентукки (производство стандартных труб), Огайо (продукция для проведения глубоководных работ), Арканзасе и Айове (трубы для нефтегазового сектора), а также в Оклахоме (обработка и тестирование продукции компании) и Небраске (продукция широкого профиля для сельского хозяйства, промышленности и строительства). Заводы «Ростсельмаша» локализованы как в сельскохозяйственных штатах Среднего Запада США, так и в промышленных штатах Приозерья, причем с ориентацией и на потребителей сельскохозяйственной техники, и на поставщиков деталей.

Инвестиции Mail.ru Group в США — это главным образом венчурные вложения в стартапы, ориентированные преимущественно на американского потребителя. Компании «Лаборатория Касперского» и «Яндекс» разместили свои активы в Кремниевой долине, что обеспечивает целый ряд преимуществ: повышает репутацию компании, расширяет возможности для профильной кооперации, облегчает выход на местный рынок.

При размещении исследовательской лаборатории Yandex Labs в городе Пало-Альто руководство компании учитывало и крайне благоприятную с финансовой, законодательной и институциональной точки зрения атмосферу Кремниевой долины, где предусмотрены налоговые льготы для исследовательских и проектных организаций. Большое значение имело также наличие кластеров компаний, объединяющих разные звенья производства продукции сферы информационных

² Jackson, James K. CRS Report Prepared for Members and Committees // The Committee on Foreign Investment in the United States (CFIUS). 06.03.2014. URL: <http://www.crs.gov> RL33388 (дата обращения: 03.11.2016).

технологий. Все это должно было способствовать как повышению скорости внедрения инноваций, так и продвижению на американский рынок, ориентированный на предпочтения местного потребителя.

В последние несколько лет произошел существенный сдвиг в структуре спроса на ключевых для российских компаний сегментах американского рынка. В частности, в 2009–2016 гг. значительно упал спрос на продукцию металлургических предприятий, что связано с ускоренным ростом поставок продукции азиатских производителей в США. Качество и ассортимент импортируемой продукции также возросли, вследствие чего спрос на дорогостоящий прокат, произведенный внутри страны, существенно снизился. Это отразилось и на активах, приобретенных российскими металлургическими компаниями, что побудило инвесторов, в частности «Северсталь», к их продаже в 2014 г.

Вместе с тем существенно вырос спрос на продукцию трубной промышленности, в том числе вследствие резкого роста добычи сланцевых углеводородов. Это послужило основным стимулом для серии последних приобретений ТМК и трубопрокатного подразделения «ЕВРАЗ» на территории США.

В условиях санкций, а подчас и прямого препятствования совершению сделки со стороны американских государственных регуляторов, от некоторых проектов в США пришлось отказаться. При сохранении подобной ситуации у российских компаний могут возникнуть проблемы с продвижением своих интересов, чего не наблюдалось ранее³. Возможно, значительная часть сделок, запланированных на 2017 г., будет благополучно завершена, но число новых инициатив скорее всего сократится.

Режим санкций и политическая напряженность отнюдь не способствуют развитию межгосударственных экономических отношений, что уже приводит к ощутимым потерям для инвесторов⁴. В случае же улучшения политических отношений активизируются и потоки капитала, выгодные для рынков обоих государств.

³ ТОП–100 крупнейших по капитализации компаний России – 2016 // РИА Рейтинг.
URL: <http://riarating.ru/infografika/20160127/630007042.html> (дата обращения: 03.11.2016).

⁴ *Kuznetsov A. Investment Relations between Russia and the USA // The Russian Economy and Foreign Direct Investment / Ed. by K. Liuhto, S. Sutyurin and J.-M. F. Blanchard. Routledge, 2016.*

Особенности подхода федерации экономических организаций Кэйданрэн к диалогу с Россией

В статье проанализирована деятельность японской федерации экономических организаций Кэйданрэн в СССР и России. Рассмотрены ключевые механизмы и инструменты работы Кэйданрэн. Сделан вывод о значимом вкладе организации в формирование институциональной основы российско-японского торгово-экономического взаимодействия. За годы работы в СССР, а затем и в России Кэйданрэн отладила каналы связи между японским бизнесом и представителями российской власти, превратившись в одно из ключевых звеньев для поддержания российско-японского диалога.

Ключевые слова: Кэйданрэн, Россия, Япония, сотрудничество, экономика.

Доминирование политических проблем в повестке дня российско-японских отношений не снижает значимости их экономического взаимодействия. При этом для формирования более полного представления о развитии деловых отношений между Россией и Японией важно учитывать работу различных субъектов, вовлеченных в построение двусторонних связей. В Японии весомое влияние на внешнеэкономическую деятельность оказывают специальные корпоративные объединения, определяемые общим термином «дзайкай» (деловые круги). К ним относятся Кэйданрэн (Федерация экономических организаций), Никкэйрэн (Федерация предпринимательских организаций), Кэйдзай доюкай (Ассоциация корпоративных единомышленников), Ниссе (Торгово-промышленная палата)¹. Дзайкай создавались в послевоенный период для контроля над административной и финансовой политикой Японии, а также с целью консолидации усилий корпораций для экономического восстановления. Кроме того, дзайкай представляли интересы корпоративного сектора в политике. Воздействие на политическую сферу осуществлялось посредством партий, которые бизнес финансировал через систему пожертвований².

Наиболее влиятельным объединением среди дзайкай считается Кэйданрэн³. Оценке деятельности Кэйданрэн посвящен ряд работ в советской историографии. Я. Певзнер определял ее как квазиправительственную организацию. Он выделил способы влияния Кэйданрэн на внешнюю торговлю Японии: собственную деятельность организации, а также участие отдельных ее представителей в правительственных отраслевых ассоциациях внешней торговли⁴. Помимо лоббирования интересов корпоративного сектора в правительстве Японии, Кэйданрэн координирует работу множества зарубежных миссий. Взаимодействуя через миссии с правительствами принимающих стран, организация поддерживает работу японского крупного бизнеса.

* Полхова Екатерина Владимировна – аспирантка Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (polkhovez08@yandex.ru). Статья поступила в редакцию 03.03.2017.

¹ Певзнер Я.В. Государство в экономике Японии. М.: Глав. ред. вост. лит, 1976. С. 212.

² Окумура Хироси. Корпоративный капитализм в Японии. С. 137–138.

³ Watanabe Osamu. The Weakness of the Contemporary Japanese State // The Political Economy of Japanese Society: The State or the Market? Vol. 1. Oxford: Oxford University Press. 1997. P. 120–121.

⁴ См. напр. Певзнер Я.В. Указ.соч. С. 196. Кутаков Л.Н. Москва — Токио: очерки дипломатических отношений, 1956–1986. М.: Международные отношения, 1988. С. 45.

Заметную роль Кэйданрэн играл и в развитии экономического взаимодействия между Японией и СССР, а затем и Россией.

Деятельность Кэйданрэн в СССР

Во взаимодействии Кэйданрэн и СССР точкой отсчета можно считать совместную Советско-японскую декларацию 1956 г., заложившую фундамент экономического сотрудничества двух стран. Несмотря на то, что правительство Японии во главе с премьер-министром И. Хатояма поддерживало курс на улучшение отношений с Советским Союзом, глава Кэйданрэн И. Тайдзо выступил против расширения советско-японского экономического взаимодействия. Такая позиция была обусловлена, прежде всего, негативной реакцией Вашингтона на сближение Токио с Москвой⁵. Представители японского бизнеса не могли допустить разлада с США, поскольку от доступа на американские рынки зависело послевоенное восстановление японской экономики.

Первые реальные шаги на пути к сотрудничеству были предприняты с подписанием Соглашения о товарообороте между СССР и Японией на период 1960–1962 гг. Реализация Соглашения привела к более чем двукратному росту товарооборота между странами⁶. Стремление Японии увеличить масштабы торговли с Советским Союзом было обосновано сугубо экономическими причинами: необходимостью расширить рынки сбыта японской продукции, а также получением доступа к новым источникам сырья и топлива⁷.

В августе 1962 г. состоялся визит в СССР японской делегации промышленников и предпринимателей, представлявших компании тяжелого химического машиностроения, судостроения, электромашиностроения, текстильной и целлюлозной промышленности. Главной целью визита провозглашалось укрепление личных связей, которые должны были стать базисом для дальнейшего развития торговых отношений. Стоимость контрактов, заключенных во время поездки, достигла 25 млн долл⁸. Несмотря на успех визита, в Японии росли опасения по поводу негативной реакции со стороны США на экспорт странам советского блока продукции, произведенной на японских предприятиях с американским капиталом. Хотя в делегации присутствовали семь представителей Кэйданрэн, шесть из которых занимали должности исполнительных директоров, президент организации Т. Исидзака отмежевался от поездки, заявив, что Кэйданрэн не имеет к ней отношения⁹.

Тем не менее советско-японское экономическое взаимодействие было продолжено. 5 февраля 1963 г. подписано соглашение о товарообороте и платежах на новый трехлетний срок (1963–1965 гг.). По оценкам советской историографии, важное значение для развития торгово-экономических отношений в этот период имели визиты в СССР в 1965 г. делегации, возглавляемой вице-президентом Кэйданрэн К. Уэмура, а также поездка руководителей металлургических компаний во главе с С. Нагано. Визиты ознаменовали изменение позиции японских деловых кругов по экономическому сотрудничеству с СССР. По их итогам главы делегаций опубликовали доклады, в которых отмечались успехи промышленного развития СССР, обозначались возможности освоения Сибири и Дальнего Востока, делался вывод о выгодном

⁵ *Кутаков Л.Н.* Москва — Токио: очерки дипломатических отношений, 1956–1986.

М.: Международные отношения, 1988. С. 45.

⁶ *Кутаков Л.Н.* Внешняя политика и дипломатия Японии. С. 354–355.

⁷ *Hollerman L.* Foreign Trade in Japan's Economic Transition // In *The Japanese Economy in International Perspective*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1975. P. 176–177.

⁸ *Кутаков Л.Н.* Внешняя политика и дипломатия Японии. С. 358–359.

⁹ Там же. С. 360–361.

характере дальнейшего сотрудничества. В результате, крупнейшие японские компании (Мицуи, Мицубиси, Марубэни, Ито-тью) решили осуществлять торговые операции с СССР напрямую¹⁰.

В июле 1965 г. были созданы советско-японский и японо-советский комитеты по экономическому сотрудничеству, ориентированные на развитие долгосрочных торговых связей между двумя странами¹¹. В советский комитет вошли руководящие работники Министерства внешней торговли, Госплана, Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике, МИД и ряда других министерств¹². Японский комитет состоял из руководителей крупнейших организаций японского бизнеса: Кэйданрэн, Торгово-промышленной палаты, крупных промышленных и торговых корпораций. Его в разные годы возглавляли видные деятели делового мира Японии: вице-президент Кэйданрэн К. Уэмура и президент Ниссе С. Нагано. Таким образом, сложился постоянно действующий консультативный механизм в области торгово-экономического взаимодействия СССР и Японии, а также важный канал связи между советскими внешнеторговыми организациями и политическими лидерами Японии¹³.

В 1960–1970-е гг. развитие советско-японских торгово-экономических отношений шло нарастающими темпами. В 1966 г. срок действия торговых договоров был увеличен до пяти лет. В 1968 г. было подписано Генеральное соглашение о кредитных поставках в СССР японской стороной оборудования для освоения лесных ресурсов Дальнего Востока¹⁴. Важную роль в двустороннем взаимодействии стала играть энергетика. 8 января 1975 г. было подписано Генеральное соглашение о сотрудничестве в области разведки, обустройства месторождений добычи нефти и газа на шельфе Сахалина и о поставке нефти и газа с этих месторождений в Японию на десять лет. Разведка должна была проводиться усилиями советских специалистов. Советская сторона в счет кредитов получала японские плавучие буровые установки и буровое оборудование, а также специальные суда¹⁵. Кроме того, обсуждались проекты строительства порта в бухте Врангеля (1970 г.) и нефтепровода из Тюмени до Находки¹⁶.

28 июля 1976 г. в Токио были подписаны межправительственные документы о предоставлении кредитов СССР на закупку в Японии комплектных предприятий по производству удобрений, синтетического каучука и газоперерабатывающих заводов на сумму свыше 450 млн долл. В выполнении этих заказов планировалось участие более 800 японских фирм. Большой резонанс в Японии вызвал визит в СССР делегации Кэйданрэн во главе с председателем Т. Доко, которая 13 августа 1976 г. была принята Л. Брежневым. В ходе визита Т. Доко отметил рост торговли и масштабов сотрудничества между странами, а также уделил внимание долговременному взаимодействию с СССР, которое поддерживали японские деловые круги¹⁷. С 1965 по 1979 г. Кэйданрэн активно участвовала в налаживании и поддержании торгово-экономических отношений Японии с Советским Союзом, уделяя особое внимание в конце этого периода энергетическим проектам.

¹⁰ СССР и Япония. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1987. С. 310–311.

¹¹ Голунская Н. В. Механизм формирования экономической дипломатии Японии // Япония 1981. Ежегодник. М.: Глав. ред. вост. лит. 1982. С. 126.

¹² СССР и Япония. С. 327–328.

¹³ СССР и Япония. С. 310–311.

¹⁴ Кутаков Л. Н. Москва — Токио. С. 91–92.

¹⁵ СССР и Япония. С. 350.

¹⁶ Curtis G.L. The Tyumen Oil Development Project and Japanese Foreign Policy Decision-Making // The Foreign Policy of Modern Japan. Berkeley: University of California Press, 1977. P. 155. 147–173.

¹⁷ Вербицкий С. И. Внешняя политика Японии: в поисках новой роли в мире сил // Ежегодник 1977. М.: Глав. ред. вост. лит. 1978. С. 76–77.

Однако вектор советско-японского сотрудничества не был изолирован от воздействия извне. 1980-е гг. стали непростым временем для двустороннего диалога из-за ввода советских войск в Афганистан и последующего присоединения Японии к антисоветским санкциям. В конце января 1983 г. министр иностранных дел С. Абэ заявил о том, что позиция Японии будет более жесткой, чем у западных стран, добавив, что «свою экономическую мощь Япония будет использовать в качестве оружия против СССР». Затем правительство Я. Накасонэ, провозгласило принцип «неразрывности экономики и политики» в качестве основного подхода к отношениям с СССР¹⁸. Санкции болезненно сказались на сотрудничестве в области энергетики, и в особенности — на разработке шельфовых месторождений острова Сахалин, поскольку из-за расширения списка Координационного комитета по контролю над экспортом в социалистические страны были наложены ограничения на поставки новейших технологий в СССР¹⁹. В Японии единое мнение по данному вопросу отсутствовало. Во-первых, все обязательства по уже заключенным контрактам выполнялись исправно. Во-вторых, после того, как администрация президента США Р. Рейгана запретила поставку не только оборудования, производимого по американским лицензиям, но и продукции иных иностранных компаний, под давлением деловых кругов японское правительство не стало присоединяться к санкциям, оставив этот вопрос на усмотрение компаний²⁰. Уже в 1982 г. Япония в обход санкций договорилась о поставках в СССР 1 млн т труб большого диаметра на условиях коммерческого кредита²¹.

Таким образом, при ведущем участии Кэйданрэн во времена СССР были заложены основы и сформирована институциональная база взаимодействия между Токио и Москвой. Оформилась специфика двусторонней торговли: доминирующими статьями советского экспорта стали сырьевые товары; у японской стороны приобретались машины и оборудование; при этом сделки заключались преимущественно на компенсационной основе. Следует отметить, что среди представителей деловых кругов Японии, в том числе и в Кэйданрэн, существовали различные взгляды на развитие отношений с СССР. Поляризация мнений бизнес-сообщества возрастала по мере роста напряженности международной обстановки, когда компании, ориентированные на США, выступали резко против сотрудничества с Советским Союзом. В то же время вовлеченные в энергетические проекты в СССР фирмы придерживались более сдержанных позиций, а иногда даже шли вразрез с доминировавшим политическим курсом.

Кэйданрэн в современной России

После распада СССР Япония столкнулась с необходимостью выстраивать новую систему политических и экономических отношений с Российской Федерацией. В 1994 г. была создана Российско-японская межправительственная комиссия по торгово-экономическим вопросам²². После финансового кризиса 1998 г., Москва и Токио, используя каналы комиссии договорились о предоставлении Японией финансовой

¹⁸ Петров Д.В. Внешняя политика Японии в 1983 г.: курс на подрыв разрядки // Ежегодник 1984. М.: Глав. ред. Восточной литературы издательства «Наука». 1985. С. 85–87.

¹⁹ Петров Д.В. Внешняя политика Японии в 1985 г.: трудный выбор // Ежегодник 1986. М.: Глав. ред. Восточной литературы издательства «Наука». 1987. С. 87.

²⁰ СССР и Япония. С. 382–383.

²¹ Кутаков Л.Н. Москва — Токио. С. 216.

²² Российско-японские торгово-экономические отношения // Информационно-аналитический бюллетень. №10 (специальный выпуск). Государственная Дума Федерального Собрания РФ. Депутатская группа по связям с парламентом Японии, 2001. С. 4.

помощи на проведение структурных реформ в российской экономике, в частности, в угольной промышленности²³.

Символическое значение приобрел визит делегации Кэйданрэн в Россию в мае — июне 2001 г. Это была первая миссия за 25 лет, которую возглавил председатель организации — Т. Имаи²⁴. 250 представителей Кэйданрэн посетили регионы Дальнего Востока, Ленинградскую область, Нижний Новгород, Москву. В ходе визита обсуждались вопросы научно-технического, энергетического сотрудничества, а также перспективы инфраструктурных проектов. 6 июня был проведен Второй японо-российский форум высоких технологий²⁵. Возобновилась работа российско-японского и японо-российского комитетов по экономическому сотрудничеству — преемников структур, существовавших во времена СССР. В новых комитетах японскую сторону представляла Кэйданрэн, а российскую — Российский союз промышленников и предпринимателей²⁶.

На территории России в настоящее время японские компании присутствуют в Москве, Санкт-Петербурге, Татарстане, Калужской, Липецкой, Тульской, Ярославской, Нижегородской, Самарской, Ульяновской, Свердловской, Иркутской областях, Республиках Саха и Бурятия, Приморском крае²⁷. Наибольшей привлекательностью для представителей японских компаний обладает европейская часть России, затем идут Дальний Восток и Поволжье²⁸.

Основными задачами деятельности Кэйданрэн на российском направлении названы: 1) обмен мнениями с представителями российской власти и делового сообщества; 2) отправка в Россию миссий; 3) проведение совместных заседаний японо-российского и российско-японского комитетов по экономическому сотрудничеству; 4) разработка для российской стороны рекомендаций по улучшению бизнес-среды в рамках осуществляемой экспертно-аналитической деятельности²⁹.

Заседания японо-российского и российско-японского комитетов по экономическому сотрудничеству проходили регулярно с 1993 г. В 2001, 2007, 2008, 2013 гг. Кэйданрэн отправляла миссии в Россию. Две из них — в 2007 и 2013 гг. — на Дальний Восток³⁰. Ключевой темой визитов представителей японского бизнеса в РФ в это время было углубление сотрудничества в области энергетики.

В 2000-е гг. получил распространение новый формат российско-японского торгово-экономического диалога: организация форумов с участием представителей власти и бизнеса двух стран. Российско-японские экономические форумы прошли в Санкт-Петербурге в 2005 и 2009 гг., собрав более 500 представителей с обеих сторон. В 2013, 2014, 2015 гг. японо-российский комитет по экономическому сотрудничеству стал организатором Российско-японского форума «Точки соприкосновения». В апреле 2013 г. в форуме в Москве приняла участие самая представительная делегация японских бизнес-кругов, с приветственным словом выступил премьер-министр Японии С. Абэ³¹.

²³ Панов А.Н. Россия и Япония: становление и развитие отношений в конце XX — начале XXI века (достижения, проблемы, перспективы). М.: Известия, 2007. С. 125–126.

²⁴ Diplomatic Bluebook 2002. Токио: Ministry of Foreign Affairs. P. 66.

²⁵ Программа пребывания делегации Кэйданрэн в России // Информационно-аналитический бюллетень. №10 (специальный выпуск). Государственная Дума Федерального Собрания РФ. Депутатская группа по связям с парламентом Японии, 2001. С. 6–7.

²⁶ Панов А.Н. О Японии. С. 425.

²⁷ Towards the Deepening and Broadening of the Japan-Russia Economic Relationship. P. 8.

²⁸ Результаты анкетного опроса относительно условий ведения бизнеса с Россией (2014 фин. год). Обзор // Федерация экономических организаций Японии эйданрэн. 27.11.2014. С.7.

²⁹ Towards the Deepening and Broadening of the Japan-Russia Economic Relationship // Keidanren. Japan-Russia Forum 2014. 9.09.2014, Moscow. P. 2.

³⁰ Ibidem.

³¹ Президент РСПП Александр Шохин принял участие в японо-российском форуме «Поиск возможностей для более широкого сотрудничества» // РСПП. 30.04.2013.

Кроме того, 9–10 сентября 2014 г. прошел второй форум «Точки соприкосновения: бизнес, инвестиции, культура». Примечательно, что форум состоялся несмотря на рост международной напряженности в связи с украинскими событиями³². По итогам четвертого Российско-японского инвестиционного форума, прошедшего в 2014 г., было подписано 13 меморандумов и соглашений на сумму в 2,5 млрд долл³³. Таким образом, несмотря на то, что многие ведущие российские государственные деятели и крупнейшие компании находились под западными санкциями, японский бизнес стремился продолжать вести дела в России и поддерживать диалог с российским правительством.

Деятельность Кэйданрэн также включает изучение условий ведения бизнеса в России. С 2005 г. регулярно проводятся анкетные опросы японских компаний, что позволяет оперативно отслеживать изменения их настроений. По данным опроса 2015 г., значительная доля компаний заинтересована в ведении бизнеса на территории России. Несколько снизились опасения среди японских компаний в связи с развитием украинского кризиса и ростом напряженности международной обстановки. В числе факторов, осложняющих ведение бизнеса в России, отмечалось падение цен на нефть, санкции, неопределенность экономических перспектив, сырьевая зависимость экономики³⁴.

Кроме того, эксперты Кэйданрэн проводят анализ долгосрочных тенденций, способных повлиять на развитие российско-японских торгово-экономических отношений. Так, среди проблем двустороннего взаимодействия отмечаются: трудности диалога с исполнительной властью, запутанность бюрократических процедур, сложности с получением виз, частые изменения правовой и налоговой систем, непрозрачность импортно-экспортных процедур, высокие процентные ставки по кредитам, политика российского правительства, направленная на импортозамещение и др. С другой стороны, привлекательным для японских деловых кругов в долгосрочной перспективе представляется сотрудничество в развитии инфраструктуры, в особенности на Дальнем Востоке, научно-технические обмены в Арктике, совместное освоение ресурсов Северного морского пути³⁵. Положительно оценивается участие японских компаний в различных СПГ-проектах на российском Дальнем Востоке и на Ямале³⁶. В целом, японская сторона отмечает улучшение условий для инвестиций в России за последние годы.

Отдельно следует отметить роль Кэйданрэн в процессе восстановления российско-японского диалога на высоком и высшем уровнях в 2016 г. После визита С. Абэ в Сочи 6 мая 2016 г. была принята новая «Базовая политика в отношении японо-российских экономических отношений», обозначившая восемь пунктов для развития двустороннего сотрудничества: 1) увеличение продолжительности здоровой жизни; 2) создание благоприятной городской среды; 3) наращивание сотрудничества между малыми и средними предприятиями; 4) энергетика; 5) диверсификация промышленности, повышение производительности труда в России; 6) развитие

URL: <http://rspp.ru/news/view/2865> (дата обращения: 17.09.2015).

³² Нихон росиа форуму. (Российско-японский форум 2014) // Сю:кан Кэйданрэн таимусу. No.3194. 02.10.2014. URL: http://www.keidanren.or.jp/journal/times/2014/1002_02.html (дата обращения: 27.03.2015).

³³ На VI Российско-Японском инвестиционном форуме подписано 13 соглашений и меморандумов в сфере российско-японского сотрудничества на 2,5 млрд долл. // Министерство экономического развития РФ. 19.03.2014. URL: <http://economy.gov.ru/minrec/press/news/201403193> (дата обращения: 06.05.2016).

³⁴ Результаты анкетного опроса относительно условий ведения бизнеса с Россией (2015 фин. год). Обзор // Федерация экономических организаций Японии Кэйданрэн. 17.09.2015. С.4.

³⁵ Базовая политика в отношении японо-российских экономических отношений. С. 3–7.

³⁶ СПГ – сжиженный природный газ. Diplomatic Bluebook 2015. Tokyo: Ministry of Foreign Affairs. P. 140.

промышленности, создание экспортной базы на Дальнем Востоке; 7) сотрудничество в сфере передовых технологий; 8) гуманитарные обмены³⁷. Готовность Кэйданрэн участвовать в реализации этих положений была обозначена в ходе визита японской делегации 8–10 июня 2016 г. в Москву. Делегацию возглавил Т. Асада — председатель японо-российского комитета по экономическому сотрудничеству³⁸. 1 июля 2016 г. была восстановлена работа подкомиссии по межрегиональному сотрудничеству, заседание которой состоялось в Хабаровске³⁹.

Дополнительный стимул развитию российско-японских торгово-экономических связей придало проведение в 2016 г. Восточного экономического форума в г. Владивостоке, в котором приняли участие главы двух государств. В рамках форума между Россией и Японией было подписано около 20 соглашений на общую сумму свыше 1,3 млрд руб⁴⁰. Выступавшие на форуме представители Кэйданрэн отмечали рост японских прямых инвестиций в российскую экономику, а в их структуре — доли вложений в непромышленный сектор. Приоритетными направлениями японских инвестиций были названы развитие Дальнего Востока и инфраструктурные проекты⁴¹. В преддверии форума японским правительством было анонсировано введение в состав кабинета министров нового поста по развитию экономических отношений с Россией. На него был назначен Х. Сэко, занимавший на тот момент пост министра экономики, торговли и промышленности Японии⁴². Этот шаг подтвердил значение, которое придает администрация С. Абэ экономической дипломатии в отношениях с Россией.

Деятельность Кэйданрэн, начавшаяся во времена СССР, оказала серьезное влияние на развитие торгово-экономических отношений Японии с СССР. При участии Кэйданрэн была заложена институциональная основа двустороннего взаимодействия, сформирована структура взаимной торговли. За годы работы в СССР, а затем и в России организация сумела отладить каналы связи между японским бизнесом и представителями российской власти, что позволило ей утвердиться в качестве важнейшего связующего звена, необходимого для поддержания диалога между странами. Значение Кэйданрэн для сохранения деловых контактов между Россией и Японией проявилось после украинского кризиса: несмотря на введение антироссийских санкций, работа японского бизнеса в РФ не была приостановлена. Кроме того, при участии организации после возобновления диалога на высоком и высшем уровне в 2016 г. странам удалось в кратчайшие сроки значительно нарастить повестку экономического взаимодействия. Таким образом, деятельность Кэйданрэн в настоящее время вносит вклад во всестороннее развитие российско-японских связей, что, на наш взгляд, является необходимым условием для решения существующих между странами проблем.

³⁷ Японо-российская встреча на высшем уровне. 07.05.2016. URL: http://www.ru.emb-japan.go.jp/APP/20160511_ABE-PUTIN.pdf (дата обращения: 01.09.2016).

³⁸ Keidanren Dispatches Business Delegation to Moscow.

URL: <http://www.keidanren.or.jp/en/policy/2016/062.html> (дата обращения: 31.08.2016).

³⁹ МЭР: формат взаимодействия регионов РФ и Японии перезапустят после 2-летнего перерыва. 01.07.2016. URL: <http://tass.ru/ekonomika/3421705> (дата обращения: 10.09.2016).

⁴⁰ Визит Александра Галушки в Токио: совместные проекты и новые контакты // ТАСС. 07.09.2016. URL: <http://tass.ru/ekonomika/3602046> (дата обращения: 15.09.2016).

⁴¹ Chair Teruo Asada of the Japan-Russia Business Cooperation Committee Attends the Eastern Economic Forum. URL: <http://www.keidanren.or.jp/en/policy/2016/083.html> (дата обращения: 15.09.2016).

⁴² Хиросигэ Сэко: потенциал РФ и Японии может привлечь больше компаний на Дальний Восток // ТАСС. 06.09.2016. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/3597667> (дата обращения: 15.09.2016).

АТР во внешней политике стран мира

Тимофеев П.П.*

АТР во внешней политике современной Франции

В статье рассматриваются основные направления политики Франции в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Проанализированы экономические, политические, военно-стратегические интересы Франции в АТР, показаны сильные и уязвимые стороны ее владений на Тихом океане. Исследуя тенденции развития отношений Франции с рядом государств АТР, автор показывает, что сегодня основным их двигателем является экономика. Политическая составляющая отношений в основном либо следует за экономикой, не играя серьезной самостоятельной роли, либо способна тормозить диалог из-за идеологических разногласий со странами АТР.
Ключевые слова: Франция, АТР, франко-китайские отношения, Индокитай, АСЕАН, Азия.

Современная Франция часто описывается самими французами как средняя держава с глобальными интересами¹. События XX в., начиная с итогов Второй мировой войны и деколонизации в странах «третьего мира», привели к утрате Францией статуса великой державы, а также к крушению в 1940–1950-х гг. французской колониальной империи, оставив Парижу лишь ряд заморских департаментов и территорий, разбросанных по Атлантическому, Индийскому и Тихому океанам. Хотя французские владения в АТР во многом символические, они формально оставляют стране право проводить активную политику и сохранять влияние в регионе. Более того, Франция является единственной страной ЕС, чьи территории расположены в АТР, позволяя Евросоюзу иметь здесь нечто вроде «опорных пунктов». Целью данной работы является выяснение того, 1) в чем состоят интересы и возможности Франции в АТР, и 2) как именно Париж стремится сохранять свое влияние в столь удаленном от Европы регионе и в ведущих странах АТР.

Выбор данной темы обусловлен тем, что в период активного экономического роста ряда стран АТР Франция, переживающая болезненный процесс реструктуризации экономики², активно продвигает свои экономические, а также политические интересы в регионе. Для литературы данный сюжет сравнительно нов, с учетом периферийного положения АТР в системе приоритетов внешней политики Французской республики. Так, в фундаментальном исследовании французского историка М. Вайса «Могущество или влияние?» отношениям Франции со странами АТР посвящена лишь одна глава³.

* Тимофеев Павел Петрович — к.пол.н., научный сотрудник НИ ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (p.timofeyev@gmail.com). Статья поступила в редакцию 24.09.2016.

¹ См., например: Faure P. La Place de la France Dans le Monde: un Défi Permanent // Revue Internationale et Stratégique, Automne. 2006. URL:

www.diplomatie.gouv.fr/fr/IMG/pdf/0802_LaplacedelaFrancedanslemondeundefipermanentdePhilippeFaure.pdf (дата обращения: 22.09.2016).

² См. подробнее: Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века / Отв. ред.: А.В. Кузнецов, М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С.16 и далее. URL: http://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2016/2016_007.pdf (дата обращения: 22.09.2016).

³ Vaïsse M. La Puissance ou l'influence? La France Dans le Monde Depuis. 1958. P., 2009. P. 461–488. Отметим также главы, посвященные Пятой республике, которые были написаны М. Вайсом для работы «История французской дипломатии». De 1815 à nos Jours.P., 2005. P. 429–558.

Отечественные специалисты, такие как Ю. Рубинский, Е. Обичкина и Т. Зверева, рассматривали при анализе данной темы преимущественно отношения Франции с Китаем, Индией, Японией и странами АСЕАН, что справедливо, но не исчерпывает всю глубину проблематики⁴. Данная статья призвана продемонстрировать возможность изучения указанного сюжета комплексно, не ограничиваясь анализом франко-китайских отношений.

«Осколки» империи

К 1945 г. французские владения в АТР состояли из ряда концессий в Китае, Французской Индии, Французского Индокитая и групп островов в Индийском и Тихом океанах. В 1946 г. во Франции была принята конституция IV Республики, по которой метрополия, заокеанские департаменты и территории, ассоциированные территории и государства составляли Французский союз⁵. Несмотря на то, что данный проект формально заменял собой колониальную империю, он «коренным образом расходился с чаяниями народов», ранее входивших в нее, которые начали борьбу за самоопределение на основе Хартии ООН⁶. В результате уже в 1946 г. Франция утратила свои концессии в Китае (в Шанхае, Тяньцзине, Гуанчжоуване), в 1947–1954 гг. потеряла Французскую Индию⁷, а по итогам Женевских соглашений 1954 г. был ликвидирован Французский Индокитай. Северный и Южный Вьетнам, Камбоджа и Лаос стали независимыми государствами. Франция также прекратила патрулирование островов Спратли, передав заботу о контроле над ними вьетнамским властям. И хотя все данные владения уступали по размеру своей территории французским колониям в Алжире и в Черной Африке, их утрата оказалась существенной. В частности, потеря Индокитая усугубила внутривластительный кризис IV Республики, которая в 1958 г. прекратила свое существование.

Сегодня владения Франции в Тихом океане состоят из нескольких групп островов с разным административным статусом. Рассмотрим их, двигаясь с запада на восток (см. рис.1). Это, во-первых, Новая Каледония, расположенная к востоку от Австралии; во-вторых, Уоллис и Футуна, находящееся еще восточнее — недалеко от Фиджи; в-третьих, Французская Полинезия, существующая к востоку от Самоа; в-четвертых, остров Клиппертон, затерявшийся между Гавайскими островами и Мексикой. Статус заморского сообщества носят также Французские Южные и Антарктические территории (ФЮАТ), расположенные в Индийском океане примерно посередине между Австралией, Мадагаскаром и Антарктидой (архипелаги Кергелен, Крозе, Амстердам и часть Антарктиды — так называемая «земля Адели», которую международное сообщество не признает французской), но из-за их удаленности даже от Австралии с Индонезией весьма сомнительно рассматривать их как часть АТР. Более подробные сведения о владениях Франции в АТР приведены в табл. 1.

⁴ Франция в поисках новых путей/ Под ред. Ю.И. Рубинского. М., 2007; Рубинский Ю.И. Франция. Время Саркози. М., 2011; Обичкина Е.О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012). М., 2012; Зверева Т.В. Внешняя политика современной Франции. М., 2014.

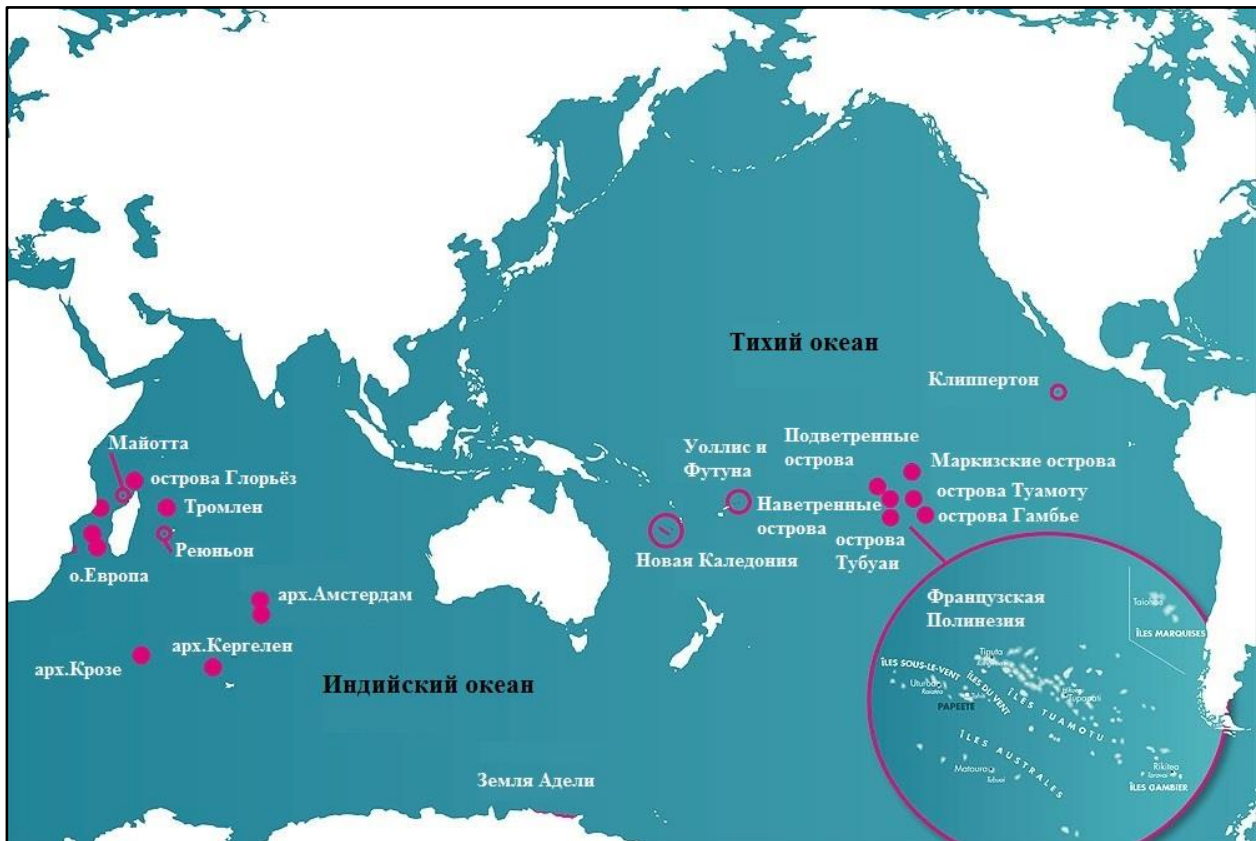
⁵ Конституция Франции 1946 г., ст. 60. См.: сайт Конституционного совета Франции.

URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/les-constitutions-de-la-france/constitution-de-1946-ive-republique.5109.html> (дата обращения: 22.09.2016). Histoire de la diplomatie française. Т.2.

⁶ Обичкина Е.О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози... С.65–66.

⁷ В 1947 г. Франция передала Индии Мачилипатнам, Кожикод и Сураат, в 1950 г. — Чандранагор, в 1954 — Пондишери, Янаон, Карикал и Маэ. Официально договор с Индией о передаче владений был ратифицирован парламентом Франции в 1962 г.

Рис. 1.
Французские владения в АТР

Источник: портал *Outre-mer*, посвященный заморским владениям Франции.

Несмотря на то, что совокупность данных владений, разбросанных по АТР архипелагами, позволяют стране иметь скорее символическое, чем реальное присутствие в регионе, Франция, обладая современными средствами транспорта и коммуникации (морской флот, авиация, космическая связь⁸) претендует на участие в жизни АТР. О своем присутствии в регионе Париж заявляет весьма серьезно. Так, именно Французская Полинезия (атоллы Муруроа и Фангатофа), вероятно, в силу ее отдаленности от густонаселенных регионов, была избрана в качестве места проведения испытаний ядерного оружия в атмосфере и под водой, после того, как Франция утратила Алжир: за 30 лет, с 1966 по 1996 г. Французская республика провела там 193 ядерных испытания — в том числе 46 в атмосфере и 147 — под водой⁹. В 2002 г. вице-адмирал ВМФ Франции А. дю Шене писал, что Париж желает сохранить полюс своего влияния в Тихом океане¹⁰, а в 2013 г. министр обороны Франции Ж-И. Ле Дриан официально озвучил мысль о том, что Франция считает себя азиатско-тихоокеанской державой в силу наличия территорий и населения, которое ей необходимо защищать. Этот тезис, правда,

⁸ La France et la Sécurité en Asie-Pacifique. 06.2016) // Ministère de la Défense de la République Française. URL: www.defense.gouv.fr/content/download/475361/7615476/file/201606-PlaquetteAsiePacifiqueFR.comp.pdf. (дата обращения: 22.09.2016).

⁹ Первые 17 испытаний французского ядерного оружия прошли в Сахаре в 1960–1966 г. См. подробнее: Ядерное оружие и национальная безопасность. Институт стратегической стабильности Росатома. Под ред. В.Н. Михайлова. Саранск, 2008. С.60.

¹⁰ *Chéné A.* Le Pacifique et la France // *Hermès*. №32-33, 2002. P.495–512.

URL: http://documents.irevues.inist.fr/bitstream/handle/2042/14407/HERMES_2002_32-33_495.pdf (дата обращения: 22.09.2016).

не пришелся по нраву Китаю, чей адмирал Ли Джи прямо ответил: «Для нас Франция — это Европа»¹¹.

Таблица 1.
Территориальное присутствие Франции в АТР

№	Название/ статус	В составе Франции	Площадь и население	Значение	Территориаль ные споры
Владения в Тихом океане					
1	Новая Каледония (особое административное образование)	С 1853 г.	Площадь = 18,5 кв.км Мор.зона = 1,7 млн кв.км Население = 244 тыс. (2008)	Минеральные ресурсы, морская и авиационная база	С Вануату
2	Уоллис и Футуна (заморское сообщество)	С 1888 г.	Площадь = 215 кв.км Мор.зона = 300 тыс. кв.км Население = 13,4 тыс. (2005)	Аэропорт	Нет
3	Французская Полинезия (заморское сообщество)	С 1880 г.	Площадь = 3,4 кв.км Мор.зона = 5,5 млн кв.км Население = 265 тыс. (2007)	Аэропорт	Нет
4	Клиппертон (заморская территория)	С 1858 г.	Площадь = 2 кв.км Мор.зона = 425 тыс. кв.км Постоянного населения нет.	Возможность для размещения аэродрома или космодрома.	Нет
Владения в Индийском океане					
5	Французские Южные и Антарктические территории (ФЮАТ): арх. Кергелен, арх. Крозе, арх. Амстердам, «земля Адели» (часть Антарктиды)	С 1774 - 1924 гг.	Площадь = 439 тыс. кв.км (без земли Адели — 7677 кв.км) Постоянного населения нет.	Минеральные ресурсы	Земля Адели (часть Антарктиды) не признается в мире французской.

Источники: составлено автором по официальным данным французских ведомств. См. сайт посольства Франции в Папуа-Новой Гвинее и на Соломоновых островах и сайт министерства по делам заморских владений.

¹¹ *Kauffmann S.* La France Peut-elle Devenir une Puissance de l'Asie-Pacifique? // Le Monde. 02.06.2013. URL:

http://www.lemonde.fr/asia-pacifique/article/2013/06/02/la-france-puissance-de-l-asiе-pacifique-combien-de-divisions_3422496_3216.html (дата обращения: 22.09.2016).

Экономические интересы и возможности Франции в АТР

Интересы Франции в АТР можно условно разделить на 3 категории: экономические, политические и военно-стратегические. Условно — потому что все три группы тесно связаны друг с другом или даже сливаются, как, например, в случае продажи оружия и военных материалов или привлечения талантливых студентов из стран АТР в учебные заведения Франции. Тем не менее рассмотрим подробнее каждую из групп, оценив, какие цели может преследовать Париж в АТР и насколько возможно их достижение.

С точки зрения экономики регион неспроста привлекает внимание Франции. Во-первых, в начале XXI в., АТР является важной транзитной зоной международной торговли, через которую полумесяцем, огибая Индию, Индокитай и Юго-Восточную Азию, пролегают коммуникации от Персидского залива до Желтого моря. Эти пути, по мнению главы Минобороны Франции Ж.-И. Ле Дриана, «являются главной жизненной артерией глобализации». Показательно, что через Индийский океан происходит 70% товарообмена европейских стран в контейнерах¹². 36% французского экспорта предназначается для Азии, из Азии же Франция получает 32% своего импорта. Неудивительно, что Париж заинтересован в свободном проходе торговых судов в АТР из Европы. «Франция, (...) приверженная свободе навигации, (...) желает (...) внести вклад в безопасность морских просторов», — отмечают авторы публикации «Франция и безопасность в АТР», изданной Минобороны страны в 2014 г. Напомним, что первую серьезную морскую операцию против сомалийских пиратов, угрожавших транзиту судов в регионе, Франция и другие страны ЕС провели в 2009 г. в районе Аденского залива.

Во-вторых, с конца XX по начало XXI в. многие страны Азии переживают экономический бум: если в 1990 г. на долю Азии приходилось 25% мирового ВВП, то в 2016 г. речь идет о 40%, а рост мировой экономики на 2/3 обеспечивается вкладом региона¹³. Париж внимательно наблюдает за экономическим ростом Азии, которая становится мотором мировой экономики, и где «сегодня вырисовывается завтрашний мир»¹⁴. Согласно МИД Франции, с 2030 г. Азия должна стать главным источником благ, научно-технических инноваций и производить более 1/3 мирового ВВП. Во Франции отмечали, что создание Экономического сообщества АСЕАН в 2015 г., развитие инфраструктуры, рост уровня взаимосвязей между его участниками расширяют перспективы французских компаний на данных рынках и превращает АСЕАН в «естественного и привилегированного» партнера ЕС.

В-третьих, в регионе растет число французских предприятий и сотрудников, благодаря чему АТР прямо влияет на экономику Франции (см. табл. 2). На сайте французского МИД указано: «Азия играет для Франции важную роль в ее экономических — коммерческом и финансовом — планах, в двусторонних и многосторонних рамках». В 2006–2011 гг. французский экспорт в регионе вырос на 57%¹⁵. 13 стран АТР объявлены приоритетными рынками для французского экспорта на период с 2013 до 2022 гг. Это Китай (с Гонконгом), Индия, Япония, Индонезия, Сингапур, Южная Корея, Малайзия, Филиппины, Тайвань, Таиланд и Вьетнам¹⁶.

¹² La France et la Sécurité en Asie-Pacifique (juin 2016). P. 2, 4.

¹³ Rhee Changyong. Asian Growth in Turbulent Times // Project Syndicate. 07.03.2016.

URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/asia-economic-growth-despite-global-turbulence-by-rhee-changyong-rhee-2016-03> (дата обращения: 22.09.2016).

¹⁴ Kauffmann S. Op.cit.; La France et l'Asie // France Diplomatie. 15.04.2013.

URL: <http://diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/asia> (дата обращения: 22.09.2016).

¹⁵ La France et la Sécurité en Asie-Pacifique. 07.2016. P.2.

¹⁶ La France et l'Asie.

Таблица 2.
Торговый оборот Франции с регионами мира, млн евро

Регион/ год	2007	2010	2015
ЕС	549 295	510 368	557 573
Азия	99 564	114 540	142 949
Америка	75 054	73 260	96 375
Европа вне ЕС	63 856	67 721	67 089
Африка	43 663	50 309	51 622
Ближний и Средний Восток	22 515	23 071	24 591
Прочее	7 770	9 944	15 676

Источник: подсчитано автором на основе официальных данных Министерства финансов Франции

В-четвертых, живой интерес Франции к АТР объясняется востребованностью в регионе французской военной продукции. Франция — один из ключевых игроков на глобальном рынке вооружений, занимающий по объему экспорта оружия четвертое место в мире. Экономический рост стран АТР стимулирует активность Франции в регионе. Если в 1998–2002 г. на АТР приходилось 12% проданных Парижем вооружений, то в 2008–2012 г. — уже 27–28% (для сравнения: на Америку приходится 26%, на Ближний Восток — 21%, на Европу — 16%)¹⁷. По некоторым данным, в 2013 г. эта цифра уже возросла до 40%¹⁸. Основными потребителями французской военной продукции являются Индия и страны АСЕАН: Малайзия и Сингапур. Одним из свежих примеров деловой хватки Парижа в этой сфере является тот факт, что в апреле 2016 г. Австралия заказала во Франции строительство 12 подводок¹⁹.

Логично предположить, что экономические интересы Парижа в АТР могут быть сведены к двум классическим задачам. Это получение доступа к природным и экономическим ресурсам и закрепление на рынках стран АТР с целью продвижения французской продукции в регионе. Еще в 2012 г. глава Всемирной торговой организации француз П. Лами заявил, что за экономическим ростом нужно идти в Азию, а Ф. Олланд тогда заметил, что азиатские страны «неплохо воспользовались нашим ростом, теперь же им предстоит поднимать наш рост благодаря их спросу [на товары из ЕС — П.Т.]»²⁰.

Для того, чтобы быть конкурентоспособной на рынке АТР, Франция обладает рядом преимуществ. Прежде всего, это серьезнейший ресурсный и технологический потенциал пятой экономики мира, страны-члена ЕС и ОЭСР. Как отмечает адмирал А. дю Шене, на фоне бедности малых островных государств Тихого океана, зависимых от международной помощи, французские владения в АТР являют собой островки благополучия, способные стимулировать развитие тихоокеанской интеграции. «Для всех микросоударств этой зоны Франция может стать центром регионального сотрудничества действуя через заморские территории. Франция, будучи мотором

¹⁷ La France et la Sécurité en Asie-Pacifique. 06.2016. P.16.

¹⁸ Kauffmann S. Op.cit.

¹⁹ Ploquin J-C. La France, Puissance Pacifique // La Croix. 26.04.2016. URL: <http://www.la-croix.com/Debats/Editos/La-France-puissance-Pacifique-2016-04-26-1200756083> (дата обращения: 22.09.2016).

²⁰ Barluet A. Francois Hollande Veut Chercher la Croissance en Asie // Le Figaro. 05.11.2012.

URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2012/11/05/01003-20121105ARTFIG00353-francois-hollande-veut-chercher-la-croissance-en-asie.php> (дата обращения: 15.02.2017).

стабильности и развития на островах Тихого океана, а затем их интеграции в тихоокеанский бассейн, может играть роль, превосходящую роль средней державы или простого торгового партнера»²¹.

Далее, это членство Франции в многосторонних экономических организациях и механизмах. В 1996 г. усилиями президента Ж. Ширака именно Франция вместе с Сингапуром создали форум «Азия — Европа» (АСЕМ), который затем стал регулярным. О представительности АСЕМ говорит хотя бы то, что по некоторым оценкам (2008 г.) его участники суммарно производят 60% мирового валового продукта и обеспечивают около двух третей мировой торговли²². В 2007 г. Франция присоединилась к договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (Балийскому договору) 1976 г., что является необходимым условием для участия в Саммите стран Восточной Азии. Будучи членом ЕС, Франция участвует в подписании соглашений о свободной торговле (ССТ) со странами АТР, например, соглашения ЕС — Южная Корея в 2011 г.²³. Переговоры о подписании аналогичных соглашений идут и с другими странами АТР²⁴ в двусторонних или многосторонних (Транстихоокеанское партнерство) рамках.

Преимуществом Парижа является и наличие на территории французских владений в АТР рыболовных, минеральных и энергетических ресурсов. Согласно оценкам, Новая Каледония занимает третье место после Канады и России по залежам никеля, необходимого для создания реакторов АЭС и двигателей самолетов²⁵. Заморские владения Франции, где имеются аэродромы (см. табл. 1) могут быть полезны с логистической точки зрения для транстихоокеанских коммуникаций.

В то же время налицо ряд экономических слабостей, присущих владениям Франции в АТР. Прежде всего, это их значительная удаленность не только от Франции и Европы²⁶, но и от ключевых морских путей и кризисных зон. Это не просто затрудняет коммуникации, но и не позволяет Парижу использовать их в качестве рычага давления на регион. Далее, в силу своих малых размеров и разбросанности по Тихому океану ни одно из французских владений не способно стать серьезным экономическим или торговым полюсом в регионе²⁷. Наконец, налицо малый объем инвестиционного сотрудничества с АТР в целом. В 2012 г. прямые инвестиции из Франции в АТР составили 75 млрд долл., из стран АТР во Францию — 18 млрд долл.²⁸. Для сравнения, инвестиции США в АТР в 2012 г. достигли 672 млрд долл.²⁹

²¹ Chéné A. Op.cit. P.504.

²² Седьмой саммит Азия-Европа открывается в Китае // РИА Новости. 24.10.2008.

URL: <https://ria.ru/world/20081024/153736586.html> (дата обращения: 22.09.2016).

²³ Free trade Agreement Between the European Union and its Member States, of the One Part, and the Republic of Korea, of the other part // Europa.eu. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2011:127:FULL&from=EN> (дата обращения: 15.02.2017).

²⁴ В частности, с Вьетнамом, Индонезией, Малайзией, Сингапуром, Таиландом, Филиппинами, Японией.

²⁵ La France, Une Nation du Pacifique Trop Souvent Ignorante de Ses Atouts // Le Parisien. 12.11.2014. URL: <http://www.leparisien.fr/flash-actualite-economie/la-france-une-nation-du-pacifique-trop-souvent-ignorante-de-ses-atouts-12-11-2014-4286199.php>; *Escoffier Vi.* Pacifique Sud: la France, un Résident qui Derange // Geolinks (observatoire de géostratégie de Lyon). URL: <http://www.geolinks.fr/grands-enjeux/les-enjeux-geopolitiques/pacifique-sud-la-france-un-resident-qui-derange/> (дата обращения: 22.09.2016).

²⁶ Чтобы добраться из Парижа до ближайшего тихоокеанского владения Франции — Новой Каледонии, нужно потратить самолетом не менее 24 часов.

²⁷ Chéné A. Op.cit. P.504.

²⁸ La France et la Sécurité en Asie-Pacifique. 06.2016. P.4.

²⁹ Direct Investment Position of the United States in Asia Pacific from 2000 to 2015 (in billion U.S. dollars, on a historical-cost basis) // Statista. URL: <http://www.statista.com/statistics/188604/united-states-direct-investments-in-the-asia-pacific-region-since-2000> (дата обращения: 22.09.2016).

Экономические позиции Франции на рынках стран АТР далеко не блестящи: в Китае на Францию приходится 1,6% поставок (на весь ЕС — 13%), в этом Франция делит с Сингапуром 12-е место. Франция — 12-й партнер Японии, 30-й экономический партнер Индии, 17-й экономический партнер Южной Кореи³⁰. На рынках ряда стран АТР Франция уступает не только США, Японии и Китаю, но и вынуждена конкурировать с партнерами по ЕС, прежде всего, ФРГ и Великобританией, которые опережают Францию на китайском (ФРГ) и индийском (Великобритания) рынках по объему экспорта.

Таблица 3.
Товарооборот Франции с ее ведущими партнерами в АТР, млн евро

Страна	Экс.	Имп.	Всего	Экс.	Имп.	Всего	Экс.	Имп.	Всего
Год	2007			2011			2015		
Всего АТР	36,4	63,2	99,6	49,3	79,3	128,6	56,9	86,0	142,9
Китай (с Гонконгом)	11,5	29,7	41,2	17,9	41,8	59,7	22,5	47,4	69,9
% Китая от АТР	31,5	46,9	41	36,2	52,7	46	39,5	55	48,7
Япония	5,8	10,3	16,1	6,5	9,5	16,0	6,3	8,4	14,7
% Японии от АТР	15,9	16,3	16	13,3	8,2	12,5	11	9,8	10
Индия	3,3	2,8	6,1	2,8	4,8	7,6	3,2	5,4	8,6
Южная Корея	3,0	4,0	7,0	4,2	3,6	7,8	4,8	3,0	7,8
АСЕАН, в т.ч.									
Индонезия	0,6	1,2	1,8	1,0	1,8	2,8	2,2	1,6	3,8
Малайзия	1,4	1,9	3,3	1,8	2,5	4,3	1,4	2,0	3,4
Сингапур	3,6	3,5	7,1	5,1	3,9	9,0	5,3	2,5	7,8
Таиланд	0,9	1,8	2,7	1,1	2,2	3,3	1,7	2,6	4,3
Вьетнам	0,5	1,2	1,7	0,8	1,9	2,7	1,4	4,1	5,5
Итого	7,0	9,7	16,7	9,8	12,4	22,2	12,1	12,9	25,0
% указанных стран от АСЕАН	90,6	94,7	92,9	91,9	94,4	93,3	91,4	90,7	91
Всего АСЕАН	7,8	10,2	18,0	10,7	13,1	23,8	13,2	14,3	27,5
% АСЕАН от АТР	21,4	16,3	18	21,7	16,6	18,6	23,3	16,6	19
Австралия	2,3	1,3	3,6	3,8	1,1	4,9	2,3	0,9	3,2
Бангладеш	0,1	0,7	0,8	0,1	1,4	1,5	0,3	2,1	2,4

Источник: официальные данные Министерства финансов Франции

Ключевыми торгово-экономическими партнерами Франции в АТР являются Китай (почти 49% от товарооборота Франции с регионом, см. табл. 3), страны АСЕАН (19%) и Япония (10%). Затем идут Индия, Южная Корея и другие страны. Отношения

³⁰ Note. Objet: léger repli du commerce bilatéral France–Corée en 2015, mais notre excédent reste à un niveau record. 14.03.2016 // Ibidem. URL: <http://www.tresor.economie.gouv.fr/File/426057> (дата обращения: 22.09.2016).

с КНР, в целом, отличаются резкими перепадами: экономические проекты³¹, составляющие суть франко-китайского «глобального партнерства», провозглашенного в 1997 г., регулярно перемежаются политическими расхождениями. Франция озабочена серьезным дефицитом своего торгового баланса с Китаем. Отрицательный торговый баланс составляет более 20 млрд евро в год³² в силу того, что как минимум с 2007 г. китайский экспорт во Францию (главным образом электроника, кожаные изделия и одежда³³) устойчиво доминирует над французским экспортом (авиация, электроника, пищевые продукты) в КНР.

Страны АСЕАН, прежде всего, Сингапур, Вьетнам и Таиланд, также пользуются повышенным вниманием Франции. Несмотря на ряд государственных визитов французских президентов в Ханой (1993 г., 1997 г., 2004 г.), Сингапур (1996 г., 2004 г.) и Бангкок (1996 г., 2006 г.), говорить о лидерстве Франции в торговле со странами АСЕАН не приходится. В Сингапуре на Францию приходится 2,2% поставок (2014 г.), во Вьетнаме — 0,8%. Основные статьи французского экспорта — электроника, косметика, авиационная техника, вина³⁴. Историк М. Вайс в 2008 г. заключал, что несмотря на предпринимаемые десятилетиями усилия, Франция не является влиятельным партнером ни в политике, ни в экономике стран региона³⁵. Но спрос стран АСЕАН на развитие инфраструктуры и энергетики предоставляет возможности для французских предприятий на будущее³⁶.

До 10% французского товарооборота со странами региона приходится на Японию. Франко-японские экономические отношения до 1980-х гг. пребывали на слабом уровне. Франция не имела особых деловых интересов в Японии, а японцы страной, владеющей технологиями, видели в первую очередь ФРГ, тогда как Франция воспринималась в основном как страна элитной культуры³⁷. Серьезное развитие франко-японской торговли, обусловленное японским «экономическим чудом»,³⁸ началось в 1980-х гг. В последнее время товарооборот снова начал падать: 16 млрд евро в 2007 г. и 14,6 млрд евро в 2016 г. (падение почти на 10%). С Японией Франция также имеет отрицательный торговый баланс (2 млрд евро в 2015 г.).

Главным предметом в АТР, вызывающем беспокойство французских экономистов, является нестабильность движения капиталов в АТР из Европы и США. Росту финансовых рисков способствует и развитие теневой банковской системы. В Париже справедливо опасаются также проникновения государств Азии (Япония, Китай, Южная Корея, Малайзия, Тайвань) в Тихий океан в качестве экономического

³¹ В 1995 г. в Пекине был открыт первый французский супермаркет «Карфур», вызвавший ажиотаж, в 1996 г. две страны заключили крупные промышленные контракты (участие французских компаний в строительстве АЭС «Дая Бай II» близ Кантона и ГЭС).

³² Le Chiffre du Commerce Extérieur // Ministère de L'économie et des Finances de la Republique Francaise. URL: http://lekiosque.finances.gouv.fr/nationales/cadre_nationales.asp?TF=series (дата обращения: 22.09.2016).

³³ La France et la Chine // France Diplomatie. 15.07.2016. URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/chine/la-france-et-la-chine> (дата обращения: 22.09.2016).

³⁴ La France et Singapour // France Diplomatie. 14.04.16. URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/singapour/la-france-et-singapour/presentation>; La France et le Vietnam/ France Diplomatie. 11.05.16. URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/vietnam/la-france-et-le-vietnam> (дата обращения: 22.09.2016).

³⁵ Vaïsse M. Op.cit. P.485.

³⁶ L'ASEAN, Une terre d' Opportunités // BPI France. 30.04.2015. URL: <http://www.bpifrance.fr/Actualites/A-la-une/L-ASEAN-une-terre-d-opportunites-15095> (дата обращения: 22.09.2016).

³⁷ Kessler C., Siary G. France — Japon: Histoire d'une Relation Inégale.

³⁸ Если в 1963 г. товарооборот двух стран составлял 419 млн франков, а в 1970 г. — 1,9 млрд (рост в 4,5 раза за 7 лет), то в 1980 г. он вырос до 16 млрд (рост в 8 раз за 10 лет), а в 1990-м он достиг 72 млрд (рост в 4,5 за следующие 10 лет).

конкурента Франции³⁹. Наконец (особенно после Фукусимы), опасения вызывает возможность природных, санитарных или технологических катаклизмов. В МИД Франции, придающей больше внимание борьбе с изменением климата и сохранению окружающей среды, с беспокойством отмечают, что в Азии пока не существует скоординированного ответа на вызовы экологии, а Китай и Индонезия занимают первое и третье места по уровню загрязнения окружающей среды⁴⁰.

Политические и военно-стратегические интересы и возможности Франции в АТР

С политической точки зрения АТР интересен Франции из-за роста влияния азиатских стран в мире: Китая в Африке, Индии в Южной Азии, Индонезии в диалоге с Ираном и АСЕАН. Символически это выражается в участии пяти стран АТР (Индия, Индонезия, Китай, Корея, Япония) в работе «большой двадцатки». В плане опосредованного воздействия на регион интересы Франции здесь состоят, во-первых, в вовлечении своих владений в субрегиональную тихоокеанскую интеграцию. Первый шаг на этом пути уже сделан: в 2006 г. Новая Каледония и Французская Полинезия стали ассоциированными членами Форума тихоокеанских островов. Интересно, что два заморских владения Франции вступили в организацию, которая была организована в 1971 г. как по сути антифранцузская, поскольку ее члены выступали против ядерных испытаний Франции в АТР⁴¹.

Во-вторых, как и всякая другая страна, Франция заинтересована в привлечении талантливых студентов и исследователей из Азии. «Азия представляет собой наиболее важную цель и рынок в плане всякого рода научно-культурных обменов. Ее научно-образовательный потенциал открывает значительные возможности для обмена и партнерств с нашими лабораториями и нашими университетами. (...) Появление среднего класса влечет за собой быстрый рост потока студентов и ученых, который требуется поощрять и направлять», — отмечается на сайте французского МИД⁴². Рост числа талантливой молодежи из-за рубежа не только позволит стране совершенствовать свою систему образования и развивать экономику, но и повысить свой культурный престиж в АТР.

В-третьих, Париж заинтересован в сохранении французского культурного компонента в глобализирующемся и по преимуществу англоязычном мире. В этом плане страны Азии, заинтересованные в сохранении своих культурных особенностей, выступают естественными союзниками Франции. Еще в 1950 г. этнолог М. Леенхардт отмечал, что в англоязычном пространстве Тихого океана (от США до Австралии) владения Франции должны оставаться в прямом смысле слова островками французской культуры⁴³. К 2002 г. ситуация серьезно не изменилась: адмирал

³⁹ La France Méprise les îles du Pacifique // Blogs du Courrier International. 01.08.2009.

URL: <http://ileslointaines.blogs.courrierinternational.com/archive/2009/08/01/la-france-meprise-les-iles-du-pacifique.html> (дата обращения: 22.09.2016).

⁴⁰ La France et l'Asie.

⁴¹ Intégration Régionale en Océanie // La France à Fidji, Kiribati, Nauru, Tonga et Tuvalu. 08.05.2016.

URL: <http://www.ambafrance-fj.org/Integration-regionale-en-Oceanie> (дата обращения: 22.09.2016).

⁴² Le Fonds de Cooperation Economique, Sociale et Culturelle pour le Pacifique // France Diplomatie. 26.04.16. URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/archives/archives-2016/dossiers-pays/oceanie/la-france-et-l-oceanie/le-fonds-pacifique/article/le-fonds-pacifique> (дата обращения: 22.09.2016).

⁴³ *Leenhardt M.* Compte Rendu du Livre: Bourgeau, Jan. La France du Pacifique. Nouvelle-Calédonie et dépendances, Wallis et Futuna, Nouvelles-Hébrides, Établissements français de l'Océanie // Journal de la Société des Océanistes. 1950. Vol.6. №6. P. 258–259. URL: http://www.persee.fr/doc/jso_0300-953x_1950_num_6_6_1683_t1_0258_0000_1 (дата обращения: 22.09.2016).

А. дю Шене писал: «В этом регионе доминируют ценности англо-саксонского мира: франкофонию здесь скорее терпят, чем принимают»⁴⁴.

Политические преимущества Франции в АТР выражаются в следующем. Это, прежде всего, наличие территории и главное, населения на морских просторах Тихого (500 тыс. чел) и Индийского (более 1 млн чел) океанов. К этому можно добавить наличие французской диаспоры в странах АТР (более 120 тыс. чел), которое, кстати, превышает численность французов, проживающих в Черной Африке⁴⁵. Это также серьезный опыт участия в многосторонних организациях и проектах в регионе, таких как командование сил ООН в Корее (UNCMAC); парижская конференция по урегулированию кризиса в Камбодже (1989–1991 гг.)⁴⁶; региональный форум АСЕАН (в ранге члена ЕС); саммит «Франция — Океания», который проводится с 2003 г.⁴⁷ Франция также поддерживает сеть «стратегических партнерств» со всеми ключевыми странами региона: Японией (1995 г.), Китаем (1997 г.), Индией (1998 г.), Индонезией (2011 г.), Австралией и Сингапуром (2012 г.), Вьетнамом (2013 г.). Выстраивается диалог и с новыми партнерами (Малайзия, Монголия). Наконец, в активе Парижа участие в многосторонних механизмах урегулирования чрезвычайных ситуаций (соглашения ФрАНЗ⁴⁸) и регулярное участие в спасательных операциях в регионе в условиях природных катаклизмов, в частности, в 2004 г. и в 2012 г. (Уоллис и Футуна, Самоа и Фиджи), в 2013 г. — на Филиппинах⁴⁹. Последнее работает на улучшение имиджа Франции в регионе.

Что касается политических слабостей Франции в АТР, то основные из них две. Первая — это исторически непростые отношения со странами региона: Австралией, Новой Зеландией и Японией, имеющими «ядерную аллергию» на испытания Францией оружия массового уничтожения. Именно Австралия и Новая Зеландия были в числе участников, сформировавших Форум тихоокеанских островов в знак единения против ядерной политики Франции в 1971 г. Они же поддерживали движение за независимость Новой Каледонии в 1980-х гг. Наиболее острым моментом в отношениях Франции и держав АТР стал подрыв в Новой Зеландии французскими спецслужбами корабля Гринпис «Воин радуги» в 1985 г.⁵⁰. Правда, с того времени прошло уже свыше 30 лет, и сегодня отношения Парижа с АТР гораздо более конструктивные.

Политические проблемы регулярно возникают у Франции со странами региона в связи с проблематикой прав человека. Наиболее показательным здесь стал франко-китайский кризис 2008 г., когда после подавления властями КНР волнений в Тибете и в Синцзян-Уйгурском районе президент Франции Н. Саркози заявил о готовности встретиться с духовным лидером Тибета — Далай-ламой. Это повлекло за собой срыв саммита ЕС — Китай, за организацию которого отвечала Франция как председатель ЕС. После того, как Пекин дал понять, что развитие экономических отношений

⁴⁴ Chéné A. Op.cit. P.504.

⁴⁵ La France et la Sécurité en Asie-Pacifique. 06.2016. P.6.

⁴⁶ Дубинин Ю.А., Мартынов Б.Ф., Юрьева Т.В. История международных отношений (1975–1991). М., 2006. С. 241.

⁴⁷ При этом Франция как член СБ ООН и ЕС поддерживает эмбарго и подобные этому механизмы, введенные против Китая, Северной Кореи и Бирмы.

⁴⁸ Соглашения ФрАНЗ подписаны 22.12.1992. Францией, Австралией и Новой Зеландией для координации усилий по оказанию гражданской и военной помощи тихоокеанским государствам, пострадавшим от природных катастроф.

⁴⁹ La France et la Sécurité en Asie-Pacifique. 06. 2016. P.7.

⁵⁰ Chéné A. Op.cit. P.496; Mrgudovi, N. La France Dans le Pacifique Sud. 1966–2006 : Enjeux et Mutations // Political Science. Université Montesquieu. Bordeaux IV, 2006. URL: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00280322/document> (дата обращения: 22.09.2016).

возможно лишь при нормализации политического диалога, инцидент был исчерпан: Франция признала Тибет внутренним делом Китая⁵¹.

Второй политической проблемой Франции в регионе является неурегулированный статус Новой Каледонии, где должен пройти референдум о судьбе островов, обещанный «между 2014 и 2019 гг.», но дата которого до сих пор не ясна, а также сепаратистские движения в Полинезии и на островах Уоллис и Футуна⁵². К этому можно добавить территориальные споры Франции с Вануату.

Как видим, в проведении политики в АТР у Парижа есть определенные ограничения. От умения французской дипломатии реализовывать свои интересы, обходя указанные выше препятствия и максимально используя возможности, во многом зависит успех внешней политики страны в регионе. Решение новокаледонского вопроса, как видится, является одним из важных условий дальнейшего сохранения французских позиций в АТР как основы для оказания влияния и реализации «мягкой силы». Неоднозначно решение вопроса о том, займется ли в ближайшее время Франция добычей полезных ископаемых в регионе⁵³ либо, наоборот, возглавит борьбу за экологию⁵⁴ и сохранение биоразнообразия в АТР, оказывая давление на страны региона, откуда исходят угрозы климату.

Наконец, рассмотрим военно-стратегические интересы Франции в АТР. К ним относятся, прежде всего, защита территорий и населения: французы гордятся тем, что Франция — единственная страна ЕС, обладающая владениями в Тихом океане (не считая британского острова Питкэрн)⁵⁵. По мнению французского министра обороны, «это присутствие, уникальное среди европейских стран, налагает на Францию особую ответственность в области защиты и безопасности в АТР». «Несмотря на расстояние, которое разделяет наши континенты, наша безопасность и процветание неразделимы», — подчеркивал министр Ж-И. Ле Дриан в 2013 г. Кроме того, это охрана морских коммуникаций для сохранения доступа в АТР. С развитием глобализации любой кризис или конфликт в АТР способен нанести ущерб интересам Европы и Франции, особенно с учетом того, что в 2020 г. 45% мирового товарообмена в контейнерах должно прийти на обмены Европа-Азия. Далее, это выстраивание партнерства в военной сфере⁵⁶. Показательно, что в 2013 г. Ле Дриан заявил о стремлении Парижа стать участником группы министров обороны АСЕАН (АДММ+). Правда, против этого выступил Сингапур, усмотревший в этом угрозу размывания структуры АДММ+.

Франция обладает значимыми военными возможностями в АТР. Во-первых, благодаря наличию своих владений вне Европы она имеет право на собственную акваторию вокруг них площадью 11 млн кв. км, львиная доля которой приходится на Тихий (62%) и Индийский (24%) океаны. Во-вторых, Париж располагает некоторыми военными силами в регионе. Французские войска на Новой Каледонии и в Полинезии насчитывают свыше 2,5 тыс. чел., пять кораблей, до десяти самолетов и вертолетов⁵⁷.

⁵¹ Зверева Т.В. Внешняя политика современной Франции. С. 297.

⁵² Mrgudovic N. Op.cit. P.359.

⁵³ Ploquin J-C. La France, Puissance Pacifique.

⁵⁴ François Hollande: "La France est Pleinement un Pays du Pacifique // Tahiti Infos. 26.11.2015.

URL: http://www.tahiti-infos.com/Francois-Hollande-La-France-est-pleinement-un-pays-du-Pacifique_a141038.html (дата обращения: 22.09.2016).

⁵⁵ Chéné A. Op.cit. P.504.

⁵⁶ La France et la Sécurité en Asie-Pacifique (2014). P.4.

⁵⁷ К этому стоит добавить наличие военных баз Франции за пределами АТР — в ОАЭ (700 чел., 6 самолетов) и в Джибути (1900 чел., 8 самолетов, 8 вертолетов, корабли), а также 700 моряков на кораблях в Индийском океане, призванных оказывать логистическую помощь при переброске войск в случае необходимости. La France et la sécurité en Asie-Pacifique. 06.2016. P. 1, 4, 7, 30.

Отметим, что французские войска имеют большой опыт участия в операциях по поддержанию мира в АТР, в том числе в Камбодже (1991 г.), в Восточном Тиморе (1999–2000 гг.), Афганистане (2001–2014 гг.) и в Индонезии (2005 г.).

В-третьих, Париж имеет сеть соглашений в области обороны, которые затрагивают военно-политический диалог, военное сотрудничество и продажу вооружений, с 15-ю государствами АТР. Это страны Восточной Азии (Китай, Южная Корея, Япония), АСЕАН (Вьетнам, Камбоджа, Малайзия, Индонезия, Сингапур, Таиланд, Филиппины), Южной Азии (Индия, Пакистан, Афганистан) и Океании (Австралия, Новая Зеландия). Особенно интенсивный диалог идет с Индией (продажа вооружений), Малайзией (помощь в создании подводного флота), Сингапуром (тренировка летчиков) и Южной Кореей. Проводится стажировка офицеров из стран АТР во Франции. При посольствах Франции в 18 странах АТР действуют военные атташе, отвечающие за развитие данной сферы. Еще 21 атташе отвечает за программы подготовки полицейских сил в странах региона.

С 2012 г. Франция регулярно принимает участие в многосторонних военных учениях «Южный крест» вместе с Великобританией и восемью странами АТР (США, Канада, Япония, Австралия, Новая Зеландия, Новая Гвинея, Вануату и Тонга) для отработки навыков проведения гуманитарных миссий и эвакуации населения. Наконец, Париж участвует в многосторонних проектах по безопасности в АТР. Это, в частности, Четырехсторонняя группа по координации обороны (QUAD)⁵⁸, диалог Шангри-Ла, встречи министров обороны стран южной части Тихого океана и т.д. Не обходится без участия Франции и работа региональных механизмов по нераспространению ОМУ (ДНЯО, Конвенция о запрещении химического и биологического оружия и др.)⁵⁹.

Военно-стратегические возможности Франции в АТР ограничены прежде всего из-за удаленности французских владений не только от Европы, но и от ключевых морских путей и кризисных зон. На уровень безопасности французских владений в АТР влияет ряд факторов.

Франция признает угрозу ядерного распространения в АТР, где расположены четыре ядерные державы: Китай, Индия, Пакистан, КНДР. Наличие ядерного оружия у них делает особенно опасными кризисные ситуации на Корейском полуострове, в Тайваньском проливе или в Афганистане. Проблема ядерного распространения чувствительна для Франции в контексте отношений с Индией и Пакистаном. По ряду факторов времен холодной войны⁶⁰ именно Пакистан обрел в лице Франции регулярного поставщика оружия и технологий⁶¹. Тем не менее, большое внимание Парижа в 1970-е гг. к вопросам прав человека и ядерного нераспространения охладило отношения с Исламабадом. В 1972 г. Франция признала Бангладеш, отделившийся от Пакистана, а в 1978 г. решила прекратить экспорт ядерных технологий. Осложнение франко-пакистанских отношений подтолкнуло Париж к активизации диалога с Индией, но до конца биполярности этого не удавалось, а Пакистан оставался одним из ключевых импортеров французской военной продукции (самолеты, подлодки, корабли, ракеты).

⁵⁸ США, Франция, Австралия, Новая Зеландия.

⁵⁹ Режим контроля за ракетными технологиями, Группа ядерных поставщиков, Австралийская группа, Вассенаарские соглашения, ИБОР — ОМУ.

⁶⁰ Франко-индийский конфликт из-за колоний в Индостане, ориентация Индии на союз с СССР, а Пакистана — на КНР, а также близость позиций Франции и Пакистана по арабо-израильскому конфликту.

⁶¹ По данным на 2005 г., на вооружении Пакистана стояло 225 китайских самолетов, 185 французских и лишь 32 производства США. *Vaïsse, Maurice. La Puissance ou l'influence? P.474-475.*

Ситуация изменилась в 1990-х гг. по трем причинам: 1) экономический рост Индии с 1991 г.; 2) обретение Пакистаном и Индией ядерного статуса и военный переворот П. Мушаррафа в Исламабаде в 1999 г.; 3) начало войны НАТО в Афганистане с Талибаном и Аль-Каидой. В новых условиях Индия оказалась более выгодным экономическим и политическим партнером: в 1998 г. Париж и Дели провозгласили «стратегическое партнерство». Показательно, что Ж. Ширак осудил ядерные испытания Дели 1998 г., но сделал это весьма осторожно, отказавшись поддержать санкции, предложенные США. Это оценили в Дели, и франко-индийское сотрудничество активизировалось⁶². Сегодня оно охватывает широкий спектр областей: ядерная энергетика, военные контракты, космическое и научное сотрудничество и пр. В 2006 г. Париж поддержал предложение США придать Индии особый статус в рамках ДНЯО, обеспечив ей доступ к торговле мирным атомом. В 2008 г. Франция и Индия подписали соглашение о сотрудничестве в области мирного атома, вступившее в силу в 2010 г. Но уже в 2009 г. французская компания «Арева» подписала с «Индийской ядерно-энергетической корпорацией» контракт на поставку Индии от двух до шести атомных реакторов для АЭС⁶³. В 2015 г. Индия заказала у Франции 36 боевых самолетов «Рафаль»⁶⁴ и подписала новые контракты с «Аревой» на поставку атомных реакторов типа EPR⁶⁵. В то же время на долю Индии приходится менее 1% французского экспорта. Франция, будучи пятым экспортером по всему миру, в Индии занимает лишь 15-е место (Индия — 11-я на французском рынке)⁶⁶. Все это заставляет Францию активнее бороться за индийский рынок.

Пакистан видится во Франции гораздо более проблемным партнером. Сложное внутривнутриполитическое положение в стране с ядерным статусом, которая граничит с Афганистаном, и ведет, по словам главы МИД Франции А. Жюппе (2011 г.), «недостаточно ясную» политику в отношении талибов и «Аль-Каиды» (хотя Карачи является основным портом снабжения для войск НАТО в Афганистане), вынуждает Париж быть осторожным, как минимум, на переговорах по ядерной тематике. Французы опасаются, как бы ядерные реакторы, которые Исламабад желает получить из Парижа, не попали в руки террористов, и не торопится продавать их⁶⁷. Отношения двух стран осложняет расследование теракта 2002 г., когда в пакистанском порту Карачи был взорван автобус с 11-ю французскими инженерами, проектировавшими для Пакистана проект подлодки⁶⁸. Существуют со стороны Франции и претензии к Пакистану в области свобод и прав человека. Товарооборот двух стран (1,1 млрд евро

⁶² Ж. Ширак снова побывал в Индии в 2006 г., за ним последовали Н. Саркози (2008 г., 2010 г.) и Ф. Олланд (2013 г.). Во Францию нанесли визиты премьер-министры Индии М. Сингх (2005 г., 2008 г., 2009 г.) и Н. Моди (2015 г.). В 2006 г. Париж заявил о поддержке кандидатуры Индии в постоянные члены СБ ООН. По приглашению Н. Саркози индийские военные приняли участие в параде 14 июля 2009 г. на Елисейских полях.

⁶³ *Racine J.-L.* La France et l'Inde Emergente // *Le Monde*. 03.12.2010.

URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2010/12/03/la-france-et-l-inde-emergente_1448756_3232.html (дата обращения: 22.09.2016).

⁶⁴ *Bierre C.* France — Inde : «Une Relation la Plus Belle Qui Soit» // *Solidarité&Progrès*. 13.04.2015.

URL: <http://www.solidariteetprogres.org/france-inde-belle-relation.html> (дата обращения: 22.09.2016).

⁶⁵ Европейский реактор с водой под давлением (European Pressurized Reactor).

⁶⁶ *Bardot C.* La France et l'Inde, Une Relation en Devenir // *Perspectives Géopolitiques*. 07.12.2010.

URL: <http://geopolitique.over-blog.fr/article-la-france-et-l-inde-une-relation-en-devenir-62540207.html> (дата обращения: 22.09.2016).

⁶⁷ *Malibeaux S.* Les Relations «Vompliquées» du Pakistan avec la France // *RFI*. 04.05.2011.

URL: <http://www.rfi.fr/asia-pacifique/20110504-relations-compliquees-pakistan-france> (дата обращения: 22.09.2016).

⁶⁸ По одной из версий, теракт был организован пакистанскими спецслужбами в качестве «мести» Франции за строительство аналогичной подлодки для Индии.

за 2015 г.) уступает франко-индийскому в несколько раз, доля Пакистана во французском экспорте составляет 0,01%⁶⁹. В то же время стороны подписали декларацию о «глобальном партнерстве» 2011 г., в которой говорится о нераспространении ядерного оружия, а также декларацию о сотрудничестве в сфере безопасности 2011 г., предполагающую оказание Пакистану «технической помощи»⁷⁰.

Позиция Франции по ядерному нераспространению в АТР заключается в следующем. В целом, Париж выступает против расширения «ядерного клуба», занимая жесткие позиции, в частности, относительно ядерной программы Ирана и КНДР⁷¹. При этом, не одобряя ядерного статуса Индии и Пакистана и воздерживаясь от поставок им ядерного материала, который может быть использован в военных целях, Франция де факто воздержалась от каких-либо санкций в отношении обеих стран — реальных или потенциальных импортеров ее военной и гражданской продукции. Не имея возможности помешать нуклеаризации обеих стран, Париж, по сути, смирился с их ядерным статусом, делая акцент на развитие мирного атома.

Кроме того, на безопасность французских владений влияет наличие нестабильности, связанной в том числе с развитием международного терроризма (Мальдивы, Шри Ланка, Бирма, Филиппины, Таиланд). Франция также обеспокоена наличием в регионе таких проблем как нарушения прав человека, территориальные споры, вынужденная миграция, наркотрафик и оргпреступность. «По всем этим фронтам мы должны непрерывно оставаться не только бдительными, но и активными», — отмечают во французском МИДе.

В начале XXI в. Франция, сохраняя «осколки» своей колониальной империи, имеет в АТР целый спектр экономических, политических и военно-стратегических интересов. Сегодня Французская республика присутствует в регионе в качестве скорее дополнительного актора. В дальнейшем в своей политике в АТР Франция может полагаться не столько на свои тихоокеанские владения (которые пока позволяют Парижу скорее демонстрировать флаг, чем реально являются опорными пунктами), сколько на развитие двусторонних и многосторонних отношений со странами АТР.

Экономические возможности Франции в регионе лежат, вероятно, в дальнейшем наращивании делового присутствия на рынках стран АТР (увеличение числа предприятий и работников) и в активизации участия в многосторонних организациях и соглашениях. Тихоокеанские владения Франции при этом будут играть второстепенную роль, но при необходимости могут быть задействованы как источник ресурсов и логистические пункты. Не исключена кооперация с партнерами по ЕС для экономического освоения региона (например, в форме ССТ наподобие соглашения

⁶⁹ La France et le Pakistan // France Diplomatie. 17.05.2016.

URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/pakistan/la-france-et-le-pakistan> (дата обращения: 22.09.2016).

⁷⁰ Declaration Conjointe Relative au Partenariat Global France – Pakistan (2011) // France Diplomatie. URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/declaPolDef0205versionfrancaiseAlternatFR.pdf>; Déclaration Entre la France et le Pakistan sur la Coopération en Matière de Sécurité (2011) // Ibidem.

URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/Securite_France-Pakistan.pdf (дата обращения: 15.02.2017).

⁷¹ Lutte Contre la Prolifération Nucléaire // France Diplomatie. 2013.

URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/desarmement-et-non-proliferation/la-france-et-la-non-proliferation-des-armes-de-destruction-massive-et-de-leurs/article/lutte-contre-la-proliferation> (дата обращения: 15.02.2017).

ЕС — Южная Корея)⁷². Важным экономическим козырем Франции являются сильные позиции в области авиационной и атомной промышленности. Стоит помнить, что авиация и атомные реакторы, которые Париж поставляет партнерам в регионе, могут быть как сугубо гражданской продукцией, так и товарами двойного назначения. Для России это означает необходимость внимательно следить за состоянием военных контрактов в АТР, поскольку здесь Париж предстает прямым конкурентом Москвы (например, в Китае и в Индии).

В политической сфере в отношениях Франции со странами региона можно выделить три тенденции: 1) политика как двигатель отношений; 2) политика, не замедляющая, но и не ускоряющая диалог; 3) политика как фактор, тормозящий отношения. Двигателем отношений политика выступает, пожалуй, лишь во франко-индийском диалоге, где уровень совпадения политических интересов далеко опережает объемы торговли. В остальных случаях, даже если политический диалог развивается без особых противоречий (Япония, Южная Корея), то в силу удаленности региона от Европы и чересчур разных приоритетов Франции и ее партнеров он неглубок по содержанию. Наконец, наличие политико-идеологических разногласий между Францией с ее «мессианским» видением мира и демократии, и ряда стран АТР (КНР, КНДР, Пакистан, некоторые страны АСЕАН) может серьезно затруднить диалог.

В военно-политическом отношении Франция, скорее всего, будет сохранять курс на сохранение существующих позиций и ресурсов, дабы не уступить свою небольшую сферу влияния в регионе США и Китаю⁷³. При дальнейшем прогрессе в формировании единой европейской оборонной политики не исключено сотрудничество Парижа с партнерами по ЕС для закрепления существующих позиций Франции как части Евросоюза в регионе.

Париж подчеркивает, что является не внешним игроком в АТР, а страной, имеющей здесь жизненно-важные интересы. Очевидно, в ближайшее время стоит ожидать дальнейших усилий Парижа по закреплению на рынках стран АТР и углублению политического сотрудничества с партнерами. Но ряд ограничений, рассмотренных выше, не позволяет спрогнозировать взрывной рост французского влияния в регионе. Дальнейшее продвижение Франции в регионе будет зависеть от множества факторов, прежде всего, от ее экономических возможностей, а также от решения политической судьбы французских владений в Тихом океане.

⁷² *Couturier B.* La France, Puissance du Pacifique // France Culture. 18.11.2014.

URL: <http://www.franceculture.fr/emissions/les-idees-claires/la-france-puissance-du-pacifique> (дата обращения: 22.09.2016).

⁷³ *Dugast S.* Le Pacifique: un Ocean Stratégique // Cols Bleus: Marine Nationale. 18.02.2014.

URL: <http://www.colsbleus.fr/articles/1321> (дата обращения: 22.09.2016).

АТР в системе внешнеэкономических связей Пакистана

В статье рассматривается экономическое сотрудничество Пакистана с ведущими государствами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Исследуется стремление официального Исламабада расширить сотрудничество с такими мировыми державами, как США, Китай и Россия, а также региональными: Малайзией и Индонезией. Автор делает вывод об использовании Пакистаном внешнеполитических возможностей для экономического развития страны, особенно в энергетической сфере, и прогнозирует, что официальный Исламабад продолжит лавировать в отношениях с указанными государствами для усиления собственных геополитических позиций.

Ключевые слова: Пакистан, АТР, инвестиции, торговля, экономическое развитие, безопасность.

Между проблемами международных отношений на глобальном уровне и ситуацией на региональном уровне существует тесная связь. Трансформация военной силы региональных держав, эволюция их экономической мощи, конфессиональные и этнические конфликты в регионах прямо влияют, а в некоторых случаях и полностью переформируют мировую политику. В особенности это относится к АТР.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе сосредоточены многие ключевые для мировой экономической системы торговые пути (например, из Тихого в Индийский океан), проливы (например, Малаккский и Суэцкий) и порты (Шанхай, Сингапур, Карачи и т.д.), а также обширные человеческие (4,1 млрд человек, или более половины населения земного шара¹), экономические (в 2012 г. на АТР приходится 49,4% экспортируемых и 52,2% импортируемых товаров в мире²) и минеральные ресурсы. Географически АТР включает в свой состав Юго-Восточную, Восточную Азию, Северную Америку, западное побережье Южной Америки, Австралию и Океанию³. Но экономическое и международно-политическое влияние этого региона в XXI в. выходит далеко за его географические рамки. Увеличение внимания к АТР со стороны ведущих мировых держав, прежде всего США и КНР, стремление удержать составляющие его страны в орбите своего влияния, в первую очередь, руководствуясь экономическими интересами, означает необходимость тщательного изучения международных отношений в регионе. Особое значение в этих условиях приобретают государства, находящиеся на пересечении стратегически важных коммуникаций, имеющих стабильный рост экономических и демографических показателей. Одним из таких государств является Исламская Республика Пакистан. Целью данной статьи является анализ укрепления экономических связей Пакистана с другими государствами Азиатско-Тихоокеанского региона в начале XXI в.

* Прохоров Руслан Евгеньевич — к.психол.н., научный сотрудник Института востоковедения РАН (Vostok2014IV@gmail.com). Статья поступила в редакцию 21.07.2016.

¹ Азиатско-Тихоокеанский регион. Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/sections/where-we-work/asia-and-pacific/index.html> (дата обращения: 22.09.2016).

² Обзор текущей экономической ситуации в АТР. 10.2014 // Национальный координационный центр по развитию экономических отношений со странами АТР. URL: <http://aprcenter.ru/component/k2/16.html> (дата обращения: 22.09.2016).

³ Малетин Н.П. АСЕАН: четыре десятилетия развития. М.: МГИМО, 2007. 146 с.

Специфика положения Пакистана в АТР

Пакистан — единственная мусульманская страна, располагающая ядерным оружием. Обладая 197-миллионным населением, Пакистан занимает по этому показателю шестое место в мире и второе — среди мусульманских стран после Индонезии (263 млн человек)⁴. Имея тесные связи с мусульманскими странами АТР (Индонезия, Малайзия), Пакистан способен играть роль значимого посредника в отношениях в исламском мире и оказывать влияние на его развитие.

Расположение Пакистана между Индией и Ираном, Афганистаном и Китаем, Средней Азией и Аравийским морем превращает его в ценный транзитный узел: не зря Пакистану отводилось центральное место в таких проектах газопроводов, как ТАПИ (Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия) или, например, ИПИ (Иран — Пакистан — Индия). Именно Пакистан становился ключом к продвижению в Азию: из этой страны шло снабжение сил НАТО, проводивших в 2001–2014 гг. операцию «Несокрушимая свобода» в Афганистане. Пакистан расположен близко к стратегически важному Ормузскому проливу (чуть больше 630 км⁵), через который проходит до 40% всех морских перевозок нефти из стран Персидского залива⁶, и в принципе имеет возможность блокировать его в случае чрезвычайной ситуации.

Пакистан одновременно является союзником двух ключевых держав, претендующих на лидерство в АТР: США и Китая. Оба государства — ведущие политические и экономические партнеры Пакистана. Например, в 2013 г. товарооборот Пакистана с КНР составил 22,7%, с США — 18,2%⁷. В совокупности на двух гигантов приходится свыше 40% пакистанской внешней торговли. Союзнические отношения с Пакистаном позволяют США иметь возможность доступа к Афганистану, Персидскому заливу и наблюдать за Ираном. Для Китая же Пакистан является потенциальным союзником в конкурентной борьбе с Индией за лидерство в Азии, а также «воротами» в Индийский океан.

Экономическое положение Пакистана отличается стабильными темпами роста. По одному из основных показателей экономического развития — росту ВВП — государство уже много лет занимает одно из ведущих мест в АТР (см. табл. 1).

По данным обзора экономического развития Пакистана за 2015–2016 гг., в стране зафиксировано увеличение темпов роста уровня дохода на душу населения в долларовом выражении на 2,9%. По сравнению с 9,2% в предыдущий период, в рассматриваемые годы он составил 12,1% (1560,7 долл.). Наблюдается снижение уровня безработицы: в 2015 г. он составил 5,9% (по сравнению с 6,2% в 2013 г.). В промышленном секторе в первых месяцах 2016 финансового года зафиксирован рост на 6,8% против целевого показателя 6,4%. Правительство Пакистана постоянно пытается увеличить поставки электроэнергии и газа, которые также выросли в 2015–2016 гг. на 12,18%. За июль—апрель 2016 г. прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в Пакистан превысили 1 млрд долл. с ростом в 5,4%⁸.

⁴ Countries in the world by population (2017) // Worldometers.info.

URL: <http://www.worldometers.info/world-population/population-by-country> (дата обращения: 22.09.2016).

⁵ Это расстояние примерно соответствует дистанции между Москвой и Санкт-Петербургом.

⁶ *Замараева Н.А.* Пакистан и Ормузский пролив: чем чревата война в Заливе для Пекина и Исламабада // Новое восточное обозрение (электронный ресурс).

URL: <http://ru.journal-neo.com/node/12437> (дата обращения: 22.09.2016).

⁷ Pakistan Economic Survey 2015–16. Islamabad 2016.

⁸ Ibidem.

Таблица 1.
Рост ВВП Пакистана и некоторых государств АТР, %

Страна	2014	2015	2016
Китай	7,3	6,9	6,5
Вьетнам	6,0	6,7	6,3
Индонезия	5,0	4,8	4,9
Пакистан	4,05	4,04	4,71
Малайзия	6,0	5,0	4,4
США	2,4	2,4	2,4
Канада	2,5	1,2	1,5
Япония	0,0	0,5	0,5

Источник: *Pakistan Economic Survey 2015-16. Islamabad 2016.*

Внутриполитическая ситуация в Пакистане далека от стабильности. Страна находится лишь на 181-м месте по душевому доходу, в стране сохраняется этноконфессиональная напряженность между различными группами (шииты и сунниты, белуджи, пуштуны, выходы из Индии и т.д.), не говоря о том, что северо-запад страны, где закрепились ячейки «Аль-Каиды», слабо контролируется Исламабадом. Непрерывающиеся территориальные споры с ядерным соседом — Индией — периодически накаляют международную обстановку в этом регионе АТР, а США и страны ЕС опасаются, что ядерное оружие может легче, чем в какой-либо другой стране, оказаться в руках экстремистов⁹.

Сочетание всех указанных выше факторов позволяет сделать вывод, что Пакистан способен играть в регионе как конструктивную, так и негативную роль, и многое будет зависеть от характера его отношений с ключевыми партнерами и соседями по АТР.

Союз с США и КНР — основа внешних связей Пакистана в АТР

Каждое государство, выбирая внешнеполитическую и внешнеэкономическую стратегию, руководствуется своими национальными интересами. Как указывает К. Гаджиев, национальный интерес — это выражение и осознание потребностей государства, мотивация его существования и деятельности¹⁰. Сущность национального интереса Пакистана в АТР можно свести к сбалансированному развитию отношений с великими державами — США и Китаем, а также другими крупными государствами региона. Это и развитие отношений с единоверческими странами: в конституции Пакистана, принятой в 1973 г., в ст. 40 говорится: «Государство прилагает усилия по сохранению и укреплению братских отношений среди мусульманских стран на основе исламского единства, поддержания общих интересов народов Азии, Африки и Латинской Америки, содействия международному миру и безопасности, поощрения доброй воли и дружественных отношений среди всех народов и поддержания урегулирования международных споров мирными средствами»¹¹.

⁹ Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект пресс, 2017. С. 248–250.

¹⁰ Гаджиев К.С. Геополитика. М.: Юрайт, 2011. С. 230.

¹¹ Конституция Исламской Республики Пакистан // Legalportal.am. 12.04.1973.
URL: http://legalportal.am/download/constitutions/168_ru.pdf (дата обращения: 30.09.2016).

Главная особенность внешней политики Пакистана в АТР состоит в том, что она выстраивается на основе отношений Исламабада с двумя его главными традиционными партнерами — США и КНР. Несмотря на иногда возникающие трения в отношениях с США, Пакистан со времен биполярности был, есть и останется в ближайшей перспективе их надежным союзником¹². Это можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, Пакистан систематически получает от Соединенных Штатов сотни миллионов долларов помощи. Так, в октябре 2010 г. после переговоров главы МИД Пакистана М. Куреши с Х. Клинтон стороны объявили об оказании Вашингтоном военной помощи Исламабаду в 2012–2016 гг. в размере 2 млрд долл.¹³. Кроме этого, военную помощь было решено дополнить обязательствами в гражданских проектах на сумму 7,5 млрд долл.¹⁴. Основной приток прямых иностранных инвестиций в Пакистан из стран АТР также приходится прежде всего на Китай и США (см. табл. 2).

*Таблица 2.
Страновая структура ПИИ в экономику Пакистана
из основных стран АТР (млн долл. США)*

Страна	Показатель за 2012–2013 гг.	Показатель за 2013–2014 гг.	Показатель за 2014–2015 гг.
Китай	90,6	695,8	255,3
США	223,0	212,1	209
Гонконг	242,6	228,5	83,3
Япония	30,7	30,1	71,1
Южная Корея	25,8	24,4	14,3
Другие страны	283,6	255,4	-93
Всего	1456,5	1667,6	851

Источник: составлено автором по данным Портала внешнеэкономической информации РФ.

Во-вторых, для Пакистана действуют различные американские программы подготовки кадров, в том числе военных. Один из основных пунктов соглашения по вопросу кадров — программа повышения квалификации для пакистанской дипломатической службы в США. Две другие программы кадрового соглашения охватывают стажировку в Аризоне 10 тыс. женщин-предпринимателей и обучение 200 журналистов. По словам тогдашнего министра иностранных дел Пакистана М. Куреши, стороны стремятся превратить отношения Вашингтона и Исламабада в народно-ориентированные и направленные на улучшение делового климата в этой южно-азиатской стране. Кроме того, через Пакистан проходит маршрут поставки грузов для международного контингента НАТО в Афганистане¹⁵.

Значимость азиатско-тихоокеанского вектора для Пакистана лучше всего прослеживается на примере многолетнего сотрудничества страны со вторым важнейшим союзником — КНР. Об этом свидетельствует подписание целого ряда двусторонних договоров и соглашений. Например, решение многих вопросов экономической и энергетической безопасности Пакистаном осуществляется путем

¹² Москаленко В.Н. Внешняя политика Пакистана. М.: Наука, 1984. С. 76.; Каменев С.Н., Москаленко В.Н. Внешнеполитические проблемы современного Пакистана // Восток. 2016, №2. С. 166–172.

¹³ Белокрыцкий В.Я., Каменев С.Н. Сценарии для Афганистана и Пакистана до 2050 г. // Восточная аналитика. Ежегодник 2013. М., 2014. С. 23.

¹⁴ Ministry of Foreign Affairs Government of Pakistan. URL: www.mofa.gov.pk (дата обращения: 07.07.2016).

¹⁵ Sheet F. The United States Announces New Communications, Historic Preservation Partnerships with Pakistan. 19.07.2010. URL: www.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/07/144818.htm (дата обращения: 10.09.2016).

включения китайских инвестиций в создание китайско-пакистанского экономического коридора. Пакистан последовательно развивает сотрудничество с Китаем в области строительства морских коммуникаций и обеспечения их безопасности. Наиболее известным примером этого стало строительство Китаем порта Гвадар, который становится для Пекина воротами на Ближний Восток и в Индийский океан. Отечественные исследователи отмечают, что «реализация проекта в полном объеме в XXI в. означает развитие магистральной сети от Гвадара до Урумчи — Пекина — Шанхая, что дает Китаю альтернативный торговый коридор со странами Залива и Восточной Европой. Этот путь намного короче, чем используемый сегодня Малаккский пролив»¹⁶. Внешнеполитический курс Пакистана проводится в рамках политики «одного Китая». Так, в ответ на вопрос о последних выборах в Тайване, руководитель пресс-службы МИД Пакистана заявил о намерениях и дальше продолжить неизменную поддержку КНР в его усилиях по сохранению суверенитета и территориальной целостности страны¹⁷. А самое главное — КНР всегда четко следует политике поддержки Пакистана в любых вопросах, понимая его ценность для АТР.

Особенности внешнеэкономического сотрудничества Пакистана в АТР

Внешнеполитические и внешнеэкономические отношения Пакистана не ограничиваются сотрудничеством с США и КНР. При широком диапазоне связей Пакистана со странами АТР можно проследить их определенную иерархию: здесь прежде всего выделяются отношения с мусульманскими странами-соседами к востоку, а также многосторонние организации в рамках АТР, в которых принимает участие Пакистан.

Значимыми партнерами Пакистана в АТР являются мусульманские страны — Малайзия и Индонезия. Малайзия играет важную роль во внешней политике Пакистана в регионе уже много десятилетий. Пакистан был одним из первых государств, с которым малайзийское правительство установило дипломатические отношения после достижения независимости от Великобритании в 1957 г.

В политических и экономических отношениях Исламабада и Куала-Лумпура значительную роль играет постоянно действующий Деловой совет. Его главная задача состоит в содействии взаимной торговле и инвестициям. Развитие межгосударственного туризма, международных образовательных программ также входит в сферу деятельности совета¹⁸. Двусторонняя торговля между Пакистаном и Малайзией вышла на новый уровень после подписания двумя странами соглашения об экономическом партнерстве в январе 2008 г. Это первое Соглашение о свободной торговле между двумя странами — членами Организации исламского сотрудничества (ОИС). Одним из перспективных направлений в торговых отношениях двух стран является сотрудничество в оборонной сфере, которое в последние годы набирает все больший темп. Например, Малайзия рассматривает Пакистан в качестве возможного поставщика истребителей JF-17 “Thunder”¹⁹. Роль активного форума в оборонном сотрудничестве двух стран играет созданный совместный комитет по обороне. Верховный комиссар Малайзии доктор Х. Сани заявил, что малайзийские компании планируют через торгово-промышленные палаты стран развивать совместные предприятия с пакистанской стороной. Предполагается инвестировать

¹⁶ *Замараева Н.А.* Указ. Соч.

¹⁷ Ministry of Foreign Affairs Government of Pakistan. URL: www.mofa.gov.pk (дата обращения: 07.07.2016).

¹⁸ Pak — Malaysia Business Council. URL: <http://pakmal.org/about.html> (дата обращения: 07.07.2016).

¹⁹ Malaysia Shows Interest to Buy JF-17 from Pakistan. URL: <http://defence-blog.com/news/malaysia-shows-interest-to-buy-jf-17-from-pakistan.html> (дата обращения: 07.07.2016).

в горнодобывающую промышленность и энергетику, особенно в гидроэнергетические проекты. Одновременно от правительства Пакистана требуется обеспечить надлежащую инфраструктуру и надежную банковскую систему. Наличие развитой инфраструктуры позволит Малайзии вкладывать средства в различные проекты в порту Гвадар. Учитывая продолжающийся экономический рост Малайзии и стабильность в отношениях двух стран, можно прогнозировать создание долгосрочного коммерческого партнерства.

Отношения с Индонезией сложились у Пакистана (который тогда еще был частью Британской Индии) еще в годы поддержки этой страны в борьбе за независимость от Нидерландов²⁰. После провозглашения независимости Индонезии в 1945 г. началось устойчивое развитие взаимовыгодных двусторонних отношений в различных областях, в том числе в сфере мирного атома. С 1964 г. между Пакистаном и Индонезией для ускорения экономических и культурных связей в области торговли, транспорта, технологии, СМИ, банковского дела, страхования, научного обмена подписано множество соглашений.

Один из динамично развивающихся векторов в двусторонних отношениях Пакистана и Индонезии — взаимное ослабление визового режима. Если ранее выдача визы в консульстве обычно занимала семь дней, то с 1 августа 2015 г. этот срок был сокращен до двух дней. По словам представителя МИД Индонезии Х. Сантосо, индонезийские визы теперь будут выдаваться гражданам Пакистана при предоставлении всех необходимых документов в тот же день.

Динамично развиваются внешнеэкономические связи Пакистана с такими государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, как Япония, Южная Корея, Филиппины и Таиланд. Между дипломатами этих государств систематически проходят встречи по вопросам торговли, коммерции, безопасности, обороны, информационным технологиям, сельскому хозяйству, образованию, миграционной политике, в том числе вопросам трудовой миграции. Например, на состоявшемся в ноябре 2015 г. очередном раунде двусторонних политических консультаций между Исламабадом и Сеулом по различным направлениям экономического сотрудничества большое внимание уделялось проблеме трудовой миграции из Пакистана в Южную Корею.

Рассматривая азиатско-тихоокеанский вектор внешней политики Пакистана, необходимо также остановиться и на международных проектах страны: участии в переговорах по запуску Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), переговорах о вступлении в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Так, трехсторонние переговоры для дальнейшей экономической интеграции между лидерами КНР, Южной Кореи и Японии проводились на территории Пакистана. По словам бывшего президента Южной Кореи Пак Кын Хе, три лидера договорились о совместной работе по заключению Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (Regional Comprehensive Partnership, RCEP)²¹. Оно предполагает соглашение о свободной торговле между 16 странами — десятью членами АСЕАН (Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Сингапур, Таиланд и Вьетнам), а также шестью другими государствами, с которыми АСЕАН имеет

²⁰ *Kalam A. Pakistan's Eastward Policy and ASEAN Correlation: A Security Dimension // Pakistan — ASEAN relations: Constraints and Opportunities // Papers Presented at the Seminar Organized by Area Study Centre, University of Sindh, Jamshoro. 18–19.02.2004. P. 62.*

²¹ *Кадочников П.А., Пономарев О.В. Формирование Всеобъемлющего регионального экономического партнерства: перспективы и последствия // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. №10. С. 3.*

действующие соглашения о свободной торговле (Австралия, КНР, Индия, Япония, Корея и Новая Зеландия).

Общая численность населения стран-партнеров в намеченном ВРЭП составит свыше 3 млрд человек, и, по оценкам ВТО, в будущем ВВП данных стран достигнет около 21 трлн долл. Пакистан может извлечь выгоду от присоединения к этому соглашению по ряду направлений. Во-первых, вступив во ВРЭП, Пакистан сможет укрепить свои позиции в регионе как участник зоны свободной торговли. Во-вторых, присоединение страны к ВРЭП может дать Пакистану возможность участвовать в других крупных проектах. Например, из 12 стран запланированного США Транстихоокеанского партнерства (ТТП) семь являются членами ВРЭП²². Таким образом, в случае, если Пакистан станет членом ВРЭП и если будет создано ТТП, государство получит дополнительные преимущества с точки зрения торговли. Дружественные отношения между Пакистаном и Китаем могут обеспечить поддержку Пекина по вопросу включения Пакистана во ВРЭП.

Диалог АСЕАН — Пакистан охватывает сферы торговли, промышленности, инвестиций, охраны окружающей среды, науки и техники, производства лекарств, туризма и развития человеческих ресурсов. Несколько других областей сотрудничества между Пакистаном и АСЕАН развиваются на уровне отраслевых министерств: культура, образование, транспорт, энергетика, связь, обмен разведанными, информационными технологиями и сельскохозяйственными исследованиями,²³. Важно, что сегодня отношения Пакистана и ряда стран АСЕАН (например, Вьетнама) не омрачены конфликтами и блоковой борьбой, как это было в годы биполярности.

Интерес Пакистана к ШОС¹⁷ обусловлен экономическими причинами. Потребности Исламабада в энергоресурсах, а также возможность прокладки транспортных артерий из Центральной Азии на побережье Индийского океана через его территорию (указанный выше проект ТАПИ) могут рассматриваться партнерами как один из возможных вариантов взаимовыгодного сотрудничества. Одновременно по соображениям безопасности на фоне тлеющего индо-пакистанского конфликта Пакистан подал заявку на вступление в ШОС, став вместе с Индией членом этой организации в 2015 г. Данный шаг позволяет придать международному сотрудничеству в регионе достаточно сбалансированный характер: одновременное вступление двух соседей-оппонентов в одну организацию должно способствовать повышению доверия между ними и общему уровню безопасности в Индостане. В то же время возникает вопрос, как вступление Пакистана в ШОС, где основную роль играют Россия и Китай, скажется на отношениях Пакистана с США, особенно в области военного сотрудничества.

АТР является для Пакистана уникальным по своему экономическому потенциалу и стратегическому положению регионом, в котором расположены два его ключевых союзника — США и Китай, а также дружественные мусульманские страны (Индонезия, Малайзия, Бруней).

За многие десятилетия сотрудничества между Пакистаном и странами региона сложилась практика двусторонних и многосторонних консультаций по актуальным

²² The Regional Comprehensive Economic Partnership. URL: <http://www.forexportimport.com/2014/09/regional-comprehensive-economic.html> (дата обращения: 07.07.16).

²³ *Васильев Л.Е.* Политика мировых держав в Центральной Азии и ее влияние на перспективы развития ШОС // Мировые державы в Центральной Азии / сост. Л.Е. Васильев. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 37.

проблемам взаимоотношений, в том числе на высшем уровне. Усиление позиций Пакистана в регионе особенно важно в условиях нарастающей конкуренции между США и КНР, которые рассматривают Пакистан как государство, способное играть роль противовеса в регионе и тем самым придать существующей здесь системе международных отношений более сбалансированный характер. Учитывая партнерские отношения пакистанского правительства с обоими государствами, со стороны официального Исламабада можно предполагать лавирование и посредничество в американо-китайских отношениях в собственных экономических и внешнеполитических интересах.

В то же время происходящие в АТР изменения прямо затрагивают внешнюю политику и экономику Пакистана. В этом смысле показательно вступление Пакистана вместе с Индией в ШОС. Это происходит на фоне усиления индо-американских связей и ряда разногласий между США и Пакистаном по Афганскому конфликту, когда Пакистан чувствует необходимость обеспечить дополнительные политические и экономические ресурсы для дальнейшего развития.

Особенности политического и экономического диалога Мексики и Перу с КНР (1970-е – 2010-е гг.)

В статье дается краткая характеристика взаимоотношений Мексики и Перу с КНР с 1970-х гг. до настоящего времени. Проведено сравнение исторического и современного состояния торгово-экономических связей рассматриваемых стран, дан анализ влияния внутривнутриполитических процессов на уровень и характер контактов, а также выделены основные проблемы. Показано, что у Мексики и Перу существуют общие для стран Латинской Америки проблемы во взаимоотношениях с Китаем: высокий уровень коррупции и недостаток информации о местных реалиях у китайских инвесторов, что приводит к затруднениям в реализации совместных проектов.

Ключевые слова: Мексика, Перу, КНР, китайские инвестиции, соглашение о свободной торговле, АТЭС.

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) на сегодняшний день — один из самых динамично развивающихся регионов мира. На фоне глобализации страны активно развивают связи между собой, в связи с чем изучение двусторонних отношений стран региона приобретает особую актуальность. Рост политических и торгово-экономических связей между странами Латинской Америки и КНР в начале XXI в. стала относительно новым и пока еще слабо изученным явлением. Прекрасным примером для рассмотрения основных проблем и перспектив такого рода контактов представляются взаимоотношения Мексики и Перу с КНР.

В настоящей статье мы постараемся показать, что китайско-мексиканские и китайско-перуанские экономические отношения представляют собой крайние вариации того, как могут складываться отношения КНР со странами Латинской Америки. Так же следует отметить, что корреляция между развитием политических и экономических двусторонних связей государств зачастую слабо выражена.

Перед тем, как приступить к рассмотрению особенностей двухстороннего сотрудничества, следует рассмотреть позиции Китая в отношении стран Латинской Америки. Главный принцип политики КНР в отношении государств региона — главенство экономических интересов и стремление к сотрудничеству вне зависимости от идеологической и политической направленности партнеров, сформулированный еще в 1970-е гг., остается неизменным. Однако внутривнутриполитические процессы в КНР («Культурная революция», реформы Дэн Сяопина в 1980-е гг., и т.п.) не позволяли стране начать эффективное сотрудничество с новыми партнерами.

На рубеже XXI в. недостаток национальных природных ресурсов для стремительно растущей экономики Китая, а также экспортно-ориентированный характер экономики КНР вынудили Пекин активизировать свою внешнюю политику. В этой связи ресурсная база Латинской Америки, а также ее рынки сбыта привлекли внимание Пекина. Немалую роль в интенсификации торгово-экономических связей сыграло вступление Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2001 г.

* Горячев Николай Николаевич — ст. лаборант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока РАН (nngoryachev@gmail.com). Статья поступила в редакцию 26.08.2016.

Первый официальный документ — «Белая книга», посвященная политике Китая в отношении латиноамериканских государств, — был опубликован в 2008 г.¹ Документ освещает множество областей взаимодействия, в числе которых торговля, инвестиции, инфраструктура, энергетика и туризм, а также вопросы безопасности и культурного сотрудничества.

Специфика экономических отношений Мексика — КНР

Установление контактов с КНР в новейшей истории Мексики связано с политикой левого президента Л. Эчеверриа, занимавшего пост президента Мексики в 1970–1976 гг. Мексика поддержала резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН №2758 (XXVI) от 25 октября 1971 г., согласно которой место, закрепленное за Китаем в ООН, переходило от «Китайской республики» (Тайвань) к КНР². Дискуссия в ООН по вопросу принятия КНР в члены организации была трудной. США объявили о том, что не имеют ничего против принятия КНР в ООН, но при условии сохранения членства Тайваня. Однако «двойное представительство» не представлялось возможным, и Албанией был внесен иной проект резолюции, предусматривающий принятие в ООН КНР и одновременное приостановление членства Тайваня. Изначально Л. Эчеверриа рекомендовал своим дипломатам воздержаться при голосовании по резолюции Албании, но в итоге постоянный представитель Мексики в ООН Г. Роблес убедил президента, что в такой важный момент необходимо проголосовать за принятие соответствующей резолюции.³

Этот жест Мексики был позитивно воспринят в Китае, и в октябре 1972 г. между странами были установлены дипломатические отношения. В это время мексиканское правительство было заинтересовано в сотрудничестве с КНР в основном для решения двух внешнеполитических вопросов, которые Л. Эчеверриа считал наиболее важными: образование в Латинской Америке безъядерной зоны и развитие международного экономического сотрудничества в условиях кризиса Бреттон-Вудской валютной системы (правительство Мексики было серьезно озабочено запретом на конвертацию доллара в золото, объявленным президентом США Р. Никсоном в 1971 г.). Установление в Латинской Америке безъядерной зоны было одной из ключевых инициатив для государств региона, серьезно обеспокоенных событиями вокруг Карибского кризиса 1962 г., и заинтересованных в гарантиях безопасности во время любых конфликтов между ядерными державами. Также в 1970-е гг. большинство латиноамериканских стран были заинтересованы в развитии большей самостоятельности и борьбе против экономической зависимости от развитых стран (главным образом США), в связи с чем в регионе активно шла работа над Хартией экономических прав и обязанностей Государства, которую предполагалось принять на уровне ООН.

Мексиканские дипломаты надеялись, что присоединение Китая к Договору Тлателолко⁴ будет полезным для КНР (так как продемонстрирует мировому

¹ China's Policy Paper on Latin America and the Caribbean. URL: http://www.gov.cn/english/official/2008-11/05/content_1140347.htm (дата обращения: 07.07.2016).

² Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция №2758 (XXVI). 25.10.1971. «Восстановление законных прав Китайской Народной Республики в ООН». URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/330/82/IMG/NR033082.pdf?OpenElement> (дата обращения: 07.07.2016).

³ *Roch E. A. Sin Sustento Político, Imposible Construir Relaciones Económicas Bilaterales Sólidas // Cuarenta Años de la Relación Entre México y China: Acuerdos, Desencuentros y future. / Ed. E. Dussel Peters, Y. Trapaga Delfin. UNAM. 2012. P. 37–49.*

⁴ Многосторонний договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне 1967 г., учреждавший безъядерную зону на соответствующих территориях.

сообществу приверженность Китайской народной республики к мирному сосуществованию), а также придаст документу больший вес, так как Китай после принятия в ООН, заняв место Тайваня, стал постоянным членом Совета Безопасности.

В ходе визита в КНР в 1973 г. Л. Эчеверриа достиг поставленных целей: с КНР был подписан II Протокол к Договору Тлателолко, а также достигнута договоренность о поддержке и участии Китая в разработке Хартии экономических прав и обязанностей Государства, которая активно продвигалась Мексикой на международной арене.⁵

Однако плодотворное политическое взаимодействие практически не сказалось на развитии торгово-экономических связей: торговля Мексики с Китаем оставалась незначительной (около 1% от общего объема торговли Мексики).⁶ Это было связано в основном с внутривнутриполитической нестабильностью в КНР, а также с началом в Мексике экономических проблем на фоне мирового нефтяного кризиса 1979–1980 гг. В период 1980–1990-х гг. левые правительства М. де ла Мадрида (1983–1988 гг.) и К. Салинаса (1988–1994 гг.) в попытке справиться с экономическим кризисом провели некоторые преобразования в неолиберальном духе (сокращение государственных расходов, ограничение импорта, введение валютного контроля, приостановка выплат по государственному долгу, девальвация песо, и т.д.), которые не позволили стране использовать возможности для наращивания двусторонних деловых и политических обменов с КНР.

Вступление Мексики в Североамериканскую зону свободной торговли (НАФТА) вместе с США и Канадой в 1994 г. помогло справиться с кризисными явлениями. Частичное восстановление экономики привело к росту объемов торговли с КНР (экспорт Мексики рос примерно на 32%, а импорт на 37% в год), однако общий объем товарооборота с КНР составлял всего 0,3% от общего объема мексиканской торговли⁷. На протяжении 1990-х гг. Мексика продолжала восстанавливать состояние своей экономики, благодаря чему стало возможным начало нового этапа развития отношений между двумя странами.

Этот этап начался после вступления Китая в ВТО. В этом процессе Мексика сыграла важную роль, т.к. являлась последним государством, с которым Китай проводил переговоры, и вступление КНР в ВТО стало возможным только после достижения договоренности с Мексикой. В 2003 г. страны заявили о начале стратегического партнерства, были созданы Двусторонняя комиссия по вопросам сотрудничества, и Группа Высшего Уровня. С 2003 г. было заключено множество соглашений и договоров: о борьбе с незаконной торговлей (2004 г.), о воздушном транспорте (2005 г.), морском транспорте (2005 г.), о сотрудничестве в горнодобывающей отрасли (2005 г.), и соглашение о взаимном поощрении и защите инвестиций (2008 г.). К 2010 г. Китай стал вторым по объему торговым партнером Мексики, его доля в мексиканской внешней торговле выросла с 0,3% в 1995 г. до 8,3% в 2010 г.⁸ Однако увеличение товарооборота и расширение областей сотрудничества привело к новым проблемам.

⁵ Roch E. A.. Ibidem.

⁶ Navarrete J. E.. La Relación Bilateral China–México: Una Reflexión Personal // Cuarenta Años de la Relación Entre México y China: Acuerdos, Desencuentros y Future. / Ed. E. Dussel Peters, Y. Trapaga Delfin. UNAM. 2012. P. 73–79.

⁷ Anuario Estadístico del Comercio Exterior de los Estados Unidos Mexicanos Exportación y Importación 1992–1999.

URL: <http://www3.inegi.org.mx/sistemas/productos/default.aspx> (дата обращения: 25.08.2016).

⁸ Peters E. D. Aspectos Comerciales y de Inversión Entre China y México: ¿Colisión o Acuerdo? // Cuarenta Años de la Relación Entre México y China: Acuerdos, Desencuentros y Future. Ed. E. Dussel Peters, Y. Trapaga Delfin. UNAM. 2012. P. 81–91.

Первой из них стал рост дефицита торгового баланса Мексики и увеличение конкуренции со стороны китайских производителей. Перенос крупными компаниями-производителями высокотехнологичных товаров своих предприятий в Китай (Sony, NEC, Kodak и др.) в связи с более низкой стоимостью тамошней рабочей силы, а также отмена в 2007 г. по условиям ВТО заградительных пошлин Мексики на некоторые виды китайских товаров (изделия из кожи, игрушки, промышленное оборудование, химикаты) серьезно изменили структуру двустороннего товарооборота. Если в 2000 г. 86% мексиканского экспорта в Китай были связаны с электроникой и автомобильной промышленностью, то в 2010 г. этот показатель снизился до 30%, а основную часть экспорта (53%) составили товары сырьевой группы, что спровоцировало рост дефицита торгового баланса Мексики в торговле с КНР, который в 2004 г. составлял 14 млрд долл.

Мексиканские предприниматели разделились на противников, опасавшихся серьезной конкуренции с китайскими производителями и потери Мексикой доли рынка в некоторых производственных сферах, и сторонников активизации торговли с Китаем, видевших огромный потенциал для импорта из Китая. Несмотря на то, что мексиканские производители стремились подготовиться к росту конкуренции, особенно на внутреннем рынке США (который они уже считали «своим» благодаря членству в НАФТА), увеличение китайского присутствия стало для них серьезным вызовом.

Второй проблемой стало привлечение инвестиций. На Мексику в 2000-х гг. приходилось менее 1% от общего количества региональных прямых китайских инвестиций. Основные объемы инвестирования китайскими компаниями приходились на сферу торговли (примерно 43,3%) и производственный сектор (примерно 33,9%). Учитывая это, мексиканские власти возлагали большие надежды на осуществление крупных инвестиционных проектов. Однако из-за непонимания особенностей друг друга, а также бюрократических препятствий и коррупции, реализация совместных проектов была осложнена.

Хорошим примером в этой связи является ситуация вокруг таких проектов как Dragon Mart в Канкуне и постройки высокоскоростной железнодорожной линии на участке Мехико — Керетаро. Строительство торгово-выставочного комплекса Dragon Mart было начато в 2012 г. Предполагалось, что этот международный проект будет способствовать установлению прямого контакта между производителями товаров и их потребителями, а также станет своего рода центром для распространения по региону высококачественных китайских товаров по оптовым ценам. Особо отмечалось, что предполагается постройка жилого района для обеспечения работников жильем, а также развитие складской инфраструктуры⁹. В ходе строительства правительство Мексики получило множество жалоб со стороны различных экологических организаций, и после проведения проверок в январе 2015 г. проект был закрыт по решению Федеральной прокуратуры по защите окружающей среды (PROFEPА) за нанесенный экологический ущерб. При этом указывалось, что руководству проекта были вынесены предписания об устранении недостатков, выявленных при строительстве, однако они были проигнорированы¹⁰.

Неудача постигла и постройку высокоскоростной железнодорожной линии Мехико — Керетаро. Тендер на осуществление этого проекта выиграл китайский

⁹ Cancun Dragon Mart Informative Site.

URL: <http://www.cancundragonmart.com.mx/2014-2015-Project.html> (дата обращения: 07.07.2016).

¹⁰ Impone PROFEPА Clausura Total a Proyecto “Dragon Mart Cancun” en Quintana Roo. URL:

http://www.profepa.gob.mx/innovaportal/v/6797/1/mx/impone_profepa_clausura_total_a_proyecto_“dragon_mart_cancun”_en_quintana_roo.html (дата обращения: 20.09.2016).

консорциум CRCC¹¹, общая стоимость составила примерно 3,75 млрд долл. Однако впоследствии у Сената и общественных групп возникли сомнения в законности этого контракта (CRCC был единственным участником итоговых торгов, возникли также подозрения в коррупции). Правительство было вынуждено отменить контракт и заявило о повторении торгов и стремлении к большей прозрачности при их проведении¹².

Таким образом, налаживанию эффективного сотрудничества мешает наличие серьезных проблем с коррупцией и прозрачностью при реализации крупных совместных проектов. Следует также отметить, что до 2013 г. в Мексике в принципе не существовало четкой стратегии реализации экономического сотрудничества со странами Азии и отсутствовали программы по диверсификации внешней торговли. На сегодняшний день указанные сложности остаются, несмотря на стремление властей Мексики к большей открытости к инвестициям и минимизации экономических рисков.

Особенности экономических отношений Перу — КНР

Как и в случае с Мексикой, предпосылкой к установлению Перу дипломатических отношений с КНР стало то, что перуанцы поддержали Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН №2758 (XXVI) от 25 октября 1971 г., передававшую право представительства в ООН от тайваньского правительства к КНР. Действия правительств левого толка Х. Веласко Альварадо (1968–1975 гг.) и Ф. Моралеса Бермудеса (1975–1980 гг.) были направлены на реализацию самостоятельной политики государства путем национализации экономики, закрепленной на законодательном уровне. Эти правительства стремились переориентировать внешнюю политику от союза с США на сотрудничество с СССР и социалистическими странами, что осложнило налаживание контактов Перу с КНР из-за советско-китайских разногласий. Все же 2 ноября 1971 г. Перу установил дипломатические отношения с КНР, однако это не стало началом бурного развития китайско-перуанских контактов. Причиной этого стали внутривнутриполитические и экономические сложности в Перу в 1970–1980-х гг.

Правление правого президента Ф. Белаунде Терри (1980–1985 гг.) и затем левого А. Гарсии Переса (1985–1990 гг.) происходило в обстановке уже начавшегося социально-экономического кризиса в стране. Экономическая политика была в основном направлена на борьбу с ним, и, как и в случае с Мексикой, у перуанского правительства не имелось возможностей для наращивания сотрудничества с КНР. Относительной стабильности удалось добиться правому президенту А. Фухимори (1990–2000 гг.). За время его правления в стране были осуществлены экономическая и конституционная реформа, удалось повысить показатели экспорта и добиться роста ВВП. В 1998 г. страна была принята в АТЭС, что позволило активизировать интеграционные процессы, направленные за пределы Латинской Америки¹³. Результатом этих усилий стало увеличение товарооборота между КНР и Перу, который вырос в период 1990–2000 гг. в 9,8 раз (с 74,6 до 731,5 млн долл.)¹⁴.

¹¹ CRCC – China Railway Construction Corporation.

¹² *Wilkinson T.* Mexico Cancels Deal with Chinese-led Consortium to Build Bullet Train. URL: <http://www.latimes.com/world/mexico-americas/la-fg-mexico-china-bullet-train-20141107-story.html> (дата обращения: 21.09.2016).

¹³ Подробнее об этом см.: *Горячев Н.Н.* Экономическое развитие Перу как ресурс интеграции. Исторический аспект // *Россия и АТР.* 2015. № 4 (90). С. 239–251.

¹⁴ Central Reserve Bank of Peru. Annual Report 2002 // Central Reserve Bank of Peru. URL: <http://www.bcrp.gob.pe/publications/annual-report/annual-report-2002.html> (дата обращения 23.08.2016).

Начало XXI в. ознаменовалось для Перу новым этапом в построении контактов с КНР. После отставки в 2000 г. А. Фухимори и урегулирования внутривнутриполитического кризиса в стране была начата разработка Стратегического плана развития внешней торговли, включавшего в себя меры по достижению соглашений о свободной торговле и стратегическому партнерству со странами АТР, а также План развития регионального экспорта, основной целью которого было названо стремление к децентрализации экспортных поставок¹⁵. Реализация этих планов была главной целью правительств Перу.

В 2006 г. президентом Перу был вновь избран левый политик А. Гарсия Перес (2006–2011 гг.). В этот же период начались первые консультации по вопросам подготовки соглашения о свободной торговле (ССТ) между Перу и Китаем, предполагалось, что работа над соглашением завершится к началу саммита АТЭС 2008 г. в Лиме. Однако несмотря на все усилия, было подписано только соглашение о стратегическом партнерстве. Реальное подписание ССТ с Китаем состоялось на следующем ежегодном саммите АТЭС в 2009 г.

Соглашение о свободной торговле придало новый импульс товарообороту двух стран (при этом Перу сохраняет положительный торговый баланс), который в 2009 г. составил 3,46 млрд долл. (импорт) и 4 млрд долл. (экспорт)¹⁶. Структура перуанского экспорта в Китай оставалась традиционной: его основными статьями были полезные ископаемые (главным образом медь и железо), а также рыбная мука, в производстве которой Перу является мировым лидером¹⁷.

Помимо увеличения товарооборота, важным намерением перуанского руководства было привлечение китайских инвестиций. В 1990–2009 гг. Китай инвестировал в Перу 2,2 млрд долл., после подписания ССТ поток китайских инвестиций вырос (2010–2013 гг. — 6,8 млрд долл.), что вывело Перу на второе место (16%) среди стран Латинской Америки – реципиентов китайских инвестиций¹⁸. Основной приток инвестиций приходится на горнодобывающую отрасль, где активно работают компании с китайским капиталом: Chinalco, Shougang Hierro Perú S.A.A., Minería Shouxin Perú S.A., Jinzhao Mining Perú S.A. В основном благодаря китайским инвестициям Перу получил возможность реализовывать крупнейшие проекты в сфере добычи полезных ископаемых, такие как, например, медный рудник «Лас-Бамбас» на юге страны, который был приобретен Китаем в 2014 г., а уже в апреле 2016 г. были начаты первые поставки перуанской меди в КНР¹⁹.

Однако увеличение инвестиционных потоков и появление китайских компаний в горнодобывающей сфере вновь обнажило проблемы, традиционные для добывающей индустрии Перу. В качестве примеров можно привести деятельность двух компаний — Shougang Hierro Perú S.A.A. и Chinalco.

¹⁵ Araoz M. Plan Estratégico Nacional Exportador. 2007 // Camara de Comercio. Lima. URL: <http://200.37.9.27/CCLWeb/Publico/eventos/descargas/MercedesAraoz-PlanNacionalExportacion.pdf> (дата обращения: 24.08.2016).

¹⁶ Central Reserve Bank of Peru. Annual Report 2009 // Central Reserve Bank of Peru. URL: <http://www.bcrp.gob.pe/publications/annual-report/annual-report-2009.html> (дата обращения: 23.08.2016).

¹⁷ Chamberlain A. Fishmeal and Fish Oil — The Facts, Figures, Trends, and IFFO's Responsible Supply Standard // International Fishmeal & Fish Oil Organisation. URL: http://www.iffonet/system/files/FMFOF2011_0.pdf (дата обращения: 10.09.2016).

¹⁸ Foreign Direct Investment in Latin America and the Caribbean. 2010 // The Economic Commission for Latin America URL: <http://www.cepal.org/en/publications/foreign-direct-investment-latin-america-and-caribbean-report-2010> (дата обращения: 24.08.2016).

¹⁹ Sanderson H. China Wants to Buy More Copper Mines to Secure its Supply // Financial Times. 6.04.2016. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/6f43b13c-fbdb-11e5-8f41-df5bda8beb40.html#axzz4IJ2sCQo2> (дата обращения: 23.08.2016).

Компания Shougang для многих перуанцев и перуанских СМИ воплощает в себе негативный стереотип о китайской компании, которая игнорирует трудовое законодательство и экологические стандарты в погоне за прибылью. В 1992 г. в результате приватизации государственной компании Hierro Perú, проведенной А. Фухимори, компания Shougang стала оператором железного месторождения «Маркона» в одноименном районе провинции Наска. За два десятилетия с момента приобретения этот объект превратился из убыточного в высокодоходный, но в то же время компания-оператор остается одной из самых критикуемых иностранных добывающих компаний в Перу. Ее негативный имидж связан с тем, что компания, будучи одним из первых китайских инвесторов в горнодобывающую отрасль страны, столкнулась с большим количеством проблем, связанных с недостатком информации о местных условиях ведения бизнеса, а также с плачевным состоянием инфраструктуры объекта. Взаимоотношения компании с правительством Перу, удачно складывавшиеся в начале 1990-х гг. во время президентского срока А. Толедо (2001–2006 гг.), заметно ухудшились в связи с проведением расследования о законности приватизации и обвинении должностных лиц компании в коррупции. Несмотря на то, что обвинения позже были сняты, Shougang остается под гораздо более пристальным вниманием со стороны контролирующих органов, чем остальные иностранные компании.

Другие китайские инвесторы стремились учесть опыт Shougang и других иностранных компаний, чтобы избежать социальных протестов. Компания Chinalco является в данном случае наиболее удачным примером. В 2007 г. она стала оператором медного месторождения «Торомочо». Сложные природные условия требовали соответствующей инфраструктуры для ведения добычи и переселения заводского поселка Морокоча. Однако инициативы компании по улучшению условий жизни и труда вызвали сопротивление местных жителей. Ситуацию удалось частично разрешить благодаря вмешательству перуанского правительства, однако компанию продолжают критиковать²⁰.

В настоящее время, несмотря на существующие проблемы, перуанское правительство стремится улучшить взаимопонимание между китайскими инвесторами и государством. Министерство окружающей среды проводит для китайских компаний семинары и тренинги для ознакомления с местными экологическими нормами. Более того, условия труда и уровень жизни перуанцев, работающих на китайские компании и проживающих в рабочих поселках, по меркам Перу достаточно высоки.

Рассмотренные примеры Мексики и Перу показывают, что становление и развитие политического и экономического диалога между странами Латинской Америки и Китаем носит достаточно противоречивый характер.

Мексика является своего рода зеркалом сотрудничества латиноамериканских стран с Китаем. Несмотря на налаживание продуктивного политического взаимодействия по глобальным вопросам еще в 1970-х гг., сотрудничество Мексики и КНР в экономике не получилось столь же эффективным. Мексиканское руководство сделало выбор в пользу присоединения к НАФТА и развития торгово-экономических связей с США и Канадой, а сотрудничество с КНР не развивалось эффективно до начала 2000-х гг. В итоге, сориентировав свою экономику на производство товаров (в

²⁰ Sanborn C., Chonn V. Chinese Investment in Peru's Mining Industry: Blessing or Curse? // Global Economic Governance Initiative Discussion Paper 2015.

URL: <http://www.bu.edu/pardeeschool/files/2014/12/Peru2.pdf> (дата обращения: 21.09.2016).

том числе высокотехнологичных), Мексика столкнулась с растущей конкуренцией со стороны Китая и стала уступать позиции на своем главном рынке сбыта — США. Свою роль сыграло и отсутствие четких планов по диверсификации торговли со странами АТР. На сегодняшний день главной проблемой Мексики в отношениях с Китаем является постоянный рост дефицита торгового баланса, который не могут остановить все усилия по его снижению. Негативное влияние на эффективность взаимоотношений с КНР оказывают высокий уровень коррупции, а также недостаток информации о мексиканских реалиях у китайских инвесторов, что может приводить в том числе к срыву крупных проектов.

Перуанское правительство, оценив экономические возможности своего государства (обретенные в результате реформ 1990-х гг.), сделало ставку на сотрудничество с КНР в наиболее выгодных для страны областях, прежде всего, горнодобывающей, при этом получив возможность полноценной разработки национальных ресурсов. Имея четкие программы по развитию национального экспорта, государство смогло наладить эффективную торговлю с КНР, не допуская большого торгового дефицита. Законодательно закреплённая поддержка инвестиций позволила привлечь средства в наиболее перспективные проекты и получить результаты уже в краткосрочной перспективе.

Однако остаются известные, типичные для горнодобывающей отрасли страны проблемы: соблюдение экологических норм, критика концессий со стороны политиков и общества за недостаточную прозрачность деятельности, спорные вопросы трудового регулирования и т.п. В настоящее время перуанское правительство работает над налаживанием диалога между инвесторами и обществом, а также улучшением понимания в Китае перуанской специфики. Китайские компании, в свою очередь, стремятся использовать опыт своих предшественников и минимизировать риски, связанные с негативным имиджем и социальным неприятием своих проектов.

Несмотря на разницу проводимой политики, у Мексики и Перу существуют общие для стран Латинской Америки проблемы в развитии взаимоотношений с Китаем: высокий уровень коррупции и недостаток информации о местных реалиях у китайских инвесторов, что приводит к задержкам в реализации совместных проектов. Однако Китайская Народная Республика остается важным и перспективным партнером для этих стран, и вряд ли можно ожидать, что курс на наращивание объемов и форм сотрудничества существенно изменится.

Тихоокеанский вектор внешней политики Перу: концептуальные и практические проблемы

В работе рассмотрены концептуальные обоснования тихоокеанской политики Перу, дан исторический обзор основных направлений политики Перу в регионе. Изучено участие Перу в многосторонних форматах взаимодействия в АТР. Проанализирована специфика перуано-японских связей. Автор приходит к выводу, что тихоокеанский вектор внешней политики Перу является одним из основных и наиболее перспективных с точки зрения диверсификации экономических связей страны.

Ключевые слова: Перу, АТР, АТЭС, Тихий океан, Тихоокеанский альянс.

Формирование миропорядка в XXI в. сопровождается серьезными изменениями в Западном полушарии. Российские исследователи отмечают все более очевидное падение престижа и влияния США в Латинской Америке, распространение региональных интеграционных проектов, и наращивание латиноамериканскими странами связей за пределами региона¹. Как отмечает З.Ивановский, «более активными субъектами политики становятся и латиноамериканские государства, отказавшиеся от авторитарного наследия, добившиеся определенных успехов на пути консолидации демократии и успешно защищающие свои национальные интересы в рамках международных организаций, в системе двусторонних и многосторонних отношений»². Одним из таких государств, активно развивающих не только межамериканские связи, но и внимательно наблюдающих за процессами в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), является Республика Перу. Цель данной статьи — рассмотреть тихоокеанский вектор перуанской внешней политики как на концептуальном уровне, так и на практическом. В работе проанализирована сочетаемость концептуальных построений и практических инициатив Перу, а также перспективы вовлечения Перу в интеграционные процессы в АТР.

Стратегическая мысль Перу о Тихоокеанском факторе

В Латинской Америке появление значимых исследований вопросов национальных интересов стран и их внешней политики стало возможным во многом благодаря представителям военных кругов и национальных военных школ³. Перу в этом смысле не исключение. Как отмечает отечественная исследовательница А. Проценко, наиболее проработанные школы, помимо бразильской, судя по всему, сформировались в странах «Южного конуса» (Аргентина, Перу, Чили). В то же время,

* Шинкаренко Александр Александрович — к.пол.н., научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (hombreyo@gmail.com). Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, грант № 15-37-01216 «Латиноамериканские геополитические коды: влияние на формирование внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии поведения стран региона в полицентричной мировой системе и построение долгосрочных отношений с Российской Федерацией»; поступила в редакцию 31.08.2016.

¹ Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект-пресс, 2017. С.336.

² Ивановский З.В. Основные этапы и векторы внешней политики Перу (рецензия) // Обозреватель, 2012, №4. С. 117.

³ Child J. Geopolitical Thinking in Latin America // Latin American Research Review. Vol. 14. No. 2. 1979. P. 89.

многие концептуальные наработки региона, имея исключительно локальное значение, сформировались под сильным влиянием европейских и американских школ⁴.

В первой половине XX в. в Перу можно отметить ряд мыслителей, пытавшихся концептуализировать внешнеполитическую повестку страны. Среди них следует отметить юриста и дипломата В. Андреса Белаунде (Víctor Andrés Belaúnde, 1883–1966 гг.), Х. Карлоса Мариатеги (José Carlos Mariategui, 1894–1930 гг.), Х. Басарде (Jorge Basadre, 1903–1980 гг.), Л. Э. Валькарсэля (Luis E. Valcárcel, 1891–1987 гг.), затрагивавших геополитический аспект в своих исследованиях⁵. С возникновением Перуанского института геополитических и стратегических исследований (IPEGE — Instituto Peruano de Estudios Geopolíticos y Estratégicos), во главе которого встал генерал Э. Меркадо Харрин (Edgardo Mercado Jarrín, 1919–2012 гг.) изучение геополитики стало популярным⁶. Множество исследований в традициях школы «политического реализма» проводились Перуанским институтом геополитических и стратегических исследований, Центром высших военных исследований (Centro de altos Estudios Militares, CAEM), Высшими школами военных институтов (Escuelas Superiores de los Institutos Armados). Это позволило сформировать понимание национальных и внешнеполитических интересов страны.

В частности, контр-адмирал перуанской армии У. Рамирес Карнаваль (Hugo Ramírez Carnaval) предложил следующие цели страны. На национальном уровне к ним относятся консолидация страны, создание современной и эффективной промышленности, борьба с трансграничной преступностью; на международном уровне — экономическое господство в западной части бассейна Амазонки, а также в Мадре-де-Дьос (регионе на юго-востоке Перу на границе с Бразилией и Боливией); интенсификация дружеских отношений со странами на региональном и надрегиональном уровне; присутствие в южной части Тихоокеанского региона; участие в исследовании Антарктики⁷.

В целом перуанские исследователи, занимавшиеся данной проблемой, заложили основы, на которых должна базироваться геополитическая концепция перуанского государства. Последняя, в свою очередь, призвана ориентироваться на изучение возможностей национального пространства, включая земельные, водные и прочие ресурсы, их вовлеченность в геополитическую динамику, а также связь с прошлым, настоящим и проецирование ее на будущее⁸. Согласно справедливому замечанию Э. Харрина, «геополитика в динамике изучает жизнь организованных групп людей на конкретном участке суши, анализируя их многочисленные и обоюдные взаимодействия»⁹.

Национальную стратегию Перу можно разделить на два направления: внутреннее и внешнее. В первом случае, речь идет о необходимости стимулировать развитие связей между регионами, которые составляют «перуанское пространство». К внешнему направлению относятся вовлеченность Перу в интеграционные процессы

⁴ См. подробнее: *Проценко А.Е.* Латиноамериканская геополитика: подходы к проблеме, методология и периодизация. Материалы Второго международного форума «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность». СПб., 2015.

⁵ Geopolítica del Perú. URL: <http://mundogeografiaa.blogspot.ru /2013/06/geopolitica-del-peru.html> (дата обращения: 25.07.2016).

⁶ См. подробнее: *Mercado Jarrin E.* La política nacional y la estrategia militar en el Peru // *Estrategia*. №27. 1974.

⁷ Instituto Peruano de Estudios Geopolíticos y Estratégicos, Proyecto Geopolítico del Perú // *Revista de Estudios Geopolíticos y Estratégicos*. №5.1980.

⁸ *Child J.* Ibid. pp. 105–106.

⁹ Concepción Geopolítica del Perú. URL: <http://cienciageografica.carpetapedagogica.com/2012/09/la-tierra.html> (дата обращения: 25.07.2016).

в Латинской Америке, защита перуанских интересов в латиноамериканских делах (например, разрешение проблемы выхода к морю соседней Боливии в треугольнике Перу — Боливия — Чили)¹⁰, а также внерегиональные отношения. Наиболее перспективными, с учетом развития АТР, представляются направления внешней политики Перу на Тихом океане.

Тихоокеанский фактор во внешней политике Перу

Развитию геополитической мысли в Перу предшествовало ее доколумбово прошлое: цивилизация инков, существовавшая в 11–16 вв., создавая свою империю Тауантинсуйю (Tahuantinsuyo), выделила регион Куско в качестве «ядра», откуда проводилась инкская экспансия по отношению к соседним образованиям — на территории современных Эквадора, Боливии и Чили. Не исключено, что экспансия инков могла распространяться и на Тихий океан¹¹, но технологии того времени объективно ограничивали ее.

Для внешней политики Республики Перу, появившейся на карте мира в 1821 г., ключевую роль по географическим причинам играли и играют отношения с соседями: на севере — с Эквадором и Колумбией, на юге — с Боливией, на востоке — с Бразилией¹². Но с дальнейшим развитием технологий и мореплавания Тихоокеанский фактор также начинает обретать свою значимость: в ходе Первой Тихоокеанской войны (1864–1871 гг.) Перу вместе с Чили, Эквадором и Боливией отстаивал свою независимость, на которую покушалась бывшая метрополия — Испания. Показательно, что в ходе войны перуанцы не только разбили испанский флот в битве при Кальяо, но и на волне эйфории принялись разрабатывать план по высадке десанта на Филиппинские острова, тогда еще принадлежащие Испании. Неизвестно, чем бы закончился этот проект, но сама по себе готовность отправить такую экспедицию через весь Тихий океан (от Лимы до Манилы чуть больше 18 тыс. км), наглядно показывала, что тихоокеанское пространство уже является не барьером, но связующим пространством между Перу и Азией. Тем досаднее для Перу было утратить три южные провинции, богатые месторождениями селитры, во Второй Тихоокеанской войне с Чили (1879–1883 гг.): лишь в 1929 г. одна из них (Такна) вернулась в состав Перу.

Возможность контактировать со странами по ту сторону Тихого океана повлекла за собой развитие отношений с Японией, Китаем и Россией. К 1860-м гг. относятся первые контакты между Лимой и Санкт-Петербургом. Как отмечает Т. Петрова, в 1863 г. в Перу было открыто российское консульство, просуществовавшее до 1912 г., а в 1875 г. Перу и Россия подписали трактат о торговле и мореплавании¹³.

В интересах развития экономики, в которой значительную роль играет рыболовство, Перу в 1947 г. одним из первых в мире установил 200-мильную морскую

¹⁰ См. подробнее: *Дьякова Л.В.* Взрывоопасный тихоокеанский треугольник (Боливия — Чили — Перу) О некоторых новых чертах современной латиноамериканской геополитики (Аналитический доклад) / Отв. ред. В.П. Сударев, М.: ИЛА РАН, 2010. URL: <http://www.ilaran.ru/?n=689> (дата обращения: 30.08.2016).

¹¹ По словам испанского путешественника XVI в. П. Сармьенто де Гамбоа инки строили плоты, на которых могли достигнуть острова Пасхи. В 1998 г. группа географов опубликовала статью, в которой на основе общности ряда природных явлений на острове Пасхи и в Латинской Америке (пыльца, водоросли, окаменелые растения) предлагалась гипотеза, что инки могли посещать остров в 14 в. См: *Dumont, H.J., Cocquyt, C., Fontugne, M. et al.* Journal of Paleolimnology (1998) 20: 409. doi:10.1023/A:1008012720960.

¹² *Ивановский З.В.* Указ. Соч. С. 118.

¹³ *Петрова Т.П.* Эволюция внешней политики и дипломатии Перу (1821–2013). Автореферат диссертации на соискание ученой степени д.и.н. М.: Дипломатическая академия МИД РФ, 2014. С. 39.

зону, несмотря на возражения со стороны Вашингтона и Лондона. Позже право Перу на эту зону было подтверждено в национальных конституциях 1979 г. и 1993 г. В 1982 г. Лима при помощи стран Движения Неприсоединения добилась включения прав государств на 200-мильную морскую зону в Конвенцию ООН по морскому праву¹⁴.

Традиционная политическая ориентация Перу на союз с США, несмотря на заигрывания перуанского руководства с державами «оси» в 1930-х гг., помогла Перу присоединиться в 1945 г. к антигитлеровской коалиции. В условиях «холодной войны» эта ориентация оставалась неизменной до 1968 г., пока в Перу не свершился военный переворот. После того, как пришедшие к власти военные во главе с Х. Веласко Альварадо приступили к экономическим реформам, подрывавшим интересы американских компаний (например, национализация месторождений нефтяной компании «Интернейшнл Петролеум Компани» и пресечение незаконного рыболовства в водах Перу), а также к закупке вооружения и техники в Советском Союзе, перуано-американские отношения резко ухудшились. Именно в этот период перуанская дипломатия под руководством Г. Бедойя разработала концепцию многосторонней внешней политики страны, а Перу начал сближение с Движением неприсоединения¹⁵.

После распада биполярности, а также в связи с экономическим кризисом в стране, когда связи Перу с Москвой и Восточной Европой ослабли, партнерство с США снова вышло на первый план. В 2006 г. Перу подписал соглашение о свободной торговле с США, в 2011 г. — соглашение о торговом союзе с Мексикой¹⁶. Тем не менее об односторонней ориентации Перу на США говорить не приходится, поскольку в 1990-е–2000-е гг. страна приступила к развитию практических связей в рамках АТР.

Перу в АТР: АТЭС и Тихоокеанский альянс

О важности тихоокеанского вектора для Перу говорит и то, что национальный Институт геополитических исследований и стратегий (PEGE) совместно с Центром высших военных исследований (САЕМ) внес присутствие Лимы в АТР в «геополитический проект Перу». С целью эффективного использования геостратегического положения страны в экономических интересах руководство страны стало активно участвовать в реализации логистических проектов по вывозу экспортных товаров государств-членов МЕРКОСУР в страны тихоокеанского региона через перуанские порты Ило и Матарани¹⁷.

В 1998 г. Перу вступило в Ассоциацию тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) для того, чтобы активизировать отношения с его членами и вывести на более высокий уровень двусторонние отношения с его ключевыми акторами — КНР и Японией. Как пишет Т. Петрова, «большинство политологов и экономистов считают, что в XXI в. именно этот регион станет новым центром силы; уже сейчас на его долю приходится около 60% мирового производства»¹⁸. Членство в АТЭС позволило Лиме приступить к переговорам о подписании договоров о

¹⁴ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву, ст. 76. (1982) // Организация Объединенных Наций.

URL: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 25.07.2016).

¹⁵ Петрова Т.П. Указ. Соч. С. 29.

¹⁶ Там же. С. 32.

¹⁷ Ткаченко В.А. Феномен Фухимори: авторитаризм versus демократия. М.: ИЛА РАН, 2002. С. 97.

¹⁸ Петрова Т.П. Указ. Соч. С. 38.

свободной торговле со странами Северной Америки, а также с Чили, Сингапуром и Таиландом. В рамках АТЭС Перу «претендует на роль важного связующего звена между азиатскими и латиноамериканскими странами, не имеющими выхода к Тихому океану»¹⁹. Успехом можно считать тот факт, что в 2008 г. Перу удостоилась чести принимать у себя очередной саммит глав государств АТЭС.

В 2013 г. заместитель министра иностранных дел Перу Ф. Рохас подчеркнул, что участие в саммитах АТЭС является приоритетным направлением для официальной Лимы. По словам дипломата, «благодаря этому Перу может взаимодействовать с крупнейшими экономиками мира». В частности, бывший президент Перу О. Умала (2011–2016 г.) присутствовал на саммите АТЭС–2013, проходившем на Бали (Индонезия), где провел встречи на высшем уровне с представителями Южной Кореи, Мексики, Новой Зеландии и др. До этого перуанский лидер находился с официальным визитом в Таиланде. Его присутствие на саммите в 2013 г. имело целью изучение экономической и политической ситуации в АТР, в частности вопросов либерализации торговли, облегчения доступа иностранных инвестиций и экономической интеграции²⁰. Страны АТР, по мнению замминистра, лучше противостоят экономическим вызовам, чем Европа и США. Он отметил, что «Китай, а также Южная Корея, Сингапур, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Перу и Чили продемонстрировали, что готовы эффективно справиться с последствиями кризиса». 18–20 ноября 2016 г. Лима во второй раз приняла саммит АТЭС. Его участники приняли декларацию, в которой подтвердили свою приверженность «продвижению на всеобъемлющей и систематической основе к эвентуальному формированию АТЗСТ в качестве основного инструмента реализации повестки дня АТЭС в области региональной экономической интеграции»²¹.

Вторым важным форумом в АТР, в котором участвует Перу (с 2011 г., в качестве страны-соучредителя) в рамках реализации своей стратегии, стал Тихоокеанский альянс (ТА) — региональная торгово-экономическая инициатива, в которой также участвуют Мексика, Колумбия и Чили. Общим для всех этих стран является выход к Тихому океану, кроме того, Колумбия, Перу и Чили вместе составляют единое пространство, что упрощает экономические связи. Официальное учреждение данного объединения состоялось 28 апреля 2011 г., когда была подписана Лимская декларация²². Целями данного объединения являются создание интеграционной зоны для свободного перемещения товаров, услуг, капитала и людей; стимулирование большего роста, экономического развития и конкуренции для преодоления социального неравенства; формирование общей политической, интеграционной, экономической платформы, с акцентом на АТР.

Кроме того, в рамках данного интеграционного объединения предполагается беспшлинный ввоз между странами ТА сельскохозяйственных продуктов, текстиля и готовой одежды, полезных ископаемых и горючего, товаров химической промышленности, пластмассы, каучука, дерева и бумаги и др. Как отметил экс-президент Перу О. Умала, в региональном контексте Тихоокеанский альянс является

¹⁹ Там же.

²⁰ Bloque Asia-Pacífico es Prioritario para la Política Exterior Peruana.

URL: <http://www.andina.com.pe/agencia/noticia-bloque-asiapacifico-es-prioritario-para-politica-externior-peruana-477420.aspx> (дата обращения: 28.08.2016).

²¹ Декларация лидеров АТЭС 2016 г., Лима. 21.11.2016 г. // МИД РФ.

URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/rso/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/2532005 (дата обращения: 28.08.2016).

²² Declaracion de Lima Sobre la Alianza del Pacifico // La Nacion. 29.04.2011.

URL: <http://www.lanacion.cl/declaracion-de-lima-sobre-la-alianza-del-pacifico/noticias/2011-04-29/074940.html> (дата обращения: 28.08.2016).

моделью, демонстрирующей экономический рост стран в тяжелые времена. Перуанский лидер подчеркнул, что деятельность ТА должна выйти за рамки торговли и проявить себя в вопросах образования, а также разработки единых стандартов качества, что позволит экспортировать производимые четырьмя странами товары в страны Азии. В целом совокупный объем ВВП стран ТА оценивается в 39% от ВВП всей Латинской Америки. Экспорт Перу в страны ТА в 2015 г. составил 2,5 млрд долл. (4% от общего объема перуанского экспорта)²³. Из них 64% (1,595 млрд долл.) пришлось на такие продукты, как медная проволока, керамическая плитка, серная кислота, изделия из пластика, автопокрышки, красный перец, рекламные материалы, фосфат кальция, макаронные изделия, духи и туалетная вода и др.

Среди плюсов дополнительного торгового соглашения ТА для его стран-членов значатся увеличение рабочих мест и рост экспортных продаж прежде всего для малых и средних предприятий, которые получают большие преимущества, что в значительной мере способствует их развитию и благоприятно скажется на экономике каждой из стран.

По мнению экспертов МВФ, несмотря на признаки рецессии в регионе, «большинство стран продолжают демонстрировать постепенный рост». По данным организации, в 2016 г. Перу должен показать наиболее устойчивый экономический рост по сравнению с другими странами-участницами ТА. В оценках фонда отмечалось, что рост ВВП в Перу ожидается до 3,3%, в то время как в Колумбии — 2,7%, в Мексике — 2,6%, а в Чили — 2,1%. Руководитель департамента Западного полушария МВФ А. Вернер считает, что начало 2016 г. было трудным, судя по недавним финансовым потрясениям (замедление роста китайской экономики, падение цен на сырье и др.), и предсказывает негативный рост в 2017 г. для всей Латинской Америки и Карибского бассейна. Это, по его мнению, наблюдается в регионе впервые после долгового кризиса 1982–1983 гг.²⁴

Как считает международник Э. Велита, единый подход стран ТА должен способствовать тому, что Мексика, Колумбия, Перу и Чили смогут представлять общие интересы на азиатских рынках. Его коллега О. Видарте полагает, что «Перу обладает большим престижем благодаря своей внешней политике, потому что власти страны смогли использовать рост последних лет для формирования твердой позиции по иностранным инвестициям»²⁵. В целом в Перу ожидают от участия в ТА привлечение новых инвестиций и существенный подъем внешней торговли за счет экспорта товаров в Азию. В этом смысле на Тихоокеанский альянс возлагаются большие надежды.

«Особые связи» Перу и Японии в АТР

Особняком в рамках тихоокеанской политики Перу стоят отношения с Японией, с которой андское государство связывает отчасти общая история и многочисленные двусторонние соглашения. В период президентства в Перу А. Фухимори, японца по происхождению (1990–2000 гг.), Япония стала приоритетным направлением перуанской дипломатии в АТР. В самой же Лиме данное сотрудничество

²³ Pacific Alliance Trade Pact Aims to Build Regional Value Chains // Peru Reports (online). 03.05.2016. URL: <http://perureports.com/2016/05/03/pacific-alliance-trade-pact-eliminates-92-tariffs> (дата обращения: 29.08.2016).

²⁴ FMI: Perú Liderará Crecimiento Económico Entre Países de la Alianza del Pacífico. URL: <http://www.andina.com.pe/agencia/noticia-fmi-peru-liderara-crecimiento-economico-entre-paises-de-alianza-del-pacifico-595284.aspx> (дата обращения: 29.08.2016).

²⁵ Alianza del Pacífico es el Bloque Comercial Más Importante de Últimas Décadas. URL: <http://www.losandes.com.pe/Nacional/20140211/78380.html> (дата обращения: 30.08.2016).

рассматривали как потенциал для андского государства стать связующим звеном между АТЭС и Латинской Америкой²⁶.

Перу стал не только первым государством региона, установившим дипломатические отношения с Японией в 1873 г. (договор о мире, дружбе, торговле и мореплавании), но и одним из первых открыл дверь для японских мигрантов в конце XIX в. Представители Лимы, остро нуждавшейся в сельскохозяйственных рабочих (рабство в Перу было отменено еще в ходе борьбы страны за независимость от Испании), в рамках соглашения между правительствами двух стран, обратились за помощью к Токио. В 1899 г. в Кальяо прибыла первая группа японских переселенцев численностью 790 чел. Спустя четыре года на втором корабле прибыло свыше 1 тыс. чел. Третья группа японских контрактников прибыла в 1906 г. и составляла 774 чел. На 1941 г. в Перу проживало 26,3 тыс. японцев (из них 20 тыс. были выходцами из Окинавы, остальные — из других частей Японии). После 7 декабря 1941 г., когда Япония объявила войну США, Лима вслед за Вашингтоном разорвала дипотношения с Токио. Они были восстановлены только в 1961 г.

На сегодняшний день Перу является второй (после Бразилии) страной Латинской Америки по численности японской диаспоры, которая внесла значительный культурный вклад в развитие страны. Здесь проживает около 100 тыс. чел. с японскими корнями (еще 60 тыс. выросших в Перу японцев вернулись в Японию). Большинство перуанских японцев — потомки иммигрантов, приехавших в Перу до начала Второй мировой войны. В отличие от других стран Латинской Америки, японцы не задержались надолго на сельскохозяйственных плантациях Перу, а сумели переехать в города, получить образование, скопить капитал и сделать успешную карьеру (наиболее яркий пример — уже упоминавшийся А. Фухимори)²⁷. Сама же диаспора перуанских японцев находится на втором месте после китайской.

По словам министра внешней торговли и туризма Перу М. Силвы, экономические отношения между Лимой и Токио демонстрируют положительную динамику. В 2013 г. перуанский экспорт в Японию составил 1,1 млрд долл, что делает эту восточноазиатскую страну одним из главных рынков для сбыта перуанских товаров: рыбы и продукции горнодобывающих компаний. Министр также отметила, что ее ведомство в настоящий момент работает над продвижением прочих продуктов на японские рынки, что должно поспособствовать привлечению иностранных инвестиций. Также М. Силва подчеркнула, что для дальнейшего роста экономики Перу необходимо создать условия для частных вложений, как перуанских, так и зарубежных. Совместно с посольством Японии разрабатывается программа Movimiento OVOP («одна деревня, один продукт»), которая предполагает поощрение частного мелкого предпринимательства, производящего товары народного промысла и поддерживающего культурные традиции перуанцев²⁸. Договор перуано-японской экономической ассоциации (ААЕ) позволяет жителям Перу владеть совместными предприятиями, исправно соблюдающими национальные интересы. В свою очередь, это должно поспособствовать привлечению капиталов из Японии и других стран АТР.

Как показывает история Перу, тихоокеанский вектор его внешней политики с течением времени играет все большую роль в истории страны, позволяя

²⁶ Ткаченко В.А. Указ. Соч. С. 111.

²⁷ Петрова Т.П. Указ. Соч. С. 36.

²⁸ El Movimiento OVOP. URL: <http://www.mincetur.gob.pe/ovop> (дата обращения: 28.08.2016).

диверсифицировать ее экономику, расширять сферу добычи природных ресурсов (учреждение 200-мильной морской зоны), находить новые рынки сбыта для товаров и привлекать иностранные инвестиции. На концептуальном уровне тихоокеанская политика органично вытекает из видения «геополитического проекта» по консолидации страны, являясь продолжением ее внутренней политики.

Сегодня внешняя политика страны концентрируется не только на традиционных южно- или североамериканских партнерах. Перу активно развивает отношения с азиатскими странами АТР, в первую очередь, Японией, Китаем, Сингапуром и т.д. Участие в многосторонних форматах (АТЭС) позволяет Перу позиционировать себя как связующее звено между Азией и Америкой и участвовать в выработке международных многосторонних решений, работая на повышение своего авторитета. Как страна-учредитель ТА, Перу также стремится создать вокруг себя благоприятный экономический пояс, который бы способствовал росту экономических возможностей. Дальнейшие перспективы участия Перу в АТР будут зависеть как от внутреннего развития страны, так и от судьбы интеграционных проектов, в которых Лима принимает участие.

Abstracts

Dobrinskaya Olga. South China Sea Dispute and Japan's Interests

Ph.D., Research Associate, Institute of Oriental Studies, RAS, Senior Lecturer, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry (doa_78@mail.ru).

Abstract: The stability in the South China Sea has traditionally been significant to Japan. However, until recently Tokyo preferred to keep distance from the territorial disputes in this part of the world. In recent years Japan's strategy has changed being influenced by its strengthened policy of containment of China as well as support for the US policy of "rebalancing to Asia".

Key words: Japan, South China Sea, East China Sea, US, maritime security, self-defense forces, strategy.

Milani Marco. The Role of the Korean Peninsula in the Integration Processes in East Asia

Ph.D., Teaching assistant, Faculty of Political Science, University of Bologna, Italy (marco.milani6@unibo.it).

Abstract: The purpose of the article is to address the controversial issue of cooperation — or lack of it — in Northeast Asia, with particular reference to the issues concerning the Korean peninsula which has shown over the years to be a crucial point of tension, but also as a possibility to develop cooperation between the actors in the area. For this reason, the first part is dedicated to a brief overview of the state of cooperation in Northeast Asia and underlines the main point of political friction across the area, that hinder cooperation and integration. Subsequently, the focus shifts to the Korean peninsula, with a second part describing the development of inter-Korean relations in the last decades, with a specific focus on cooperation and integration on the peninsula, and a third part in which we address the regional dimension of the Korean issue and its role in preventing or fostering regional cooperation.

Key words: the Korean Peninsula, Northeast Asia, DPRK, nuclear problem, cooperation, regional integration.

Fujian Li, Jinsha Deng, Dongyi Li. The evolution of Diplomatic Relations between China and the Regional Economic Integration Organizations: Bilateral and Multilateral Diplomacy?

Research Associates at the China Institute of International Relations.

Abstract: The article traces the evolution of the diplomatic tools used by China in its cooperation with the EU, the countries of Central and Eastern Europe and ASEAN. The authors consider the role of multilateral mechanisms that China uses to defend its national interest in relations with the key partners-regional integration groups. It is shown that with increasing economic and political power of China and its role on the international arena diplomatic tools change. The authors emphasize that this does not negate the use of traditional bilateral formats, as well as combinations thereof with the multilateral platforms.

Key words: China, EU, CEE, ASEAN, multilateral diplomacy, regional integration groups, interactive mechanism.

Zakharov Alexey. US – India Cooperation in the Asia-Pacific: Issues and Prospects

Postgraduate Student at Volgograd State University (aleksei.zakharof@yandex.ru).

Abstract: The article deals with an analysis of economic and military-political perspectives of US-India cooperation in the Asia-Pacific. It describes the trade and economic disputes of two states. The author outlines the reasons why India is staying outside the project of Trans-Pacific Partnership and other regional economic groupings. The enlargement of US-India political dialogue and its implications for China and India-China relations are analyzed. Military-political aspects of US and India cooperation. The author comes to the conclusion that although the coordination of India and USA in the Asia-Pacific and Indian Ocean region is growing up, the New Delhi will stick to the multi-vector foreign policy and the bilateral partnership will probably have an ad hoc nature.

Key words: US-India relations, the Indo-Pacific region, China, ASEAN, Russia.

Safronova Irina. US — China Rivalry and Multilateral Cooperation in the Asia-Pacific Region

Postgraduate student, Department of International Relations, Faculty of World Economy and World Politics, Higher School of Economics (isafronova@hse.ru).

Abstract: The article compares approaches of the US and China towards multilateral cooperation in the Asia-Pacific Region. The role of ASEAN in the process of multilateral cooperation is analyzed. It is concluded that stronger competition between the US and China requires ASEAN to strengthen its role in promoting stability in the region.

Key words: multilateral cooperation, Asia-Pacific Region, ASEAN, China, the United States, economic integration, regional security.

Nevskaya Anastasia. Asia as a New Center for Creative Industries Development?

Ph.D., Research Associate at IMEMO RAS (a.nevskaya@hotmail.com).

Abstract: The article analyzes creative industries in the Asian region. It is shown that Asian countries are getting one of the world's centers for creative industries development, outracing in some indicators such traditional centers like the USA and the EU. This seems to have happened thanks to a number of factors among which are rapid growth of the middle class in the Asian developing countries, urbanization and starting deindustrialization, and — in some cases — a purposeful state policy. Taking the example of China the author identifies the main problems and weaknesses in the development of creative industries in the region and represents the prospects for their evolution.

Key words: creative industries, Asia, China, soft power, middle class, urbanization, intellectual property.

Baronina Julia. Manufacturing Strategies of European Automakers in Asian Countries

Postgraduate Student, Junior Research Associate at IMEMO RAS (ubaronina@mail.ru).

Abstract: Production and consumption patterns in the global automotive industry are characterized by important changes. While the European market demand is slowing down, Asian countries become a major growth pole. This process makes European companies change their production strategy drastically. They have to shift an emphasis on the new market development. This article analyses the dynamic of cars production at the beginning of the XXI century by countries and regions. It also examines the main features of the industry in the largest Asian countries and highlights characteristics of European automakers strategies in this region.

Key words: automotive industry, European automakers, Asia, manufacturing strategies, business internationalization.

Boldyrev Vitalii. Trans-Pacific Partnership in US and Russian Strategies in Asia-Pacific

Ph.D., Junior Research Associate of Laboratory of Situation Analysis, Asia-Pacific Studies Centre, IHAЕ FEB RAS (boldyrev89@list.ru).

Abstract: The role of Trans-Pacific Partnership (TPP) Agreement in the U.S. and Russian strategies in Asia-Pacific region is analyzed in the article. Economic and political specifics of American approach toward TPP are highlighted and researched. The role of TPP for the American economy is characterized. U.S. Congress's and interest groups' positions toward TPP are studied. Russia's approach toward economic integration in the Asia-Pacific region is determined. It is concluded that TPP gives the United States an opportunity to form a regional economic and political bloc in accordance with its interests. Whereas for Russia TPP is an additional integration format, in which only its indirect participation is possible.

Key words: USA, Trans-Pacific Partnership, integration, Asia-Pacific, Russia, The Far East.

Korolev Alexander. Malaysia on the Way to the Knowledge Economy: Plans, Achievements, Challenges

Junior Research Associate at the Center for Comprehensive European and International Studies, Higher School of Economics (askorolev@hse.ru)

Abstract: The article analyzes the role and place of the strategy "Vision 2020" in the socio-economic modernization of Malaysia. Particular attention is paid to the ICT industry as the backbone for the innovative development of the country. The author examines in detail such tools of the Malaysian

economy modernization as cybercities and economic corridors. The article presents the main barriers and risk factors for the development of the knowledge economy in Malaysia. The author shows that despite the impressive achievement, the country is not ready to make a decisive leap in the development and obtain the status of a developed country by 2020.

Key words: Malaysia, information and communication technology (ICT), "Vision 2020", Multimedia Super Corridor (MSC), socio-economic transformation.

Shelukhin Anton. Investments of Chinese TNCs in Africa in The Framework of the Concept of "One Belt, One Way"

Postgraduate Student at IMEMO RAS (sh.tosha@yandex.ru).

Abstract: The article analyses the changing role of China in Africa and China's investment in the African continent. We analyze the infrastructure projects under the concept of "One Belt, One Way" by the example of East African countries, especially Kenya. The author reveals the opportunities and risks that occur during the preparation and implementation of infrastructure projects. We consider the implications of the basic model of financing infrastructure by China in Africa. The author shows that the economic expansion of China's multinational corporations in Africa is beneficial to both parties, however, it leads to greater dependence of African countries on China.

Key words: FDI, multinational companies, China, mergers and acquisitions, the concept of "One Belt, One Way", "The economic zone of the Silk Road", infrastructure investments, economic expansion.

Volynsky Andrei, Kruglova Maria. Fixed Assets' Renewal Calculation in China and Vietnam

Junior Research Associates, Institute of Economics RAS (ava3003@hotmail.com).

Abstract: The article compares and analyzes the statistical representation of economic development indicators such as reproduction and renewal of fixed assets formats in China and Vietnam. As a theoretical basis for the study the authors use the reproductive theory of Karl Marx, which considers the reproduction of fixed assets as a source of economic growth. The paper shows how the data is disclosed in the national statistical systems and gives the idea of the structural complexity of the economy of the country in question, as well as the role of state in investments.

Key words: China, Vietnam, statistics, fixed assets, reproduction theory.

Flegontova Tatyana. Russia's Place in the Integration Architecture of Asia-Pacific: Opportunities for Inter-block Cooperation

Director of the Russian Centre for APEC Studies at RANEPa (tatyanaflegontova@gmail.com).

Abstract: The article analyses of the transformation of the modern integration activities in Asia and the opportunities for Russia to become a part of the regional integration architecture. The author points out that the number of economic players joining the integration groupings is growing, while the scopes of the agreements are becoming wider. Many integration initiatives are based on the existing value chains. On the one hand, it helps the signatory countries' companies, but on the other hand, it may lead to conservation of production and trade chains within regional blocs. It is concluded that Russia should involve in the integration activities in the region while considering the commitments made as a member of the Eurasian Economic Union.

Key words: Asia and the Pacific, integrational grouping, regional integration, value chain, economic mega-blocks, free trade zone.

Evtodieva Marianna. Russian Policy of "Turning to Asia" in the Context of the Problems of Military-Technical Cooperation

Ph.D., Senior Research Associate, Head of research group, Center for International Security Studies, IMEMO RAS (marianna133@mail.ru).

Abstract: The article examines the perspectives of technological and military-technical cooperation between Russia and the Asia-Pacific countries after the introduction of sanctions against Russia in 2014 affecting the sphere of defense and dual-use technology. The major constraints for defense exchanges in the Asia-Pacific region are the focus of the leading Russian partners in Asia (India, China) to obtain technology from Russia and their unwillingness to transfer technologies back as well as the US eagerness to limit defense ties of its allies and partners in the Asia-Pacific region with

Russia. The author concludes that the military-technical cooperation of Russia with India and China has reached its limits, which makes it necessary to revise the agreements in the nearest future.

Key words: weapons and military equipment, military-technical cooperation, Asia-Pacific region, sanctions.

Voda Kristina. Japanese Think Tanks: Impact on Foreign Policy and Russia-Japan Relations

Ph.D., Junior Research Associate, Center for Asia-Pacific Studies, IMEMO RAS (vodakris@gmail.com).

Abstract: The article aims to study the role of Japanese think tanks in decision-making and their impact on relations with Russia. The posture of Asian and Japanese think tanks in the global ratings is reviewed. Key features of leading Japanese foreign policy think tanks are considered. Conferences and other events with participation of think tanks from Japan and Russia are analyzed. It is concluded that Japanese think tanks are generally unable to independently set the agenda of Russia-Japan relations due to financial and organizational constraints. However, their role as “track two” diplomacy actors was helpful particularly during the period of deterioration of Russia-Japan relations in 2014-2015.

Key words: think tanks, expert community, Russian-Japanese relations, “track two” diplomacy.

Liu Xintao. Asia-Pacific and the Shaping of “Big Eurasia”: a Russian-Chinese Dimension

Postgraduate student at RANEP, Project Director of America and Europe at International center for education and exchanges, Shenyang University, China (xt83tree@aliyun.com).

Abstract: The articles focuses to the prospects of shaping of Big Eurasia as a one pole of economic and political cooperation in Asia. The author analyzes the progress and existing problems on this way, examines the features of Russian-Chinese cooperation as a necessary condition for the establishment of one big Eurasian area. He also explores main issues impeding the dialogue between Russia and China. He concludes that complex Russian-Chinese cooperation under some conditions has the chance to shape a “Big Eurasia” and gives recommendations on this subject.

Key words: Asia-Pacific, Big Eurasia, EAEU, ASEAN, Russian-Chinese relationship.

Gorbacheva Natalia. Megaregion Siberia and the Asia-Pacific Region: Perspectives of Cooperation in the Energy field

Ph.D., Senior Research Associate, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, "Trends" Foundation for Socio-Prognostics Research, Novosibirsk (nata_lis@mail.ru).

Abstract: The article explains the concept of "megaregion Siberia" and its application to the analysis of economic, political, cultural and ideological processes which occur in this part of Russia. Prospects of cooperation between the two megaregions — Siberia and Asia-Pacific Region (APR) — in the energy sector are analyzed. Particular attention is paid to coal, which not only is the dominant source of energy in both Siberia and APR, but has also an image of a dirty energy source. That makes coal an interesting object for research and intensifies the search for new technologies for its utilization.

Key words: Megaregion, Siberia, Asia-Pacific Region (APR), energy, coal, New Industrial Revolution, energy Centers, technological cooperation.

Mamyркиn Gleb. Russian Companies in US: Investments after 2000

Postgraduate Student, Junior Research Associate at IMEMO RAS (glebmamyркиn@yandex.ru).

Abstract: The article investigates the dynamics of the flow of Russian direct investments in the United States, factors and conditions of deployment of Russian assets in various economic spheres, taking into account regional and industry characteristics, the role of the Russian capital in the economy of individual states and the United States as a whole. In the last decade saw an increase in the activity of Russian companies in North America, although their role in the US economy is still very modest. The article focuses on conditions for the acquisition of assets of major Russian companies mining, machine building, steel, transport industries, as well as firms in information technology. It analyzes investment activity under the sanctions regime and figures out the future prospects of companies with Russian capital in the US market.

Key words: Foreign direct investment, US market, Russian TNCs, the global financial crisis, sanctions, changes in demand.

Polkhova Ekaterina. Approach of Japan Federation of Economic Organization Keidanren towards Dialogue with Russia

Postgraduate Student at Saint-Petersburg State University (polkhovez08@yandex.ru).

Abstract: The article analyzes the activities of Japan Federation of Economic Organizations Keidanren in the USSR and Russia. Key mechanisms Keidanren's work are considered. It is concluded that Keidanren has played a significant role in formation of institutional basis of Russia-Japan trade and economic cooperation. During the years of operation in the USSR, and later in Russia, Keidanren has been able to open channels for communication between Japanese businesses and Russian government, which made it an essential partner for the dialogue between two countries.

Key words: Keidanren, Russia, Japan, cooperation, economy.

Timofeyev Pavel. Asia-Pacific in Contemporary France's Foreign Policy

Ph.D., Research Associate at IMEMO RAS (p.timofeyev@gmail.com).

Abstract: The article reviews main destinations of French policy in the Asia-Pacific. Economic, political and military-strategic interests of France in the Asia-Pacific as well as advantages and vulnerabilities of its Pacific possessions are analyzed. Examining trends of French relationship with some Asian-Pacific states author shows that it's economy that leads the relationships. Political component mainly follows economic one without playing any self-sufficient role or it is able to put a brake because of ideological divergences of France with Asian-Pacific states.

Key words: France, Asia-Pacific, French-Chinese relationship, Indochina, ASEAN, Asia.

Prokhorov Ruslan. Asia-Pacific in Foreign Economic Relations of Pakistan

Ph.D., Research Associate at Institute of Oriental Studies of the RAS (vostok2014IV@gmail.com).

Abstract: The article deals with the economic cooperation of Pakistan the leading countries the Asia-Pacific region. The author researches the intention of Islamabad to enlarge the cooperation with USA as a world superpower, with great powers like China and Russia, as well as regional powers like Malaysia and Indonesia. Author concludes that official Islamabad will undoubtedly use all foreign policy opportunities to strengthen its economic and political influence in the region.

Key words: Pakistan, Asia-Pacific, investment, trade, economic development, security.

Goryachev Nikolai. The Features of the Political and Economic Dialogue between Mexico and Peru with the People's Republic of China (from 1970 to 2010-ies).

Senior Laboratory Assistant, Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the far-east RAS, Vladivostok (nngoryachev@gmail.com).

Abstract: The article gives a brief analysis of the relationship of Mexico and Peru towards China. It covers the period from 1970 to 2010. The author compares the historical and current state of economic relations the countries under review, researches the impact of domestic political processes on their bilateral relationship. It is concluded Mexico and Peru face a lot of common problems in their relationship with China despite the difference of their policies towards Beijing.

Key words: Mexico, Peru, China, Chinese investment, Free trade area, APEC.

Shinkarenko Alexander. Pacific Vector of the Foreign Policy of Peru: Conceptual and Practical Issues

Ph.D., Research Associate at Institute of Latin America RAS (hombreyo@gmail.com).

Abstract: The article researches the role of Pacific vector of Peruvian foreign policy. The author examines conceptual grounds of Peruvian Pacific policy, gives the historical background for main steps of Peru's policy in the Pacific Ocean. The participation of Peru in multilateral formats and the specifics of Peruvian-Japanese relations is also researched. The author concludes that the Pacific vector of Peruvian foreign policy becomes one of the most prominent from the viewpoint of diversification of economic contacts and Peru's participation in integrational projects in the Asia-Pacific area.

Key words: Peru, Asia-Pacific, APEC, Pacific Ocean, Pacific Alliance.

Продолжающееся издание ИМЭМО РАН «Мировое развитие»

Выпуск 1 (2005). ТНК в мировой политике и мировой экономике: проблемы, тенденции, перспективы

Выпуск 2 (2007). Интеграционные процессы в современном мире: экономика, политика, безопасность

Выпуск 3 (2008). Государство в эпоху глобализации: экономика, политика, безопасность

Выпуск 4 (2008). Конфликты экономических и политических интересов на постсоветском пространстве

Выпуск 5 (2009). Россия в мировой экономике и международных отношений

Выпуск 6 (2010). Кризисные явления в мировой экономике и политике

Выпуск 7 (2012). Экология и энергетика: локальные ответы на глобальные вызовы

Выпуск 8 (2012). Россия в системах международных связей: экономика, политика, безопасность

Выпуск 9 (2013). Человеческое измерение мировой экономики и политики

Выпуск 10 (2013). Конкуренция и конфликтность в мировой экономике и политике

Выпуск 11 (2013). Энергетическая безопасность: национальные, региональные и международные аспекты

Выпуск 12 (2014). Европейский союз в формирующемся миропорядке

Выпуск 13 (2014). Энергетика и инновации на перекрестках мировой политики

Выпуск 14 (2015). Вызовы для России в меняющемся мире

Выпуск 15 (2015). Энергетические рынки в период глобальных перемен

Выпуск 16 (2016). Интеграционные и дезинтеграционные процессы в мировой экономике и политике?

Научное издание

Азиатско-Тихоокеанский регион:
новый центр мировой политики и экономики?
(Мировое развитие. Выпуск 17)

Ответственные редакторы:

*Вода Кристина Рудольфовна
Невская Анастасия Алексеевна
Тимофеев Павел Петрович*

Сборник статей

ISBN 978-5-9535-0499-7

Подписано в печать 05.04.2017
Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Объем 25,5 п.л., 15 а.л. Тираж 150 экз. Заказ № 08/2017

Издательство ИМЭМО РАН
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23